

№ 4 (99) 1998

Всероссийское
Общественно-политическое
движение

Научно-издательский
совет ВОПД «Духовное
наследие»

ПОДБЕРЕЗКИН А.И.

(председатель),

Большов А.П.

Бугай Н.Ф.

Воротников В.П.

Григорьев В.П.

Губенко Н.Н.

Еременко И.Н.

Зоркальцев В.И.

Зюганов Г.А.

Кожемякин В.Н.

Котилевский М.Д.

Краснов В.Н.

Лебедев Ю.В.

Луньков А.Г.

Майоров Д.А.

Новиков Ю.Д.

Пешков В.П.

Подберезкин И.И.

Репкин Ю.М.

Тарасов В.М.

Трошкин Н.Н.

Финько О.А.

Штоль В.В.

Редакционная коллегия

ШТОЛЬ В.В.

(главный редактор)

Бугай Н.Ф.

Ведута Е.Н.

Еременко И.Н.

В НОМЕРЕ N 4 (99):

Наши интервью

- Независима ли Российская Фемида?

*Интервью главного редактора журнала с Председателем Верховного
Суда РФ В.М.Лебедевым*

Внутренняя политика

- Власть в России: партии или чиновничество?

В.Павленко.

- Правовая защита военнослужащих: проблема ограничения прав.

А.Коровников.

- О положении студенчества в Российской Федерации (Информация
Министерства общего и профессионального
образования РФ).

- Исторический опыт местного самоуправления.

А.Парадиз

Внешняя политика

- ООН на стыке веков.

А.Орлов.

- Потомки янычар стараются не терять формы.

А.Куртов.

- Новый важный регион мировой политики.

А.Вавилов, Е.Медведева.

Военно-политические проблемы

- Военная реформа и задачи военной науки.

И.Даниленко.

- Традиции военного дела и современное военное строительство.

В.Круглов.

Экономика

- Новый курс для России.

Е.Ведута

- Международные экономические организации и инвестиционный
климат в России.

И.Соколов.

(исполнительный
директор)
Майоров Д.А.
Мичунович В.
Новиков Ю.Д.
Пляйс Я.А.
Чеботарева В.Г.

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «РАУ-Университет»

- Инвестиционное сотрудничество Республики Корея и США.
И.Гладков.

Наука

- Родимые пятна российского либерализма.
Н.Азаркин.

История

- Око государево (из истории прокуратуры).
А.Звягинцев, Ю.Орлов.

Товарные рынки России

- Красная книга товарных рынков России: рынок наукоемкой продукции.
А.Селезнев.
- Оптовые и розничные цены России: уровень жизни.
В.Катков

Оригинал-макет подготовлен редакцией информационно-аналитического журнала “ОБОЗРЕВАТЕЛЬ - OBSERVER”.

Адаптирован для WEB службой поддержки.

Независима ли Российская Фемида?

Интервью главного редактора журнала с председателем Верховного Суда Российской Федерации В.Лебедевым.

ЛЕБЕДЕВ Вячеслав Михайлович, Председатель Верховного Суда Российской Федерации; родился 14 августа 1943 г.; окончил Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова; с 1970 по 1977 г. занимал должность судьи Ленинградского районного народного суда Москвы; с 1977 по 1984 г. был председателем Железнодорожного районного народного суда Москвы; с 1984 по 1986 г. занимал должность заместителя председателя Московского городского суда; с 1986 по 1989 г. — председатель Московского городского суда; 26 июля 1989 г. назначен Председателем Верховного Суда РСФСР (с 1992 г. — Верховного Суда РФ).

Скажите, Вячеслав Михайлович, что изменилось в деятельности Верховного Суда? Какова, на Ваш взгляд, роль судебной власти в современном российском государстве? Независима ли она и если да, то каким образом осуществляется ее независимость на практике?

Минул еще один год на пути реформирования судебной системы страны. Его итоги кратко можно свести к следующему: суды с возложенными на них задачами в основном справились. Прodelан большой объем работы. Рассмотрено свыше трех миллионов гражданских дел, более полутора миллионов дел об административных правонарушениях. По уголовным делам вынесены обвинительные приговоры в отношении более 1 млн. человек.

Очередной период в осуществлении судебной реформы пройден, можно сказать, удовлетворительно. Он, прежде всего, связан с вступлением в действие закона «О судебной системе Российской Федерации», в соответствии с которым мы работали с 1 января 1997 года. Истекший год стал первым и в работе по новому Уголовному кодексу, что, безусловно, отразилось на судебной практике. Изменились многие составы преступлений, появились новые. Более дифференцированными стали как система уголовных наказаний, так и подходы к их назначению.

В стране еще более упрочилась судебная власть, как самостоятельная влиятельная сила, необходимая любому государству. В демократической стране она обеспечивает защиту конституционных прав и свобод граждан, поддерживает равновесие между законодательной и исполнительной властями. Будучи независимой, судебная власть в своей деятельности по осуществлению правосудия не может руководствоваться политическими интересами, симпатиями к каким-либо партиям, общественным движениям или пристрастием к кому-либо.

Независимость судебной власти не только декларирована законодательством, но и является реальной действительностью. Она заключается, прежде всего, в подчинении судей только Конституции страны и закону.

Независимость судебной власти выражается и в том, что судьи в своей профессиональной деятельности никому не подотчетны. Судьи несменяемы, их полномочия не ограничены определенным сроком. Законом установлены и другие гарантии независимости носителей

судебной власти. За неисполнение постановления суда и проявление к нему неуважения в какой-либо иной форме предусмотрена ответственность, в том числе уголовная.

Судебная власть имеет в своем распоряжении и своего рода механизм принуждения — институт приставов-исполнителей, основной задачей которых является обеспечение исполнения судебных решений, и наконец, финансирование деятельности судов осуществляется из федерального бюджета, что также служит свидетельством независимости судебной власти.

Насколько едина судебная система в Российской Федерации и как осуществляется контроль за деятельностью судов? Являются ли решения высших судебных инстанций обязательными для низших?

В настоящее время в государстве действует система федеральных судов общей юрисдикции. В перспективе намечается создание института мировых судей, но закона о них пока нет.

Высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции является Верховный Суд Российской Федерации. В систему федеральных судов общей юрисдикции входят верховные суды республик, краевые и областные суды, суды автономной области и автономных округов, городов федерального значения и районные суды. Действуют также военные суды.

Термин «контроль» применительно к осуществлению правосудия не отражает существа взаимоотношений между судебными инстанциями. Вышестоящие суды не командуют нижестоящими, а осуществляют кассационные и надзорные функции. Верховный Суд вправе отменить или изменить приговор или решение, вынесенные любыми судами Российской Федерации, в том числе, верховным судом республики, краевыми, областными судами. Последние, в свою очередь, наделены такими же полномочиями в отношении приговоров и решений районных судов. Но это может быть сделано только в случаях нарушения или ненадлежащего выполнения закона нижестоящим судом. Если закон не нарушен, решение по делу принято правильно, у вышестоящей инстанции нет никаких оснований к его отмене или изменению.

В целях единообразного и правильного применения законов Верховный Суд России регулярно публикует обзоры судебной практики — решений по конкретным делам с приведением комментария существа принятого решения и разбором допущенных судами ошибок. Эти своего рода прецеденты служат хорошим подспорьем, они помогают судьям лучше ориентироваться при рассмотрении дел аналогичной категории или сходных по своим обстоятельствам. Пленум Верховного Суда по материалам обобщения судебной практики и анализа судебной статистики дает судам соответствующие разъяснения. Причем если прежде постановления Пленума являлись «руководящими», то есть, обязательными для судов, то, изучая последние постановления, можно убедиться в том, что они стали носить рекомендательный характер и не посягают на независимость и самостоятельность судей в принятии решений по рассматриваемым делам. Хотя постановления Пленума, безусловно, учитываются при осуществлении правосудия и организации работы судов.

Вячеслав Михайлович, бывают случаи, когда судьи, не учитывая личность обвиняемого, отпускают его до суда под подписку о невыезде или под залог. В результате эти лица совершают новые преступления и даже убийства. Что Вы можете сказать по этому поводу?

Я выступаю против голословных обобщений, и тем более обвинений. Принимая решение об освобождении лица из-под стражи, судьи в каждом конкретном случае учитывают множество факторов. Не стану отрицать, к сожалению, бывает и так, что освобожденный обвиняемый совершает новое преступление или «пускается в бега». Но это чаще исключение, чем правило.

Вспомните, сколько споров вначале вызывала отмена судьями решений органов предварительного следствия относительно применения меры пресечения в виде заключения под стражу, особенно когда в уголовно-процессуальном кодексе еще не было на сей счет специальных статей, а судьи стали руководствоваться нормами международного права. Вопрос о законности рассмотрения судьями жалоб на арест и продление срока содержания под стражей по конкретному уголовному делу был предметом рассмотрения Президиума Верховного Суда. Кроме того, эта проблема дважды выносилась на Пленум Верховного Суда Российской Федерации.

Применение же залога для нашей уголовно-процессуальной практики не новость, особенно по делам, главным последствием которых явилось нанесение потерпевшему имущественного ущерба. Просто сейчас залог стал применяться шире. Появились лица, располагающие возможностью предоставления материальных гарантий своего законопослушного поведения. Ведь в обеспечение явки обвиняемого по вызовам в депозит суда вносятся соответствующие ценности — значительные денежные суммы. Если после внесения залога обвиняемый нарушит свои обязательства, то залог будет обращен в доход государства. Причем это вовсе не означает, что нарушитель закона избежит ответственности, — начатый в отношении него уголовный процесс продолжается в соответствии с законом. Такого рода практика существует во многих государствах, и она себя вполне оправдывает.

Примечательно, что количество жалоб на применение меры пресечения в виде заключения под стражу в 1997 г. несколько сократилось, а удельный вес их удовлетворения не превышает 20—21%. Уменьшилось и число лиц, взятых под стражу судом. Это говорит прежде всего о том, что органы предварительного расследования стали более дифференцированно, даже, сказал бы, ответственно подходить к решению вопросов об избрании меры пресечения.

А что, в принципе, может помешать судьям беспристрастно исполнять свои обязанности. Какова их защищенность от давления извне?

Многие недостатки в деятельности судов обусловлены их перегруженностью работой. В 1997 г., по сравнению с предшествующим годом, количество рассмотренных судами гражданских дел возросло почти на треть. При этом численность судей осталась прежней. Должен сказать, что проблема состоит даже не столько в растущем количестве гражданских дел (хотя это немаловажное обстоятельство), сколько в изменившемся их характере. Число разрешаемых в судах трудовых споров увеличилось вдвое, а дел о нарушениях порядка и сроков оплаты труда — в три раза. Растет число гражданско-правовых споров, вытекающих из нарушений налогового законодательства, избирательного права, жалоб на неправомерные действия должностных лиц и коллегиальных органов управления. Значительно больше рассмотрено исков о возмещении ущерба, предъявленных к органам дознания, следствия и суда. Даже простое перечисление появившихся в последнее время категорий дел уже дает представление о том, насколько сложнее для разрешения стали поступающие в суды дела. Они требуют более высокой квалификации судей, больших затрат времени и сил на подготовку к их рассмотрению.

О гарантиях независимости судей я уже говорил в начале нашей беседы. Если подходить к этому вопросу формально, то любое воздействие на судью с целью воспрепятствования осуществлению правосудия является преступлением и карается уголовным наказанием. Защищенность судей от давления извне мне видится опять же в их независимости от кого бы то ни было и в подчинении только закону. С другой стороны, судья ведь не изолирован от общества, а потому он не застрахован от попыток лиц, заинтересованных в исходе уголовного или гражданского дела, воздействовать на него. Одни звонят по телефону, излагают просьбы при личных встречах наедине, обещают выделить квартиру, помочь с размещением судов, с обустройством служебных кабинетов и т.д. Встречаются дельцы, которые ищут пути склонения судьи на свою сторону иными способами. Чего греха таить, попадают в судейское кресло и отдельные неблагонадежные люди. На их моральной неустойчивости и строится расчет. В 1997 г. десятки служителей Фемиды были лишены

судейских полномочий за совершение поступков, позорящих честь и достоинство судьи и умаляющих авторитет судебной власти. Своих просчетов в подборе кадров, в работе с ними мы не скрываем и делаем все, чтобы впредь их было меньше. Ведь главное — не повторять совершенных ошибок.

Кроме того, большие надежды на дальнейшее ослабление зависимости правосудия от всех и вся мы связываем с созданием Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, закон о котором принят и вступил в силу. Речь идет об учреждении самостоятельного федерального органа, независимого от структур исполнительной власти. Его главной функцией станет организационное обеспечение деятельности всех судов общей юрисдикции на территории страны (кроме Верховного Суда РФ, обеспечение деятельности которого как сейчас, так и в дальнейшем будет осуществляться его собственным аппаратом). К ведению Судебного департамента переходят вопросы кадрового, финансового, материально-технического и иного характера, направленные на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия. В его задачи будут входить организация строительства зданий и реконструкция помещений судов, их ремонт, техническое оснащение, материальное и социальное обеспечение судей, в том числе пребывающих в отставке, работников судов, обеспечение их благоустроенным жильем, медицинское обслуживание, санитарно-курортное лечение и ряд других.

В своей деятельности Судебный департамент будет руководствоваться Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указаниями Президента России, постановлениями Правительства страны, а также распоряжениями Председателя Верховного Суда Российской Федерации и решениями органов судебного сообщества, принятыми в пределах их полномочий.

Словом, правовая база для успешного функционирования Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации создана. Теперь предстоит решать задачи практической реализации принятого закона. По мере формирования структур нового федерального государственного органа к нему отойдут все вопросы обеспечения деятельности судов, находившиеся до сих пор в ведении Министерства юстиции.

Как Вы считаете, нужен ли суд присяжных в России и если да, то когда он будет введен на всей территории страны. Будет ли принят закон о мировых судьях?

Отношение общества к введению судов присяжных в России неоднозначно. Считаю, что это нормально. Противоречивость в оценках суда присяжных характерна даже для тех стран, где история их деятельности исчисляется десятилетиями.

В Конституции России провозглашено право обвиняемого в совершении преступления на рассмотрение его дела в установленных законом случаях судом с участием присяжных заседателей. Считаю возврат к суду присяжных (он существовал в царской России) вполне прогрессивным событием. Другое дело, в большинстве субъектов Российской Федерации суд присяжных еще не введен по ставшей уже банальной причине отсутствия средств. Но один вывод на основе обобщения опыта работы судов с участием присяжных заседателей можно уже сделать — они повлекли повышение требований к полноте предварительного следствия, к качеству доказательств, предъявляемых представителям обвинения. Именно на примере суда присяжных мы впервые увидели, что такое состязательный процесс и в чем его достоинства.

Что касается мировых судей, то я поддерживаю возрождение и этого института. Мировые судьи могли бы рассматривать значительный объем уголовных, гражданских и дел о административных правонарушениях, что заметно разгрузит районные суды, позволит им сосредоточиться на рассмотрении более сложных дел. Пока же принятый Федеральным Собранием закон о мировых судьях Президент России отклонил. Тем не менее считаю идею введения института мировых судей предпринятой — это лишь вопрос времени.

Спасибо за интервью.

ВЛАСТЬ В РОССИИ: *партии или чиновничество?*

**В.ПАВЛЕНКО ,
кандидат политических
наук**

Российская многопартийность представляет собой одну из самых ярких примет современной политической жизни.

Аналитики едва ли не единодушны во мнении: за прошедшие годы партии проделали значительную эволюцию — от мелких неформальных групп и осколков бывшей КПСС до нынешних парламентских фракций и групп. У большинства имеется опыт участия в различных избирательных кампаниях. Многие входят в блоки и коалиции, создают различные объединения и союзы. Сложившаяся на этой основе расстановка политических сил включает широчайший спектр идеологических воззрений и программно-политических установок. Так что привычный сюжет противостояния — «демократы-реформаторы» против «ретроградов-коммунистов» — давно уже стал достоянием истории.

Некоторые партии, прежде всего представленные в Государственной Думе, институализировались — то есть обзавелись достаточно надежной электоральной базой, собственной нишей в политическом спектре, а нередко — и определенными позициями в федеральных и региональных органах власти. Пример недавнего «яблочника», а ныне Министра финансов М.Задорнова, — у всех на виду.

1. Партии и общество

Словом, сегодня именно партии, наряду со свободой слова и выборностью органов власти, прежде и более всего ассоциируются с политическим переустройством последних лет.

Итак, самое время определить, что же такое партии.

Известный немецкий ученый Макс Вебер называл их *союзами единомышленников, создаваемыми с целью приведения своих лидеров к политической власти и получения тем самым определенных*

Из этого следует, что целью и смыслом существования партий является **ВЛАСТЬ**. Достижение ее неизменно, почти ритуально провозглашается большинством партийных программ. И российские здесь не исключение.

Другой вопрос — насколько реальны эти претензии. И вот тут-то обнаруживается, что до равноправного **УЧАСТИЯ ВО ВЛАСТИ** большинство российских партий пока не дотягивает.

В самом деле, партий много, но они в основном малочисленны и не распространяют свое влияние за пределы Садового кольца. Притчей во языцех стали шумные внутрипартийные разборки, не интересующие никого, кроме делящих власть и деньги лидеров. Не является секретом ограниченность политической и социальной базы большинства партий. На местах дело нередко доходит до того, что различные, но идеологически близкие организации представлены одними и теми же людьми (именно поэтому местные партийные структуры общий язык находят быстрее своих столичных вождей).

Ряд специалистов, например известный политолог В.Комаровский, объясняют этот феномен тем, что важнейшим признаком политической системы в России является исполнительная власть, а не гражданское общество и, следовательно, не партии.

Свою долю «вины» за положение, в котором оказались партии, несет и Государственная Дума — единственный отданный им «на откуп» институт власти. Отсутствие у какой-либо из партийных фракций устойчивого парламентского большинства позволяет исполнительным структурам уверенно проводить свою линию, играя на межфракционных противоречиях.

Отсюда вывод: говорить о партиях, как и о других политических институтах, в России можно лишь с поправкой на отечественную специфику, суть которой — в особых условиях и традициях взаимоотношений власти и общества.

Причина очевидна: в государствах Западной Европы и Северной Америки партии обычно формируются снизу вверх, как инструменты влияния и давления на власть, а также представления на политическом уровне определенных групповых интересов. (В той же Америке, например, любая совместная деятельность граждан начинается с избрания представителей для отстаивания своих прав и интересов перед властями.) То есть на Западе партии — это своеобразные каналы связи и взаимного влияния гражданского общества и власти.

В России — и здесь В.Комаровский абсолютно прав — гражданского общества как системы независимых от государства общественных связей и инициатив, действительно, не сложилось. Поэтому здесь партии вытесняются более приспособленными для действий в этих условиях и к тому же постоянно разрастающимися бюрократическими структурами. Получается, что роль партий в России фактически играет чиновничество, которое объединяется отнюдь не идейно-политическими, а корпоративными интересами.

Взаимодействие власти и общества при этом становится «улицей с односторонним движением»: власть управляет, а граждане выполняют ее предписания. Возможность обратных импульсов — от общества к власти — при этом весьма ограничена. В зачаточном состоянии остается и местное самоуправление — исторически наиболее распространенная форма российской «низовой» демократии. На Западе все это относят к признакам авторитаризма.

Обращает внимание и другое. В отличие от советской эпохи, когда все противоречия внутри государственного и политического руководства были надежно скрыты от общества, сегодня все иначе. Шумные публичные «разборки» свидетельствуют: далеко не едина и сама «партия власти». То есть и самой бюрократии порой непонятно — какую из двух, а то и нескольких «генеральных линий» сегодня поддерживать. А это усугубляет раздражающее власть межклановое соперничество.

Конечно, противоречия несколько сглаживаются институтом президентства: ученые, например, подсчитали, что ему у нас принадлежит примерно 85% конституционных полномочий. Но и это

не панацея — для поддержания равновесия сил Б.Ельцину все же приходится непрерывно балансировать между различными групповыми интересами. На Западе это именуется «бонапартизмом». Но в России такое балансирование позволяет постоянно расширять опору президентской власти, вплоть до включения в нее части умеренной парламентской оппозиции. Именно этим, как уже отмечалось, объясняется недавнее и столь неожиданное «потепление» взаимоотношений Кремля и Охотного ряда.

То есть не исключено, что предстоящий отчет Правительства, инициаторство которого приписывают оппонентам «молодых реформаторов» во главе с А.Лившицем, превратится в своего рода презентацию нового социально-экономического курса, в центре которого окажутся наиболее популярные сегодня идеи социальной справедливости, равноправия и патриотизма.

А это весьма примечательно: в гражданском обществе, где властвуют партии, такие повороты, как правило, осуществляются при смене власти, путем ее перехода от «правых» — либералов и консерваторов к «левым» — социалистам и социал-демократам. И наоборот.

У нас — собственная специфика. И весьма вероятная смена «руководящих» знамен, скорее, всего будет осуществлена за счет передачи власти из одной президентской руки в другую.

Хорошо это или плохо? На наш взгляд, в условиях отсутствия укорененных традиций передачи власти, это оптимально. В отличие от большинства государств Запада, где стабильность политических систем обеспечивается конституциями и многовековыми политическими традициями, у нас она в большей степени определяется субъективными факторами — определенными корпоративными интересами и выражающими их персоналиями.

Это и понятно: так называемый «средний класс», на который ориентируется большинство западных публичных политиков, в России до сих пор не сложился. А в его отсутствие вакуум социального представительства, как мы уже убедились, заполняется чиновничеством, организующимся строго по иерархическому признаку. В этом лишний раз убедили итоги ноябрьско-декабрьской серии выборов в региональные парламенты: большинство победителей представляют местные номенклатурные и хозяйственные элиты, никак не связанные с московской партийной «тусовкой». Те же из них, кто выдвигался каким-либо из избирательных объединений и блоков — КПРФ — НПСР, НДР или кем-то из местных «центристов» — свою партийную принадлежность, как правило, не афишировали.

Все это говорит о том, что перспективы российской многопартийности на исходе первого десятилетия ее существования по-прежнему не вполне ясны. Не стихает и полемика. Так, некоторые политологи (Ю.Корчунков) полагают, что партии в России вообще не сложатся, апеллируя при этом к опыту переживающих кризис многопартийности «цивилизованных» демократий. Другие (А.Рябов) убеждены, что многопартийность все-таки укрепит, но не в настоящее время, а по завершении процесса кристаллизации социальной структуры. А до этого роль партий будут выполнять представленные во власти корпоративные группировки. Третьи же (А.Салуцкий) считают, что политическая система Российской Федерации уже сейчас движется в направлении долгожданной двухпартийности, породняющей ее с передовыми достижениями западной политической теории и практики.

Обращает внимание и еще одна закономерность: условием политического выживания партий все чаще становится их включение в орбиту влияния того или иного претендента на властный Олимп. И хотя политики подобного масштаба, как правило, не склонны «складывать все яйца в одну корзину», вокруг них постепенно все же образуются группы политической и партийной поддержки, влияющие на общественное мнение.

2. Партии и политики

Последние недели ушедшего года были отмечены новым всплеском партийного строительства. И хотя главные события на этом фронте еще впереди, определенные выводы можно сделать уже сегодня.

Прежде всего необходимо отметить, что в движение пришли все без исключения сектора и ниши политического спектра. В большинстве из них углубилось размежевание приверженцев различных идейно-политических течений. Так, с образованием новых «анпиловских» структур — «объединенной» КПСС и «национал-большевистского» блока «Союз радикалов» (В.Анпилов — С.Терехов — Э.Лимонов) фактически завершено оформление тройственного раскола в коммунистическом движении. Новые объединения жестко противостоят другим левым группировкам — несколько более «респектабельным» радикалам из РКРП, а также народно-патриотической «системной» оппозиции в лице КПрФ и НПСР. Отношения между ними по-прежнему отличаются бескомпромиссным идейным и политическим противоборством.

Аналогичная картина сохраняется и у либералов, где в настоящее время продолжается спор извечных оппонентов — ДВР и «Яблока». И, судя по последним событиям, Е.Гайдар и его сторонники, по-прежнему ориентирующиеся на А.Чубайса, намерены всерьез оспорить у Г.Явлинского имидж «демо-кратических оппозиционеров». Об этом, в частности, говорит отказ депутатов от ДВР голосовать за бюджет, являющийся, по их мнению, плодом беспринципного сговора «номенклатурной» части Правительства и поддерживающего их левооппозиционного думского большинства. В этом «гайдаровцы» непосредственно пересекаются с «Яблоком», чья фракция по-прежнему и практически в полном составе раз за разом голосует против бюджета.

Сохраняет свою актуальность тенденция к некоторому упорядочению партструктуры, впервые проявившаяся на парламентских выборах 1995 г. Кроме того, под влиянием возобновившейся дискуссии вокруг реформы избирательного законодательства происходит перегруппировка сил, в результате которой, похоже, начинает уходить в прошлое привычный «мелкопартийный» изоляционизм: отдельные партии начинают — как открыто, так и неявно — объединяться вокруг потенциальных претендентов на президентское кресло, образуя политические движения и блоки.

По сведениям из НДР, его руководством практически уже принято решение о выдвижении собственного претендента на президентское кресло. Мало кто сомневается в том, что им станет лидер движения В.Черномырдин. Но с одной, весьма существенной оговоркой: в случае, если на этот пост не станет в третий раз претендовать Б.Ельцин. А это, в условиях нынешнего раскола «партии власти», не только возможно, но и достаточно вероятно.

Обращает внимание и то, что в НДР активизировалась внутренняя структуризация: создана ассоциация депутатов всех уровней, функционирует неформальный Координационный совет коллективных членов, значительное внимание уделяется созданию фракций в парламентах субъектов Федерации, количество которых в ближайшее время планируется довести до 25—30.

В декабре 1997 г. в противостояние «традиционных» либералов — ДВР и «Яблока» — вмешался бывший руководитель думской фракции НДР С.Беляев, объявивший о создании оргкомитета нового движения (условное название «Наша Россия»). В идейно-политическом плане сторонники С.Беляева претендуют на нишу «умеренного либерального патриотизма»². Однако то обстоятельство, что идеологическая платформа движения формируется при активном участии Фонда региональных программ, известного своей жесткой «прочубайсовской» ориентацией, наводит на мысль, что «беляевское» движение ставит перед собой цель, с одной стороны, «оттенить» своеобразный «космополитизм» ДВР, придав сторонникам А.Чубайса имидж сторонников умеренного, респектабельного патриотизма. А с другой — делает ставку на привлечение в свои ряды части членов «Яблока» и, безусловно, НДР, которое сам лидер «Нашей России» покинул в конце августа.

Создаваемое движение уже сейчас поддерживается рядом структур, ранее находившихся в орбите НДР и умеренной патриотической оппозиции (движение «Стабильная Россия» и Народно-патриотическая партия, представляющая собой политическое крыло Российского союза ветеранов Афганистана).

Само «афганское» движение, объединившись с ветеранами необъявленных войн и локальных конфликтов, сформировало союз «Боевое братство», лидер которого — генерал Б.Громов — не

скрывает своих политических амбиций. Тот факт, что сам Б.Громов, по имеющимся данным, входит в команду Ю.Лужкова, подтверждается присутствием на «афганском» съезде наблюдателей от Российского движения за новый социализм (РДНС) Ю.Петрова, второй съезд которого, состоявшийся 6 декабря, был удостоен программной и уникальной в своем роде речью московского мэра.

Декабрь вообще можно смело называть «месяцем Лужкова», которому впервые удалось не только обозначить основные программные приоритеты — «социализм» и «патриотизм», но и сформировать «под них» некую не особо афишируемую политическую конструкцию. Очевидно, что роль «левой», социалистической руки московского мэра в ней должен сыграть РДНС, а «правой», патриотической — Б.Громов с «Боевым братством».

С другой стороны, из числа основных политических «протезе» Ю.Лужкова можно смело исключить Л.Рохлина и его ДПА. Состоявшийся 25 декабря второй съезд этого движения был озаглавлен выходом из него одной из ключевых, «знаковых» фигур — бывшего министра обороны И.Родионова, который, по имеющейся информации, также вскоре войдет в команду московского мэра.

На роль главного «публичного» конкурента Ю.Лужкова в социалистической части спектра активно претендует Б.Березовский. Об этом свидетельствуют решения, принятые состоявшимся 27 декабря расширенным заседанием политсовета руководимой И.Рыбкиным Соцпартии России (СПР). Окончательное оформление структур политической поддержки, секретаря Совета Безопасности намечено на конец февраля.

Декабрьская картина событий партийной жизни будет неполной без упоминания о прошедшем в Санкт-Петербурге четвертом съезде русских националистов. Главной его сенсацией стал окончательный разрыв лидера Российского общенародного союза (РОС) с прежними соратниками из КПрФ и НПСР. Отныне вице-спикер Государственной Думы является без пяти минут «официальным» кандидатом в Президенты РФ от группы мелких радикально-националистических организаций, среди которых особо выделяются сторонники идеологии «русизма» из Народно-национальной партии (ННП). По всей видимости, переход С.Бабурина, прежде сторонника стихийного, полусоциалистического коллективизма, в лагерь национал-радикалов не обошелся без влияния его «нового-старого» соратника по бывшему Верховному Совету Н.Павлова, известного своими жесткими националистическими взглядами.

Таким образом, последние изменения в партийной системе являются следствием начавшейся подготовки различных партий и движений к новому избирательному циклу 1999—2000 гг. Особенности поведения партий, выражающиеся в их консолидации вокруг потенциальных участников президентских выборов, являются главным отличием от кампании 1995 г., в которой прохождение в Думу большинством партийных лидеров рассматривалось отдельно от выборов главы государства.

Ряд ведущих политиков — В.Черномырдин, Ю.Лужков, а также, по некоторым сведениям, А.Чубайс — от отдельных групп партийной поддержки перешли к созданию систем, включающих различные, внешне не связанные между собой политические объединения, которые при ближайшем рассмотрении оказываются тесно консолидированными вокруг единого кандидата.

Не лучшие времена переживают сегодня «старожилы» Государственной Думы в лице КПрФ и ЛДПР. В последние месяцы они столкнулись с жесткой конкуренцией в собственных сферах электорального влияния. И если коммунистам, несмотря на усиливающиеся внутренние разногласия, в целом удается сохранять имидж одной из ведущих оппозиционных сил, то сторонники В.Жириновского, как показали недавние многопартийные выборы в Красноярском крае, все более уступают свою нишу партии генерала А.Лебедева — РНРП.

Конечно, изменения в партийном спектре пока носят промежуточный характер. Основные события впереди. Тем не менее некоторые выводы сделать уже можно. С ними мы вас и познакомили.

¹ Л.Санистебан. Основы политической науки // М., изд. «Владан», 1992. С. 71. | [НАЗАД](#) |

² В период избирательной кампании 1995 г. на эту нишу безуспешно пытался претендовать бывший министр финансов Б.Федоров со своим движением «Вперед, Россия!». | [НАЗАД](#) |

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: проблема ограничения прав

А.КОРОВНИКОВ,
депутат Государственной Думы РФ,
кандидат юридических наук

Важнейшим источником российского военного права является действующая Конституция Российской Федерации, определившая Россию как социальное государство. Ее принятие в 1993 г. потребовало значительных изменений в законодательстве в целом и в военном законодательстве в частности.

Боеготовность и боеспособность армии во многом зависит от содержания и качества действующих правовых норм. Право, если оно отвечает необходимым требованиям, способствует обеспечению сплоченности и единства действий военнослужащих, мобилизации их на совершенствование боевого мастерства, на безупречное несение военной службы, а также реализации их прав и законных интересов. Поэтому и в области военного строительства важно, чтобы научные рекомендации и передовой опыт своевременно получали правовое закрепление, чтобы в праве воплощались прогрессивные тенденции развития военного дела.

Военная служба, как известно, это особый вид государственной службы. Ее особенности состоят в том, что:

- во-первых, военнослужащие, выполняя конституционную обязанность по защите Отечества с оружием в руках, беспрекословно выполняют поставленную задачу в любых условиях, в том числе с риском для жизни;
- во-вторых, уклад жизни, быт и деятельность военнослужащих детально регламентированы, на них возлагается повышенная юридическая ответственность;
- в третьих, военнослужащие ограничиваются в гражданских, личных, политических и социально-экономических правах и свободах.

Однако в отечественной науке и юридической практике до сих пор нет единого толкования "ограничения", что, вероятно, связано с наличием в международно-правовых документах нескольких терминов, отражающих это явление.

Так, к примеру, во Всеобщей декларации прав человека (принята 10 декабря 1948 г.) (п. 2 ст. 29), Пакте об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 декабря 1966 г.) (ст. 4), Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (принят 29 июня 1990 г.) используется термин "ограничения" (ст. 24); в Международном пакте о гражданских и политических правах (вступил в силу 23 марта 1976 г.) (ст. 4) — термин "отступление от своих обязательств", в Американской конвенции о правах человека¹ (ст. 27) — термин "приостановление гарантий", а в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод² (принята 4 ноября 1950 г.) используются на равных два термина — "ограничение" (ст. 8—11, 18) и "отступление от своих обязательств" (ст. 15).

Анализ международных и отечественных документов показал, что ограничение прав и свобод как международно-правовое явление должно включать в себя следующие структурные элементы: правовую основу, определяющую характер и содержание ограничений, цель ограничений, обстоятельство, вызвавшие необходимость ограничений, права и свободы, которые могут быть ограничены, права и свободы, подлежащие ограничениям, информирование мирового сообщества о введении ограничений.

I. ПРАВОВАЯ ОСНОВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ХАРАКТЕР И СОДЕРЖАНИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ

Каждый человек при осуществлении своих прав и свобод должен подвергаться только таким ограничениям, которые устанавливает закон. Гарантацией именно такого развития законодательства по правовой защите военнослужащих могло бы стать закрепление в Конституции Российской Федерации новых подходов, связанных с признанием особого статуса военнослужащего и конституционной регламентацией ограничения его прав и свобод. С этой целью необходимо основы правовой защиты военнослужащих непосредственно закрепить в Конституции России. Это ключевой момент, на котором должна быть выстроена отечественная система правовой защиты военнослужащих.

В законодательстве Российской Федерации прямое определение термина "правовая защита" отсутствует. Однако в период с 1990 по 1998 г. более чем в пятнадцати законодательных актах термин "правовая защита" был применен законодателем. Исходя из анализа Российского законодательства и правоприменительной практики **правовая защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей — это функция государства, предусматривающая разработку, принятие, реализацию нормативных правовых актов и приведение в действие механизмов, обеспечивающих гарантии реализации прав, свобод, льгот, гарантий и компенсаций.**

Нельзя не отметить в этой связи, что права военнослужащих специально оговорены в международных пактах о правах человека.

Ныне действующая Конституция России 1993 г. содержит широкий круг прав граждан страны. Однако в ней ничего не говорится о гарантиях соблюдения этих прав в отношении военнослужащих.

Нужно сделать так, чтобы изначально статьи Конституции адекватно компенсировали ограничение у военнослужащих таких конституционных прав, как право на свободу передвижения, право на выбор места жительства, возможность заниматься предпринимательством, право на свободу вероисповедания, право на участие в митингах и забастовках и т.д.

В Конституции России целесообразно определить статус военнослужащего как гражданина страны и необходимость защиты его неприкосновенности как особого должностного лица. Речь идет о социально-экономических, политических и личных правах и свободах, которые не могут быть изменены актами меньшей юридической силы. Иными словами, никакая правовая регламентация не может идти вразрез с конституционными правами и свободами военнослужащих как граждан России.

Для этого уже в ближайшее время необходимо внести в Конституцию Российской Федерации 1993 г. поправки, содержащие базовые конституционные нормы правовой защиты военнослужащих и конституционную регламентацию ограничения их прав и свобод ([см. табл.](#)).

II. ЦЕЛЬ ОГРАНИЧЕНИЙ

Ограничения прав военнослужащих не должны применяться произвольно. Их применение должно быть связано с конкретными целями.

Согласно Всеобщей декларации целями ограничений прав человека являются (п. 2 ст. 29):

- обеспечение должного признания и уважения прав и свобод других людей;
- удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

Указанные цели ограничений юридически закреплены в Пакте о гражданских и политических правах (п. 3 ст. 12; п. 3 ст. 18; п. 3 ст. 19; ст. 21; п. 2 ст. 22).

В соответствии с п. 3 ст. 22 Американской конвенции о правах человека целями ограничений также являются:

- предупреждение преступления и защита национальной безопасности;
- здоровье других людей.

По сравнению со Всеобщей декларацией и Пактом о гражданских и политических правах цели ограничений значительно расширены Европейской конвенцией. По этому документу ограничения, кроме того, вводятся с целью: поддержания государственной и общественной безопасности или экономического благосостояния страны; предотвращения беспорядков или преступлений; охраны здоровья или нравственности населения (ст. 8—9); охраны территориальной целостности; защиты репутации других лиц; предотвращения разглашения конфиденциальной информации; поддержания авторитета и беспристрастности судебных органов (ст. 10).

Исключительно важно для дальнейшего развития отечественной юридической науки и законодательной практики определить основные цели ограничений прав военнослужащих, которые должны быть в развитие конституционных положений закреплены в Законе Российской Федерации "О статусе военнослужащих".

Исходя из анализа, конституционных и федеральных законов Российской Федерации основными целями ограничений прав военнослужащих являются:

- защита государственного суверенитета и национальной безопасности государства;
- поддержание высокой боевой готовности и боеспособности Вооруженных Сил России;
- предотвращение разглашения государственной и военной тайны.

III. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ВЫЗЫВАЮЩИЕ НЕОБХОДИМОСТЬ ОГРАНИЧЕНИЙ

В международно-правовых документах обстоятельства, при которых могут вводиться ограничения прав человека, носят названия **чрезвычайных обстоятельств**. Однако понятийный аппарат "чрезвычайные обстоятельства" в науке разработан не достаточно. Единственным правовым документом, где дается определение этому правовому явлению, является Конвенция МОТ "О принудительном или обязательном труде" № 29 от 28 июня 1930 г.³ В соответствии с п. d ст. 2 этой Конвенции под чрезвычайными обстоятельствами понимаются обстоятельства, ставящие под угрозу или могущие поставить под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего или части населения.

К ним относятся:

- чрезвычайное положение в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявлено;
- война, общественная опасность или другие чрезвычайные обстоятельства, которые угрожают независимости и безопасности государства;
- бедствие или угроза бедствием, как то: пожары, наводнения, голод, землетрясение,

сильные эпидемии или эпизоотии, нашествия вредных животных, насекомых или паразитов растений.

Необходимо отметить, что закрепленные в международных пактах обстоятельства ограничения прав человека носили до последнего времени довольно общий характер ввиду неодинакового подхода к этой проблеме в законодательстве различных государств.

Этот пробел в теории и практике международно-правовой защиты человека был в значительной мере восполнен принятием в 1990 г. восьмым Конгрессом по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями "Основных принципов применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка", а в региональном масштабе — Документом Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ в 1991 г.

В первом документе установлены пределы применения силы и оружия, в т.ч. при чрезвычайных обстоятельствах, а во втором, в частности, указывается, что такие чрезвычайные обстоятельства, как внутренняя нестабильность или любые другие чрезвычайные общественные явления, не могут служить оправданием для любого отхода от Основных принципов.

К этому следует добавить, что статья 6 Пакта о гражданских и политических правах, закрепляющая неотъемлемое и естественное право человека на жизнь, не допускает отступления от этого права даже в условиях чрезвычайного положения.

С учетом буквы и духа упомянутых международно-правовых документов и норм представляется возможным рассмотреть с юридической точки зрения события, имевшие место в России в 1993—1995 гг.

В этой связи, неоспоримым является тот факт, что применение вооруженной силы, включая авиацию, артиллерию и танки, как против народных депутатов Верховного Совета Российской Федерации 3—5 октября 1993 г., так и против гражданского населения в Чечне в 1994—1995 гг. стало явным нарушением международно-правовых стандартов в отношении прав человека.

Таким образом, несмотря на то что основные принципы применения силы и огнестрельного оружия и Документ Московского совещания носят рекомендательный характер, они имеют огромное значение в качестве правового обычая. Во-первых, для правовой защиты человека в России и, во-вторых, для совершенствования национального и, особенно, военного законодательства Российской Федерации.

IV. ПРАВА И СВОБОДЫ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ ОГРАНИЧЕНЫ

Права человека, которые при указанных в международно-правовых документах обстоятельствах могут быть ограничены, составляют основу правового явления ограничений.⁴

Право на ограничение прав, провозглашенное Всеобщей декларацией (ст. 29), впервые было реализовано после второй мировой войны в международно-правовом договорном документе регионального уровня Европейской конвенцией защиты прав человека и основных свобод. В документах же глобального масштаба ограничения прав человека юридически были закреплены лишь в 1960 г. в Международных пактах о правах.

В российском военном законодательстве только в 1993 г. с принятием Закона РФ "О статусе военнослужащих" впервые на законодательном уровне были закреплены ограничения прав военнослужащих: право на свободу передвижения; право на выбор места жительства; право заниматься предпринимательской деятельностью; право на свободу вероисповедания; право на участие в митингах, шествиях и забастовках; право на свободу ассоциации с другими, включая

право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

В 1997 г. Законом Российской Федерации "О дополнениях и изменениях в Закон Российской Федерации о статусе военнослужащих" ограничение военнослужащих в праве создания и участия в профсоюзах было отменено.

V. ПРАВА И СВОБОДЫ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИЕ ОГРАНИЧЕНИЯМ

Значительным шагом вперед в развитии международно-правовой защиты как отрасли международного права явилось закрепление в Пакте о гражданских и политических правах тех личных и гражданских прав, которые не подлежат ограничениям даже в условиях чрезвычайного положения.

В соответствии с п. 2 ст. 4 Пакта такое положение не может служить основанием для каких-либо ограничений: права на жизнь (ст. 6); свободы от пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания (ст. 7); свободы человека от рабства или подневольного состояния (ст. 8); права человека не считаться виновным в совершении какого-либо уголовного преступления вследствие какого-либо действия или упущения, которое, согласно действующему в момент его совершения внутригосударственному законодательному или международному праву, не являлось уголовным преступлением (ст. 15); права на признание правосубъективности (ст. 16) и свободы человека иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору, без принуждения (ст. 18).

Перечень прав, не подлежащих ограничениям, установленный Пактом о гражданских и политических правах, существенно дополнен региональными конвенциями. Так, Американская конвенция о правах человека устанавливает (п. 1, 2 ст. 27), что ни война, ни общественная опасность, ни другое чрезвычайное обстоятельство не дают оснований для каких-либо приостановлений действия ст. 17 (права семьи), ст. 18 (право на имя), ст. 19 (права ребенка), ст. 20 (право на гражданство) и ст. 23 (право на участие в управлении).

Европейская конвенция и пополнившие ее одиннадцать протоколов, а также сложившееся на их основе прецедентное право Совета Европы определяют, что правами, не подлежащими ограничениям, являются: право на жизнь, свобода от пыток и обращения, унижающего человеческое достоинство, свобода от рабства и принудительного труда (п. 2 ст. 15 Конвенции). К такого рода неотъемлемым правам приравнены свобода от дискриминации и некоторые другие.

В отношении остальных прав человека и основных свобод временное отступление государств от соблюдения ввиду чрезвычайных обстоятельств допускается. Но масштабы дерогации должны быть соразмерны природе и характеру этих обстоятельств, а опасность, угрожающая жизни наций и диктующая необходимость дерогации, расценивается как достаточно реальная и неотвратимая.

VI. ИНФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА И ВВЕДЕНИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ

И, наконец, последним обязательным элементом ограничений является информирование государством международного сообщества об их введении и прекращении действия. Пакт о гражданских и политических правах (п. 3 ст. 4) устанавливает, что любое государство, участвующее в нем, и, которое допустило отступление от статей Пакта, должно немедленно информировать другие государства-участники через посредство генерального секретаря ООН: о положениях, от которых оно отступило; о причинах отступлений; о дате, когда оно прекращает такое отступление.

Государства — участники Пакта, которые являются участниками региональных конвенций и деклараций, обязаны также информировать о вводимых ограничениях и региональные сообщества государств. Так, государства — участники Американской конвенции,

"воспользовавшись правом на приостановку" статей конвенции, должны немедленно информировать другие государства через генерального секретаря Организации американских государств (п. 3 ст. 27).

Государства — участники ОБСЕ должны также немедленно информировать институт ОБСЕ о решении объявить или отменить чрезвычайное положение, а также о любом отступлении от международных обязательств этого государства в области прав человека. Институт без задержки информирует другие государства-участники. Аналогичный порядок существует и среди государств, подписавших Европейскую конвенцию. Государства, воспользовавшиеся правом отступления от обязательств, ставят в известность Генерального секретаря Совета Европы (п. 3 ст. 15).

Допускаемые по международным договорам о правах человека ограничения имеют в разных странах разный объем и содержание. В результате, считает Ю.А. Решетов, осуществляемые права за вычетом этих ограничений становятся еще более относительными. Не способствует полной реализации прав такое положение, когда государства считают в порядке вещей устанавливать ограничения прав и свобод не только в форме законов, как это установлено в ст. 4 Пакта об экономических, социальных и культурных правах, но и в форме других постановлений.

Резюмируя все вышеизложенное о международных стандартах в области прав человека, можно сказать, что они вырабатываются на межгосударственном уровне, предназначаются для регулирования межгосударственного сотрудничества, и адресуются государствам, которые обязаны в пределах своей юрисдикции обеспечить правовую защиту своих граждан и несут ответственность перед своим народом, перед международным сообществом за соблюдение прав человека. Это исключительно важно для дальнейшего развития российского военного законодательства.

Национальные нормы и принципы правовой защиты военнослужащих не могут опускаться ниже уровня международных стандартов. Международные стандарты в области правовой защиты военнослужащих выполнимы только там и тогда, где и когда отношения между военно-служащими и государством максимально способствуют реализации правовых норм. Если государством не обеспечиваются такие права, как право на жизнь, на неприкосновенность и личную безопасность, то нельзя говорить о выполнении таким государством международных стандартов.

Это положение особенно актуально для России. Вот уже многие годы механизм исполнения законов, регулирующих правовую защиту военнослужащих, не выдерживает никакой критики. Многие хорошие законы не работают, уровень правовой и социальной защиты военнослужащих в современных условиях продолжает оставаться крайне низким и не отвечает международно-правовым стандартам.

¹ Конвенция принята 22 ноября 1969 г. Вступила в силу в 1978 г. | [НАЗАД](#) |

² Вступила в силу 3 сентября 1953 г. | [НАЗАД](#) |

³ Конвенция вступила в силу 1 мая 1932 г. Ратифицирована Президиумом ВС СССР 4 июня 1956 г. | [НАЗАД](#) |

⁴ Еще раньше, чем Всеобщая декларация, была принята Американская декларация прав и обязанностей человека, которая устанавливала право ограничивать права каждого человека правами других лиц, безопасностью всех, требованиями благополучия и достижениями демократии (ст. XXVIII). Однако недостатком декларации, в отличие от Европейской конвенции, было то, что она не указывала те конкретные права человека, которые могли быть ограничены, а которые ограничению не подлежали. | [НАЗАД](#) |

О ПОЛОЖЕНИИ СТУДЕНЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ и возможностях совершенствования его социальной защиты в соответствии с современными требованиями

В 573 государственных учреждениях высшего профессионального образования и 2608 государственных учреждениях среднего профессионального образования обучается около 5 млн. студентов. На 01.01.97. в государственных учреждениях высшего профессионального образования на дневном отделении обучалось 1,77 млн. чел., на вечернем отделении — 0,162 млн. чел., на заочном отделении — 0,86 млн. чел., по системе экстерната — 1241 чел. и составляло в сумме свыше 2,8 млн. студентов; в государственных учреждениях среднего профессионального образования на дневном отделении обучалось 1,43 млн. чел., на вечернем отделении — 90 тыс. чел., на заочном отделении — 0,451 млн. чел., по системе экстерната — 298 чел. и составляло в сумме около 2 млн. студентов.

Ежегодные приемы в государственные высшие и средние учебные заведения составляют в среднем по 700 тыс. чел. при ежегодном выпуске специалистов в системе государственного профессионального образования около 1 млн. чел. (за 1996 г. — 909 160 чел.), из них по очной форме обучения — в среднем 65—70% (за 1996 г. — 618 085 чел., или 67% от общего числа выпускников).

Приведенная выше численность студентов государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования не равномерно распределена среди министерств и ведомств, которым подчинены те или иные образовательные учреждения.

Так, на долю Минобразования России приходится 67,4% всех обучающихся студентов высших учебных заведений, а на долю Минсельхозпрода России, Минздрава России, МПС России и еще 18 ведомств — остальные 32,6%.

В настоящее время количество высших учебных заведений страны увеличилось по сравнению с 1994 г. на 20 (3%), при увеличении контингента на 268 тыс. чел. (10%).

Законом Российской Федерации «Об образовании» установлена норма обучения студентов в государственных учреждениях высшего профессионального образования не менее 170 на каждые 10 000 чел., при финансировании обучения за счет средств федерального бюджета. К настоящему времени с 1994 г. данный показатель увеличился на 10% и составил 190 студентов.

С 1994 г. отмечается резкий рост — на 35% (по отношению к 1997 г.) — негосударственных высших учебных заведений в системе профессионального образования, контингент студентов увеличился на 32%.

В 244 негосударственных учреждениях высшего профессионального образования на 01.01.97. обучалось 162 тыс. чел., что составляло 5% от общего количества студентов высших учебных заведений.

Несмотря на заметное увеличение показателей, характеризующих профессиональное образование, ухудшение социально-экономического положения абсолютного

большинства граждан не создает достаточных гарантий для осуществления молодым поколением своих прав на образование, охрану здоровья, отдых, гармоничное духовное, нравственное, физическое развитие.

За последние годы на федеральном уровне принят ряд законов и иных нормативных правовых актов по вопросам социальной защиты студентов, обучающихся по очной форме обучения.

В результате сложилась следующая система материального обеспечения студентов:

- стипендиальное обеспечение студентов, обучающихся в учреждениях высшего и среднего профессионального образования, в зависимости от успехов в учебе и их материального положения, установлено действующим законодательством;
- для студентов высших учебных заведений в сумме двукратного минимального размера оплаты труда в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22.08.96. № 125-ФЗ;
- для студентов учреждений среднего профессионального образования в сумме 70% от минимального размера оплаты труда в соответствии с Законом Российской Федерации «О минимальном размере оплаты труда» от 30.03.93. № 4693-1;
- выдача студентам очной формы обучения доплаты на питание из расчета на одного человека на каждый календарный день не менее, чем 2% установленно го федеральным законом минимального размера оплаты труда;
- предоставление права иногородним студентам на бесплатный проезд железнодорожным транспортом один раз в год туда и обратно, а для проживающих на Крайнем Севере и регионов, приравненных к нему, — на авиатранспорте;
- выделение государственным и муниципальным вузам дополнительных средств в размере двух месячных стипендиальных фондов для организации культурно-массовой и физкультурно-оздорови тельной работы со студентами, их санаторно-курортного лечения и отдыха;
- полное государственное обеспечение обучающихся из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (законных представителей);
- увеличение размера стипендии на 50% студентам-инвалидам I и II групп, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей (законных представителей).

Существенную материальную помощь студенты получают в виде именных стипендий: 1000 стипендий Президента Российской Федерации (4 минимальных размера оплаты труда), 2000 стипендий Правительства Российской Федерации (3 минимальных размера оплаты труда), других именных стипендий, учрежденных министерствами, главами администраций, банками и т.д.

Тем не менее дополнительные доходы студентов в 2—3 раза выше, чем их стипендии и доплаты к ней.

Источником дополнительных доходов студентов являются:

- помощь родителей (95%);
- подработка (55%);
- материальная помощь за мелкие услуги (29%);
- спонсорская помощь (10%).

Уместно заметить, что стипендия никогда не удовлетворяла в полном объеме повседневные жизненные потребности студентов. Она была всегда и продолжает оставаться поддержкой (пособием).

Из-за вынужденной дополнительной подработки студенты часто не посещают учебные

занятия, не соблюдают распорядок дня; режим питания, активным формам отдыха предпочитают пассивные. В результате к концу обучения их состояние здоровья и физическая подготовленность заметно ухудшаются.

Выделение средств на организацию летнего отдыха и каникулярное оздоровление студентов за истекшие 3 года Минфином России осуществлялось с задержками и не в полном объеме.

Фактическое финансирование расходов государственных учебных заведений высшего и среднего профессионального образования Минобразования России в 1996 г. по дотациям на питание, льготному проезду и оздоровительным мероприятиям составило 280,5 млрд. руб. (41,43% от плана).

Общая площадь учебно-лабораторных зданий учреждений высшего профессионального образования составляет 21,544 млн. кв. м, и, следовательно, при численности студентов очной формы обучения 1,77 млн. чел., на одного студента при обобщенном нормативе в 21 кв.м обеспеченность составляет 58%.

Общая площадь учебно-лабораторных зданий учреждений среднего профессионального образования составляет 14,48 млн. кв. м, при численности студентов очной формы обучения 1,43 млн. чел., на одного студента при обобщенном нормативе в 18,6 кв. м обеспеченность составляет 54,7%.

Состояние материально-технической базы учебных зданий вызывает серьезную озабоченность, так как большая часть учебно-лабораторных корпусов и общежитий введены в эксплуатацию 25—30 и более лет тому назад, многие из корпусов находятся в ветхом или аварийном состоянии (среди них более 150 зданий — памятники архитектуры) и нуждаются в реконструкции или комплексном капитальном ремонте.

Однако ни то, ни другое невозможно осуществить из-за недостаточного финансирования. В настоящее время потребность высших и средних профессиональных учебных заведений в средствах на проведение капитального ремонта и реконструкцию зданий и коммуникаций составляет 500 млрд. руб. в год.

Финансирование расходов в высших и средних специальных учебных заведений Минобразования России по оплате коммунальных услуг в 1996 г. производилось Минфином России только на 4,69% и при плане 629,4 млрд. руб. профинансировано 29,9 млрд. руб. (данные без взаимозачета).

Министерство неоднократно обращалось в Минфин России и Правительство Российской Федерации по проблемам финансирования подведомственных учреждений, но, к сожалению, эти вопросы положительного решения не нашли.

Среди общих проблем занятости молодежи существует проблема трудоустройства выпускников учреждений высшего и среднего профессионального образования дневной формы обучения. В 1994 г. на работу по направлению вузов было устроено 135,3 тыс. молодых специалистов (52,6% от выпуска, составившего 257 тыс. чел.), при этом 55,5 тыс. выпускников трудоустроены в соответствии с договорами заказчиков. К категории трудоустроенных можно отнести 66,8 тыс. выпускников, или 26%, получивших право самостоятельного трудоустройства, то есть имевших к моменту окончания вузов предложения о приеме на работу. Однако 54 тыс. выпускников, (21%) не получили направления на работу, в основном это молодые специалисты из вузов искусства, культуры и строительства.

В 1995 г. на работу по направлениям вузов было устроено 128,6 тыс. чел. (51,5% от выпуска, составившего 249,6 тыс. чел.). Получили право самостоятельного трудоустройства 66,5 тыс. чел., или 26,6%. Не получили направления на работу 38,8 тыс. чел. (15,6%).

В 1996 г. на работу по направлениям вузов было устроено 128,2 тыс. чел., или 48,4% от выпуска, составившего 264,9 тыс. чел. Получили право самостоятельного трудоустройства 51,3 тыс. чел., или 19,4%. Не получили направления на работу 60,4 тыс. чел., или 22,8%.

Из учреждений среднего профессионального образования в 1996 г. было трудоустроено 110 270 молодых специалистов (35,7% от выпуска, составившего 308 885 чел.). Не получили направление на работу 85,6 тыс. чел., или 27,7%.

Проблема трудоустройства молодых специалистов усложняется еще и тем, что Федеральная служба занятости начинает вести работу с молодыми специалистами только на этапе их непосредственного включения в трудовую деятельность, которая у них отсутствует на данный момент.

Минобразование России проводит целенаправленную работу по вопросам учета требований подготовки специалистов для регионов, которые отражены в региональных соглашениях Министерства с органами исполнительной власти на местах, а также отраслевом (тарифном) соглашении с ЦК профсоюза работников народного образования и науки Российской Федерации и Минтрудом России. Эти вопросы учитываются и при заключении соглашения между Минобразованием России и РАПОСом.

В целях снижения социальной напряженности и ликвидации безработицы среди выпускников учреждений высшего и среднего профессионального образования Министерство и Федеральная служба занятости проводят работу по оценке спроса на специалистов и их дальнейшего трудоустройства.

Для стабилизации обстановки положения студенчества Минобразование считает необходимым решить следующие проблемы:

- защитить все расходные статьи бюджета на содержание и развитие образования на 1998 и последующие годы;**
- в течение 1998 г. обеспечивать своевременное и устойчивое финансирование высшего и среднего профессионального образования по всем статьям расходов, предусмотренным федеральным бюджетом.**

В настоящее время Минобразованием России прорабатываются основные вопросы очередного этапа реформирования образования в Российской Федерации на период 1998—2000 г., а также предложения по совершенствованию системы государственной социальной поддержки обучающихся и работников системы образования в соответствии с современными требованиями и концепцией реформирования системы образования Российской Федерации.

(Информация Министерства общего и профессионального образования РФ)

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

А.ПАРАДИЗ,
председатель Подкомитета Государственной Думы РФ по международному
научному, культурному и гуманитарному сотрудничеству

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ местного самоуправления

Продолжение. [Начало в № 3/98 г.](#)

2. ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

Три четверти века существовала в России советская власть. Она являлась системой, пронизывающей общество снизу доверху. В ее структуре и механизме функционирования было немало особенного, отличавшего ее как от дореволюционной, так и западной практики управления обществом. Эти особенности относятся и к организации советской власти на местах.

Советская система, в том числе организация власти на местном уровне, эволюционировала, поэтому видим необходимость краткого анализа ее развития. Проведем его на базе конституционных и других важнейших законодательных актов, подкрепляя, где требуется, логикой, конкретно-историческим материалом.

Среди влиятельных партий 1917 г. большевики меньше других уделяли внимание программным разработкам местного самоуправления. К тому же они остро критиковали земскую систему, говорили о скорой гибели крестьянской общины. Наряду с этим много занимались пропагандой демократии вообще, "демократии трудящихся" в особенности. А партийный опыт привел большевистских лидеров к идеализации централизма.

Известно также, что большевики пришли к управлению государством "вооруженные" двумя идеями относительно судьбы государства: марксовской идеей отмирания государства при приближении к коммунизму и идеей создания, укрепления государства диктатуры пролетариата для преодоления сопротивления буржуазии и организации социалистического строительства. Ясно, что между этими идеями существовало серьезное противоречие. Большевики якобы преодолевали его, расставив осуществление идей в хронологической последовательности: сначала создать сильное государство, а когда оно решит поставленные задачи, ликвидировать, "отмереть" его. Но противоречие сразу выразилось в борьбе между местным самоуправлением и централизацией государственной власти.

Имеет значение и тот факт, что система новой политической власти строилась вокруг Советов, которые уже обрели форму и определенную степень организованности, прежде чем стали конституционными органами государственной власти. Возникли Советы на многопартийной, достаточно демократической, хотя и классовой основе, а суждено им было стать структурой власти, открыто выражавшей и защищавшей идеи и интересы одной партии.

Все это отразилось на большевистском подходе к организации местного самоуправления. Он был неодинаковым на протяжении их политического господства, часто противоречивым, даже

лицемерным.

В первые послеоктябрьские (1917 г.) месяцы местным Советам придавалось большое значение, им были переданы управленческие функции земских учреждений, да и структура местных Советов во многом копировалось с земской системы. Местным Советам предоставлялось право осуществления декретов и постановлений высших государственных органов. Это касалось и Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов (11 ноября 1917 г.), и Декрета о свободе совести, церковных и религиозных обществах (20 января 1918 г.), и Основного Закона о социализации земли (27 января 1918 г.), и Декрета о потребительских кооперативных организациях (11 апреля 1918 г.) и др. 24 ноября 1917 г. было выпущено специальное постановление СНК "О правах местных Советов в борьбе с саботажем предпринимателей и о правилах конфискации предприятий саботажников". Этими документами стремились усилить административное положение местных Советов, возвысить их в деревне над сельским обществом, в городе — над городской управой.

Вскоре после Октябрьской революции Наркомат внутренних дел РСФСР издал декрет, в котором определялась роль местных Советов: "На местах органами управления, органами местной власти являются советы, которые должны подчинить себе учреждения как административного, так и хозяйственного, финансового и культурного, просветительного значения... Каждая из этих организаций, вплоть до самой мелкой, вполне автономна в вопросах местного характера, но соотносит свою деятельность с общими декретами и постановлениями, тех более крупных советских организаций, в состав которых она входит". Здесь четко определено двоякое положение местных Советов, которое закрепится за ними навсегда. Но тогда, сразу после революции, внимание еще концентрировалось на некоем самоуправленческом начале местных Советов.

Именно такой подход был заложен в Конституции 1918 г. Она закрепляла предпосылку самоуправления — принадлежность всей власти рабочему населению страны, объединенно му в городских и сельских Советах (ст. 10). Правда, вслед за этим так называемое самоуправление приобретало сословный характер, ибо вводились ограничения избирательного права. Статья 13 устанавливала, что правом избирать и быть избранным пользуются "все добывающие средства к жизни производитель ным и общественно полезным трудом", солдаты и нетрудоспособные. Но исключались лица, прибегающие к наемному труду, живущие на проценты с капитала, частные торговцы, монахи и священники, служащие и агенты бывшей полиции, т.е. широкий круг достаточно активных общественных слоев.

Политическая дискриминация проходила и по линии рабочие — крестьяне. Нормы представительства от этих классов были установле ны принципиально разными: на уездные съезды Советов избирались по одному делегату от 1000 и сельских жителей и по одному — от 200 городских избирателей.

Конституция 1918 г. устанавливала также правовые основы территориального самоуправления. В ст. 97 указывалось, что в тех сельских местностях, где это признано осуществимым, вопросы управления решаются общим собранием избирателей данного населения непосредственно. Это положение подкреплялось содержанием ст. 60, которая гласила: "В границах своего воздействия Совет, а в случае, предусмотренном в статье 57 (примечание), общее собрание избирателей есть высшая в пределах данной территории власть".

Далее в Конституции определялись в общих чертах задачи и полномочия местных Советов, вплоть до областных и губернских, с их исполнительными комитетами:

- а) проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти;
- б) принятие всех мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях;
- в) разрешение всех вопросов, имеющих чисто местное (для данной территории) значение;

г) объединение всей советской деятельности в пределах данной территории".

Последние три положения фактически ориентировали на то, чтобы Советы на местах вобрали в себя дореволюционные местные органы управления и быстро трансформировались в обычные местные органы власти.

Конституция предоставила финансовую монополию центральным органам страны и тем самым ставила местные Советы в финансово-экономическую зависимость от центра, а также под контроль народного комиссариата внутренних дел. Местным Советам было оставлено право устанавливать обложение "налогами и сборами исключительно на нужды местного хозяйства". Однако все местные доходы и расходы были поставлены под непосредственный или косвенный контроль центральных органов, причем бюджет низших Советов проверялся губернским или областными Советами, а бюджет городских и областных Советов — ВЦИКом.

Таким образом, Конституция РСФСР 1918 г. определила и закрепила место Советов в новой политической системе. С одной стороны, они были формально первичными единицами власти в советской государственной структуре, с другой стороны, они являлись органами местного управления со значительной самостоятельностью, но и подконтрольными центральным правительственным органам. В таком виде у Советов мало обнаруживается самоуправленческих характеристик. Это подтверждается информацией, хотя и скудной, о текущей работе местных Советов в первые послереволюционные годы. Из нее видно, что если губернские и уездные съезды Советов и их исполкомы заседали более-менее регулярно, в соответствии с Конституцией, то волостные съезды Советов вскоре перестали практиковаться, сошли с политической сцены.

Несмотря на то что местным Советам была предоставлена немалая власть и тем самым стимулировалось участие народа в их деятельности, широкой активности масс в советской работе не наблюдалось. Исследователи отмечают, что причинами явилась низкая общая культура населения, политическое несогласие многих людей с советской линией, конституционные ограничения избирательных прав и политического участия. Весомой причиной пассивности масс в советской сфере было действие многообразных по форме массовых самодеятельных организаций. Среди них и старые, давно знакомые людям сельские сходы, уличные комитеты, цеховые собрания, и новые — рабочий контроль, съезды и совещания трудящихся, женские советы, общественные обсуждения законопроектов и т.д. В этих организационных формах было больше самоуправления, хотя их реализационные возможности значительно уступали советским. Этим формам люди и отдавали предпочтение.

Конституция СССР 1924 г. практически ничего не добавила к советской теории и практике в вопросах местного самоуправления. И разработанная Конституцией 1918 г. схема взаимоотношений центральной и местной властей сохранялась вплоть до принятия Конституции 1936 г. Наиболее существенными изменениями характера и организации местной власти в период между названными конституциями являлись: резкое усиление власти исполнительных органов в сравнении с представительными, которое быстро нарастало со второй половины 20-х годов; концентрация власти в центре за счет местных органов, что шло в разрез с содержанием конституционных положений и превращало местные органы власти, особенно в деревне, в простых исполнителей директив и постановлений, идущих от центральных органов; нарастание влияния на местную власть со стороны партийных комитетов ВКП(б). Однопартийная политическая система искусственно раздувала роль партии в управлении обществом на всех государственных уровнях. Местным органам пришлось довольствоваться формальной властью, которая не могла нормально осуществляться.

Характерным примером эволюции местной власти в сторону исполнительных структур, роста их влияния в принятии и осуществлении управленческих решений является "Положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях", утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 14 марта 1927 г. В нем предоставляется право на местах созывать общие собрания граждан "для обсуждения и рассмотрения вопросов, касающихся жизни села, а также для обсуждения общих вопросов государственного, краевого, областного, губернского, окружного, уездного и волостного значения..." Эта первая статья кажется демократичной, но дальше

обнаруживается, что она является всего лишь декларацией. Во-первых, присутствовать на таких собраниях могут только граждане, пользующиеся избирательными правами на основе Конституции. Как известно, пользовались ими далеко не все. Во-вторых, назначает собрание, выдвигает докладчиков, вырабатывает проекты постановлений исполком данного совета. В-третьих, протоколы этих собраний передаются исполкому Совета, который проводит в жизнь принятое постановление или же может приостановить его осуществление. Все эти моменты в сумме сводил на нет даже тот минимум самостоятельности исполнительных органов, какой провозглашался в начале Положения.

Но к концу 20-х годов вопрос о компетенции представительной и исполнительной структур советской власти все больше терял свою остроту. Право принимать окончательные решения перетекло в соответствующие партийные органы. Параллельные линии развития партийных и государственных институтов проходили настолько близко друг к другу, что их невозможно было четко разграничить. Центральные и местные советские органы почти безоговорочно признавали власть партии, хотя она и находилась за пределами системы Советов. Оформилась система "двойного подчинения". Все чаще принимались совместные партийно-советские документы. Для ВКП(б) это было выгодно: прикрываясь Советами, она своими структурами управляла страной.

Конституция РСФСР 1937 г. оказалась демократичнее предыдущей по ряду направлений. Вводились всеобщее избирательное право и прямое тайное голосование. Ограничения и неравенство в избирательных правах ликвидировались. Провозглашались широкие права и свободы граждан. Специальная глава посвящалась местным органам государственной власти, причем ни о каком их самоуправлении не говорилось, зато и дальше возвышалась исполнительная власть. Характерно и то, что местные Советы были четко отнесены к государственной структуре власти: "Органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, национальных округах, административных округах, районах, городах, поселках, селах... являются Советы депутатов трудящихся (ст. 77).

Одна из статей (ст. 79) перечислила круг функций местного Совета — руководство культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории, установление местного бюджета, обеспечение охраны государственного порядка, соблюдение законов и охрана прав граждан. Чуть уже была сфера деятельности исполкомов Советов (ст. 83). И во всех этих функциональных характеристиках не было ничего от самостоятельной власти, от народовластия. "Исполнительные органы Советов депутатов трудящихся, — говорилось в ст. 89, — непосредственно подотчетны как Совету депутатов трудящихся, их избравшему, так и исполнительному органу вышестоящего Совета депутатов трудящихся". Ясно говорилось о подчиненности действий местной власти ни закону, а вышестоящей власти. Более того, ст. 90 гласила, что вышестоящие исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся имеют право отменять решения и распоряжения нижестоящих Советов депутатов трудящихся."

Последняя фраза все окончательно расставляет на свои места: формально широкая демократия, а фактически полностью аппаратная власть. К этому следует добавить повсеместно утвердившуюся сразу же после принятия Конституции практику выдвижения единственного кандидата в депутаты, подобранного партийными органами. Формализм представительной власти вообще, а на местах в особенности, становился все очевиднее. Это подтверждают исследования ученых 60-х годов, когда появилась некоторая возможность критического анализа партийно-государственной политики, а также документов, ее характеризующих. Так, Н.Иванникова показывает, что одним из проявлений развития социалистической демократии считается "увеличение норм представительства в местные Советы", а Ш.Миланов высказывает мнение, что планирование сессии городского Совета его исполкомом не способствует активизации деятельности самого Совета. Эти робкие внеофициозные суждения показывают, сколь далеко отстояло советское общество в вопросах управления от истинной демократии.

Такая оценка особенно верна в отношении местного самоуправления. В 60-е годы много внимания уделялось развитию так называемых общественных начал. Внешне данный процесс выглядел демократично. Партийно-государственными властями поощрялось возникновение и функционирование различных добровольных и самодеятельных обществ, народных дружин,

домовых комитетов, других организаций. Но все они создавались "по инициативе" сверху, их деятельность строилась в соответствии с планами райкомов КПСС, а все штатные сотрудники числились в партийно-советской номенклатуре. Так что определить их деятельность, как самостоятельную, самоуправленческую, можно лишь с большой натяжкой.

Красноречиво в этом смысле содержание закона Верховного Совета РСФСР "О сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся РСФСР" от 19 июля 1968 г. В первых же статьях закона подчеркивалось, что сельский или поселковый Совет избирается демократическим путем, осуществляет руководство развитием своей территории, обеспечивает соблюдение законов, контроль за работой расположенных на данной территории предприятий и организаций, но "является органом государственной власти на объединяемой им территории и решает в пределах прав, предоставленных законом, все вопросы местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов трудящихся села, поселка" (ст. 1).

Отсюда видно, что значительные по содержанию закона полномочия давались не народовластью, а государственному органу. Считалось, что советское государство служит интересам народа, значит все его структуры реализуют интересы трудящихся. Это положение утверждалось властными структурами и научными кругами. Крупный специалист в области государственного управления И. Азовкин писал: "Социалистическое государство немыслимо в виде конгломерата самоуправляющихся административно-территориальных единиц без директивного центра или с кислородообразной центральной властью. Государственная власть при социализме осуществляется через систему органов, составляющих единство ее центрального и местного звеньев".

Вернемся к закону о сельском, поселковом Совете. Его содержание не соответствовало реальным условиям советского общества. Отдельные статьи закона провозглашали значительные права для Советов первичного уровня во многих сферах: планирования и учета, бюджетно-финансовой, сельскохозяйственной, промышленной, землепользования, строительства, транспорта, торговли, народного образования и других. Используя эти права, местные Советы действительно превратились бы в полновластных хозяев на своей территории.

Но они не могли воспользоваться данными законом правилами. Во-первых, огромное количество предприятий и организаций, размещавшихся на территории какого-либо Совета, были ему не подвластны, ибо имели отраслевое, ведомственное подчинение. Во-вторых, являясь низшим звеном в структуре государственной пирамиды власти, местные Советы были скованы в своих действиях решениями и контролем вышестоящих структур, их самостоятельность была формальной. В-третьих, реальной властью на местах обладали райкомы КПСС и территориально они руководили всей деятельностью сельских и поселковых Советов. В-четвертых, хозяйственные руководители, опираясь на свои трудовые коллективы и финансово-экономическую мощь своих предприятий, обычно не признавали над собой власти первичных советских структур, да и к районным — относились пренебрежительно.

А в тексте самого закона была ст. 33, которая все "широкие полномочия" сильно суживала: "Решения сельского, поселкового Совета депутатов трудящихся могут быть в соответствии с Конституцией РСФСР отменены вышестоящим Советом депутатов трудящихся и приостановлены исполнительным комитетом вышестоящего Совета". Жестко централизованная система власти в советском обществе оставалась верной себе: какая бы самостоятельность ни провозглашалась, а последнее слово сохранялось за вышестоящими структурами. Подчеркнем, не закон контролировал и регулировал деятельность местной власти, а более высокая ступенька аппаратной власти. Такой механизм задавливал всякое самоуправление. Кстати, в документах 60-х — 70-х годов понятие самоуправления практически не применялось к органам советской власти. И это справедливо. Зато продолжали рассуждать на эту тему ученые, "почему-то" стремившиеся обязательно доказать самоуправленческий характер местных Советов.

В апреле 1978 г. была принята четвертая Конституция Российской Федерации. Она не несла в себе чего-то принципиально нового. Более решительно и откровенно утверждала ведущую роль Коммунистической партии. В ст. 6 так и писалось: "Руководящей и направляющей силой

советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза". В то же время Конституция признавала возрастание роли общественных организаций в управлении обществом, тем самым подчеркивая стремление к развитию народовластия.

Однако в главе VII "Местные органы государственной власти и управления в РСФСР" вообще не употребляются слова "народовластие", "самоуправление". Многие формулировки повторяют текст предыдущей Конституции, в том числе о функциональном назначении местных Советов, которые "...решают все вопросы местного значения..., проводят в жизнь решения вышестоящих государственных органов, руководят деятельностью нижестоящих Советов народных депутатов..." Всякий контроль народа над местной властью выглядел чисто символически. Зато подчеркивалось возросшее значение исполкомов местных Советов. Им, как и самим Советам, отведена в Конституции отдельная глава, что как бы уравнивало их политическое положение. По-прежнему не закон и суд, а вышестоящий орган контролировал деятельность исполкомов. Конституция закрепляла сложившуюся иерархию и "всевластие" исполнительных органов внутри советской системы.

Для данной Конституции, как и предыдущих, характерно декларирование интересов народа, демократического управления, связи местной власти с населением без четкого юридического обоснования всех этих положений. Но общество не может нормально функционировать и развиваться без отлаженного политического, социального, правового механизмов саморегуляции. Сегодня уже всем ясно, что именно отсутствие таких механизмов породило феномен административно-командной системы при постоянно провозглашаемой демократии. В этом же заложена основа отчуждения народа от власти и собственности, т.е. от того, что по Конституции ему же должно принадлежать. Здесь же кроется первопричина "...узурпации государством реальной власти в ущерб обществу, "жизненное пространство" которого при этом сужается, а границы самовыражения и самопроявления личности, как и различных социальных структур, определяются не объективными потребностями общественного развития, а субъективным усмотрением бюрократии".

Слабым правовым обеспечением провозглашаемой демократии обуславливалась внутренняя противоречивость Конституции вообще, положений о местной власти, в частности. Многие ее статьи отражали объективную тенденцию к углублению демократизации общества, закрепляли широкие права и свободы, провозглашали основополагающие общечеловеческие ценности, но одновременно закреплялись положения, укреплявшие административно-командную систему, которая не терпит проявления социальной активности вне контроля государства, а значит аппарата бюрократии. В реальности, при учете всей системы социально-политических отношений, закреплялся контроль государства над обществом и составлявшими его структурами. Законодательно подтверждалось огосударствление общества.

Все это в полной мере распространялось на систему местного управления. Вслед за принятием новой Конституции были пересмотрены и приняты вновь многие законы, посвященные функционированию власти на местах. Среди них: о районном Совете народных депутатов РСФСР (3 августа 1979 г.), о городском и районном Совете народных депутатов РСФСР (3 августа 1979), о поселковом, сельском Совете народных депутатов РСФСР (3 августа 1979 г.), о краевом, областном Совете народных депутатов РСФСР (20 ноября 1980 г.), положение об общих собраниях, сходах граждан по месту их жительства в РСФСР (27 августа 1985 г.), положение об общественных сельских, уличных, квартальных комитетах и населенных пунктах РСФСР (3 сентября 1985 г.) и другие. В законодательных актах довольно подробно расписывались права, полномочия, взаимоотношения и взаимозависимости различных структур местной власти и общественного представительства.

Казалось, будто на самом деле советское государство предоставляет разнообразным объединениям граждан возможности управлять обществом и происходит широкая демократизация политической системы. Ученые поддержали этот процесс кажущегося расширения самоопределения народа. В науке стало широко культивироваться понятие социалистического самоуправления, разрабатывались его модели и содержательные аспекты.

Практически все исследователи подчеркивали особое значение местного и одновременно территориального уровня самоуправления. В его структурах назывались Советы низшего звена, органы непосредственной демократии (сходы и собрания граждан по месту жительства, обсуждения и референдумы, выборы, наказы депутатам, их отчеты перед избирателями и т. д.), органы народного контроля, народные суды, система общественных объединений (домовые, уличные, комитеты, общественные советы, товарищеские суды, добровольные дружины и др.). Выявлялись и разрабатывались различные соподчиненности и механизмы взаимодействия между всеми этими субъектами территориальной власти.

Все это показывает, что наука глубоко и всесторонне подходила к исследованию проблем местного управления. Однако идеологический барьер не позволял взглянуть на них критически, как в аспекте законодательной разработки, так и с точки зрения практического осуществления. Реального самоуправления просто не могло быть, ибо местные органы находились в жесточайшем подчинении по трем линиям: партийно-аппаратной, хозяйственной (со стороны руководства промышленных, сельскохозяйственных, строительных и прочих предприятий), советско-исполнительных структур, стоящих выше во властной иерархии.

Впервые всерьез на законодательном уровне местное самоуправление разрабатывалось в Законе РСФСР "О местном самоуправлении в РСФСР", принятом 6 июня 1991 г. Закон дал определение понятия местного самоуправления, очертил структуру и компетенцию его органов, показал его экономическую, финансовую, правовую основы, наметил специфику территориального общественного самоуправления — "система организации деятельности граждан для самостоятельного (под свою ответственность) решения вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических, национально-этнических и иных особенностей, на основе Конституции РСФСР и законов РСФСР". Принципиальным моментом данного определения является, на наш взгляд, то, что в его основу положены не "органы государственной власти", а система деятельности граждан, не решения вышестоящих органов, а российское законодательство.

Конечно, осуществление местного самоуправления населением предполагалось по-прежнему через Советы, а также через местную администрацию. Но рядом с ними ставились различные формы непосредственной демократии, территориального общественного самоуправления. Органы местного самоуправления являлись юридическими лицами, а гражданам гарантировались права на участие в них. Довольно четко намечены были в законе две структуры местного самоуправления: представительная и распорядительная в лице Советов и различных органов общественного характера и исполнительная в лице местной администрации. Причем четко в нескольких статьях (ст. 29, 30, 33, 35) определялась подчиненность администрации местным Советам. Считаем, что закон создавал неплохую правовую базу для формирования в России демократической системы местного самоуправления.

Однако данный закон фактически не был реализован. События августа 1991 г. создали в Российской Федерации принципиально новую политическую обстановку. Многие элементы этой обстановки не предусматривались законом. Да и сам закон оказался в "разногласии" с Конституцией, ибо в ней ни слова не говорилось о местном самоуправлении. Поэтому не формировались институты местного самоуправления, не проводились выборы глав администраций, не осуществлялось финансово-экономическое укрепление местной власти, должностное обеспечение ее самостоятельности. Закон о местном самоуправлении не успел заработать. Осенью 1993 г. изменилась политическая система российского общества, ушли в прошлое Советы, отменена была Конституция 1977 г.

А.ОРЛОВ,
заместитель директора Департамента международных организаций
МИД России,
член Правления Российской ассоциации содействия ООН

ООН на стыке веков

Создание Организации Объединенных Наций в 1945 г.¹ явилось отражением стремления государств — победителей во второй мировой войне к формированию нового цивилизованного миропорядка. Уже в первых словах Устава ООН сформулированы основные цели Организации: избавить грядущие поколения от бедствий войны; вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций; создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права; содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе.

За свою уже более чем полувековую историю ООН довелось пережить и подъемы, и спады, испытать на себе пронизывающие ветры «холодной войны», вздохнуть более свободно в периоды кратко-срочных потеплений международного политического климата. Но все это время Организация оставалась, по сути, уникальным форумом, где собирались, казалось бы, непримиримые противники, обсуждались, хотя зачастую и весьма эмоционально, самые острые международные проблемы, где каждый мог свободно изложить свои взгляды и оценки.

За прошедшие годы ООН превратилась поистине в универсальную международную организацию, увеличив свои ряды почти в четыре с половиной раза — с 42 членов в 1945 г. до 185 ныне, постепенно «вобрав» в себя как все страны, воевавшие против Объединенных Наций в период второй мировой войны, перед которыми дверь в ООН полвека назад была закрыта, так и новые государства, появившиеся в результате крушения колониальной системы и распада ряда крупных многонациональных стран.

Некоторые аналитики, прежде всего на Западе, поспешили с исчезновением межблоковой конфронтации списать ООН в тираж, представив ее в виде пережитка Ялтинско-Потсдамской системы. Такие суждения обусловлены в корне неправильным восприятием ООН как места для межгосударственной корриды, которые вполне могли сложиться в годы «холодной войны». Подчеркнем в этой связи, что отцы — создатели ООН смоделировали ее не только для выживания в условиях жесткого противостояния на международной арене, а в гораздо большей степени с перспективой установления мира, основанного на принципах сотрудничества и партнерства. Поэтому совершенно очевидно, что ООН не только не исчерпала свой богатейший потенциал, а лишь прошла проверку на прочность в экстремальных условиях.

В наши дни Организация является уникальным инструментом по поддержанию международного мира и безопасности, действенным средством обеспечения свободы и прав

личности, содействия социально-экономическому развитию. ООН активно участвует в поисках решения проблем развития, охраны окружающей среды, координирует борьбу с международным терроризмом, распространением наркотиков, транснациональной преступностью, вносит вклад в дело разоружения.

В то же время, разумеется, было бы неправильно идеализировать ООН, пытаться представить дело таким образом, что эта Организация не имеет серьезных изъянов. Глубокое беспокойство вызывает, в частности, ставший в последние годы хроническим, финансовый кризис ООН, который затрудняет нормальное выполнение Организацией ее уставных функций. В последние годы ООН столкнулась с серьезными трудностями в деятельности по поддержанию мира, что дало повод говорить о закате ооновского миротворчества и выходе на первые роли в этой сфере НАТО. Развивающиеся страны считают, что Организация должна уделять еще больше внимания вопросам развития. Среди государств-членов царит полное единодушие относительно необходимости сократить не в меру разросшийся бюрократический аппарат ООН.

Потребность в обновлении, **реформировании ООН** объективно назрела. Организация не должна отставать от быстро меняющегося мира. При этом нельзя упускать из вида то, что сейчас формируется облик ООН XXI в., который должен в максимально возможной степени соответствовать прогнозируемым реалиям грядущего столетия.

Новый век, по всей видимости, будет временем глобальных, касающихся всех и каждого, вызовов и рисков (экологический, экономический, энергетический, финансовый, продовольственный, ресурсный кризисы, разноплановые локальные конфликты с перспективой их перерастания в большие войны, призрак ядерной катастрофы, в том числе с учетом фактора ядерного терроризма, тревожные эпидемиологические прогнозы, дестабилизирующее воздействие на государства транснациональной оргпреступности и т.д.). Противостоять им человечество сможет только сообща. Никто не сможет, запершись в «национальной квартире», отсидеться в своей «тихой заводи» до лучших времен. Мир вступает в эпоху **вынужденной всеобщей взаимозависимости**. Причем с течением времени она будет неуклонно возрастать. Очевидно, все в большей степени будет терять смысл понятие границ между государствами, прежде всего в сферах экологии и здравоохранения.

В то же время в геополитическом плане это будет, с высокой долей вероятности, **многополюсный мир**, формирование которого объективно идет уже сейчас в условиях жесткого противоборства с конкурирующей тенденцией на монополярное мироустройство, предполагающее доминирование в мировом сообществе одной крупной державы.

Нынешняя попытка реформировать ООН — не первая в ее истории. Парадоксально, но о необходимости реформы говорят чуть ли не с момента создания Организации. Однако, вероятно, только сейчас действительно созрели условия для того, чтобы провести рациональную коррекцию ее деятельности.

При этом очевидно, что Организация должна выйти из «реформированного процесса» окрепшей, более энергичной и жизнеспособной. Иначе, реформа не только не будет иметь смысла, но и окажется контрпродуктивной. Словом, необходимо найти разумный баланс между новациями и тем, что исправно работает и доказало свою действенность и высокую эффективность.

16 июля 1997 г. Генеральный секретарь К.Аннан представил доклад с конкретными предложениями по реформе Организации, обобщающий различные идеи по этой теме, высказанные всеми группами государств. Несмотря на, казалось бы, заведомую нерешаемость задачи — совместимость несовместимого, учитывая широкий разброс мнений среди государств — членов ООН по вопросам реформы, К.Аннана тем не менее удалось выработать

вполне добротный документ, вокруг которого завязалась достаточно конструктивная дискуссия на 52-й сессии Генассамблеи ООН.

В целом созвучными российским подходам оказались предложения Генсекретаря по дальнейшему реформированию социально-экономического и гуманитарного направлений деятельности ООН. Представляется своевременной разработка мер по укреплению связей ООН с гражданским обществом. В то же время серьезную полемику вызвало предложение К.Аннана о создании поста первого заместителя Генерального секретаря ООН. Многие делегации указывали на необходимость четко определить круг возможных полномочий будущего «второго лица» в ооновской иерархии, предупреждали о том, что появление «новой ступени» может «утяжелить» структуру Секретариата ООН, сделать ее менее эффективной.

Неоднозначную реакцию вызвала инициатива Генсекретаря ООН о наделении Совета по опеке новыми функциями (защита окружающей среды, связь между ООН и гражданским обществом в решении общепланетарных проблем и т.д.). Вопрос в том: должен ли «вести» эти действительно важные и актуальные темы именно Совет по опеке, имеющий иные функции? Его переориентация на новую сферу деятельности потребовала бы внесения существенных изменений в Устав ООН.

Удивило отсутствие в докладе К.Аннана даже упоминания о Военно-штабном Комитете, являющемся важным консультативным органом при Совете Безопасности по всем вопросам, относящимся к военным потребностям СБ в деле поддержания международного мира и безопасности и использованию войск. Как представляется, ВШК в новых условиях вполне мог бы играть заметную роль в ооновской миротворческой деятельности, которой Генсекретарь ООН уделил в своем докладе серьезное внимание, сделав обоснованный упор на превентивной дипломатии, необходимости укрепления потенциала быстрого реагирования Организации, наращивании возможностей ООН в постконфликтном миростроительстве.

В верном направлении идут такие предложенные К.Аннаном меры, как слияние трех экономических департаментов в один, создание новых внутрисекретариатских координационных механизмов, сокращение штатной численности Секретариата ООН на 1000 чел. При этом очевидно, что коренное оздоровление финансового организма ООН возможно лишь при условии четкого выполнения государствами-членами своих платежных обязательств по Уставу ООН (США, например, задолжали Организации более 1 млрд. долл., что лишь чуть меньше размера годового регулярно го бюджета ООН), за счет реформы шкалы взносов с учетом реального состояния экономик стран-членов, повышения эффективности программной деятельности, рационального перераспределения средств Организации с их концентрацией на приоритетных направлениях.

Серьезный разброс мнений сохраняется во вопросу **реорганизации Совета Безопасности**. Напомним, что по Уставу ООН СБ несет «главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности». Основная его задача — быстро и эффективно реагировать на различные кризисные ситуации, принимать обязывающие для государств-членов решения. Совет Безопасности подвергается критике за якобы недемократичный порядок формирования и деятельности, по сути, начиная еще с конференции в Сан-Франциско, где вырабатывался и принимался Устав ООН. Атака ведется как на прерогативы пяти постоянных членов СБ (право вето), так и в целом на сферу полномочий Совета, которые предлагается перераспределить в пользу Генеральной Ассамблеи. Опасность такой линии — в том, что удар по дееспособности Совета Безопасности бумерангом скажется на эффективности ООН в целом.

Совершенно очевидно, что Совет Безопасности не должен превращаться в мини-Генеральную Ассамблею. Компактность СБ — одно из неперемennых условий оперативности и целенаправленности его работы. Первоначально Совет состоял из одиннадцати членов, включая пять постоянных. Решением Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1963 г. его состав был увеличен до 15 членов. Сейчас значительная группа стран, прежде всего развивающихся, лоббирует в пользу расширения Совета до 24 и даже 28 членов. Кроме того, Германия и Япония, а также лидеры «третьего мира» (прежде всего ЮАР, Нигерия, Египет,

Бразилия, Мексика, Аргентина, Индия, Индонезия) активно добиваются получения статуса постоянных членов Совета Безопасности. И если Бонн и Токио, судя по заявлениям в пользу их кандидатур, могут рассчитывать на достаточно широкую поддержку, то в азиатской, африканской и латиноамериканской группах нет должной ясности в отношении их возможных выдвиженцев в СБ. Латиноамериканцы с учетом этого серьезно прорабатывают вариант создания категории постоянных — ротлируемых членов СБ. Африканцы уже замахнулись на два постоянных места в Совете от своего региона. В том же духе высказываются и ряд крупных азиатских государств.

Вообще против увеличения категории постоянных членов Совета Безопасности выступают такие влиятельные страны, как Италия, Пакистан, Канада, Испания, для которых, по сути, любая модернизация СБ пошла бы только во вред.

Ясно, что на путях механического учета пожеланий всех групп стран ничего путного сделать не удастся. Очень уж это напоминало бы историю с Лебедем, Раком и Щукой, которые тащат воз реформы в разные стороны. Важно, чтобы бой риторических тамтамов активистов реформы не заглушал здравый смысл, не вызвал сбои в достаточно эффективной (хотя, конечно, далеко не безупречной) работе Совета Безопасности.

СБ должен оставаться в XXI в. подлинной сердцевинкой ООН. Перспектива превратиться в разбухший «дискуссионный клуб» ему противопоказана. Расширение Совета, как представляется, в принципе возможно как в обеих категориях его членов, так и в какой-то одной из них. При этом необходимо помнить о сохранении рациональной пропорции между постоянными и непостоянными членами. Не должна, вероятно, вызывать аллергии и идея ротации государств на местах новых постоянных членов. Здесь многое будет зависеть от достижения договоренности в рамках конкретных региональных групп. Разумеется, не следует забывать и о принципе справедливой географической представленности в СБ, что предполагает разумный учет пожеланий развивающихся государств.

Исключительно важно, чтобы конечное решение по вопросу о реорганизации СБ опиралось на максимальное широкое согласие (оптимально — консенсус) государств-членов. Крайне нежелателен вариант, когда, скажем, 30—40 стран не поддержали бы соответствующую резолюцию Генеральной Ассамблеи, что означало бы появление серьезной трещины в здании ООН.

Особо выделим вопрос о праве вето, которым по Уставу ООН обладают пять нынешних постоянных членов Совета Безопасности (Россия, США, Великобритания, Франция, КНР) в силу той особой ответственности, которую они несут перед мировым сообществом. Институт вето или, если применять терминологию устава, — принцип «совпадения голосов» всех постоянных членов, является одним из стержневых элементов, обеспечивающих прочность всей конструкции ООН. Не будет преувеличением сказать, что без права вето ООН стала бы по духу и сути другой организацией, — возможно, действительно, несколько более демократичной по форме, но разительно менее эффективной и оперативной по существу. Наличие института вето побуждало великие державы даже в самые сложные периоды в их взаимоотношениях искать и находить на основе разумного баланса интересов удовлетворяющие всех решения. Кстати, с правом вето напрямую связано и появление принципа консенсуса, в основе которого — потребность найти общеприемлемое решение.

Сейчас противниками права вето высказывается много различных рецептов: каким образом, если полностью не упразднить, то, по крайней мере, ограничить это право. Наиболее часто звучащее предложение — ограничить его применение только вопросами, подпадающими под действие Главы VII Устава ООН («Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии»). А дальше, рассуждают сторонники этой идеи, посмотрим... «вода, как известно, камень точит».

Однако, судя по всему, никто особо не задумывается, как в практическом плане могла бы быть построена работа СБ без института вето, как принимались бы в нем решения? Консенсусом — это идеально, но сколько времени потребует ся, чтобы нескольким десяткам стран (сколько их

будет в новом составе Совета?) прийти к общему знаменателю. Опыт ОБСЕ показывает, что даже одна страна может заблокировать принятие решения. А как в этом случае быть с оперативностью, если развитие ситуации в «горячей точке» требует принятия немедленных мер? Большинством голосов — то тогда следует допустить, что несколько маленьких стран, объединившись, теоретически смогут диктовать свои условия великим державам, а тем самым и мировому сообществу в целом. Думаю, что такой вариант просто неприемлем для великих держав и их интерес к ООН резко ослабеет.

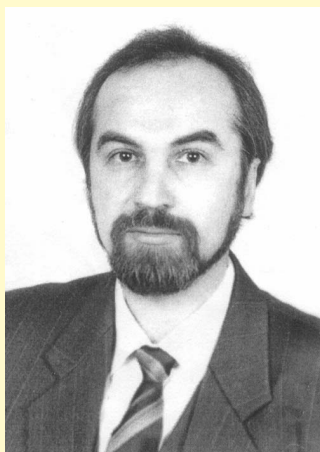
Таким образом, сохранение института вето, недопущение его эрозии приобретает в преддверии XXI в. принципиальное значение. В этом плане, как представляется, многое будет зависеть и от «пятерки» постоянных членов СБ, которые не должны злоупотреблять своим уникальным правом, используя его прежде всего как инструмент выхода на компромиссные решения. Кстати, за последние четыре с лишним года право вето было использовано всего семь раз (четыре раза США, два раза Россией, а один раз — КНР), что свидетельствует о возросшей согласованности в работе СБ.

Особо отметим — для России сохранение права вето в СБ ООН, вне всякого сомнения, является важным элементом ее национального интереса во внешнеполитических делах.

Несмотря на попытки навязать решение вопроса о расширении СБ ООН в форсированном режиме до конца 1997 г., «локомотивом» которых был прежде всего тандем Бонн — Токио, обсуждение этой темы перенесено Генеральной Ассамблеей на следующий год. Это, безусловно, рациональный шаг, дающий возможность не спешить с принятием решения по столь щекотливому, вызывающему острую полемику вопросу.

ООН в грядущем столетии имеет все возможности для того, чтобы стать ядром жизнеспособной и эффективной системы коллективной безопасности, предусмотренной ее Уставом, своеобразным стержнем будущего многополюсного мира. Но «профиль» обновленной ООН будет зависеть от того, насколько ответственно, прагматично, неконъюнктурно государства-члены подойдут ко всему комплексу вопросов реформы Организации. Лишь сохранив разумный баланс между главными органами ООН, не размыв Устав — главную несущую конструкцию Организации, можно рассчитывать на то, что ООН вступит в XXI в. мускулистой, незабюрократизированной, высокоэффективной и динамичной Организацией, способной давать адекватные ответы на вызовы новой эпохи.

¹ Устав ООН был подписан 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско и вступил в силу 24 октября того же года. | [НАЗАД](#) |

Потомки янычар стараятся не терять формы

А.КУРТОВ,
ведущий эксперт аналитического центра «Слава России»

Турецкая армия, как показали события 1997 г., добивается ощутимых успехов, вмешиваясь в политическую жизнь страны. Ряд турецких экспертов даже шутят, что армия владеет контрольным пакетом акций на ее политику. Следует отметить, что и в чисто военном отношении ВС Турции представляют из себя мощное и современное образование.

Турецкая Республика обладает одной из самых внушительных армий в регионе. Ее 800-тысячная турецкая армия является второй по численности в НАТО. Она поглощает весомую часть государственного бюджета. Еще в период Османской Империи правовой и социальный статус «воинов» (аскери) ставил их в привилегированное положение относительно обычных подданных султана (райя).

Регулярные сухопутные войска соседствуют в Турции со значительным контингентом жандармских войск, причем оснащение последних боевой техникой позволяет им вести полномасштабные войсковые операции. К 2000 г. Турция наладит выпуск собственных современных танков. Для этого, по сообщениям военных источников, за основу будет взята хорошо себя зарекомендовавшая в условиях Ближнего Востока израильская машина «Меркава». Предположительно турецко-израильская программа модернизации танков обойдется в один млрд. долл.

В 90-е годы Турция весьма активно работала над обновлением парка боевых машин для сухопутных войск. Только в 1992—1993 гг. США поставили Турции 1509 основных боевых танков М60А1 и А3 и 489 БТР М113А2, что составило соответственно до 42 и 32% американского экспорта данных видов боевой техники в тот период. В эти же годы Анкара получила из Германии 96 танков «Леопард-1», 187 БТР М113 и 105 БТР-60. Примечательно, что, получая столь внушительные объемы боевой техники, Турция тем не менее не нарушала квот, отведенных ей по Договору о сокращении вооруженных сил в Европе, так как одновременно уничтожала часть имеющейся у нее устаревшей техники. Тем самым она смогла качественно переоснастить свои сухопутные войска.

За последние пять лет Турция импортировала оружие на сумму 7 млрд. долл. и вышла по этому показателю на второе место на Ближнем и Среднем Востоке после Саудовской Аравии. Однако импорт готовой военной техники занимает в турецкой программе подчиненное место. В отличие от других стран Ближнего Востока (кроме Израиля) Турция придерживается курса на овладение современными военными технологиями, необходимыми для собственного производства оружия. В докладе Союза торгово-промышленных палат и бирж Турции, ставшем достоянием общественности летом 1997 г., отмечается, что Турция вышла на первое место среди всех государств НАТО по предоставлению своим и зарубежным компаниям подрядов на строительство военно-промышленных объектов и производство современного высокотехнологического военного оборудования. Уже в начале следующего века Турция вполне может стать

обладателем одного из крупнейших в мире arsenалов оружия.

Численность регулярных ВМС Турции достигает 60 тыс. чел., в резерве находятся до 70 тыс. В их составе 121 корабль основных классов (17 подводных лодок, пять эскадренных миноносцев, пять фрегатов УРО, 11 фрегатов, пять сторожевых кораблей, 43 десантных корабля, семь минных заградителей, 26 тральщиков, два патрульных корабля), 83 боевых катера (18 ракетных, один артиллерийский, три торпедных, 21 сторожевой, 33 десантных, семь тральщиков) и 101 вспомогательное судно. Самолетов базовой патрульной авиации насчитывается девять, самолетов ПЛО — три. Численность личного состава авиации ВМС — 900 человек. Морская пехота представлена одной бригадой (4 тыс. чел.).

О численности самолетного парка ВВС Турции можно судить по приведенной [таблице](#).

Кроме указанных в таблице ВВС, Турция располагает еще резервом из 249 самолетов всех типов, а также 265 самолетами вспомогательного назначения.

В настоящее время турецкий оборонный комплекс покрывает потребности турецких вооруженных сил в боевой технике на 21%.

В 1995 г. Турция приступила к широкомасштабной программе модернизации вооруженных сил и их оснащению новейшими видами оружия и боевой техники. При этом основной упор был сделан на повышение боевой мощи и маневренности военно-воздушных и военно-морских сил.

Планируется ввести в строй 160 истребителей-бомбардировщиков F-16, причем последние с 1987 г. собираются на предприятии Турецкой авиационно-космической промышленности (ТАИ) под Анкарой. Их сборка осуществляется с 80%-ным использованием местных возможностей по лицензии американской компании «Локхид-Мартин». Боевой парк этого ударного ядра ВВС к 2000 г. должен составить 320 единиц. Наряду с поставками новой техники планируется переоснащение действующих F-16 и F-4 высокоточными системами наведения и управления огнем, а также современными системами радиоэлектронной борьбы.

По мнению военных экспертов, резкий толчок к повышению мобильности и боевого управления дает приобретение у США 7 самолетов-заправщиков американского производства «KS-135R» на сумму 292 млн. долл. Эти боевые машины отличает всепогодность и большой радиус действия по сравнению с другими машинами аналогичного класса, а также возможность короткого взлета и посадки.

Коренному обновлению подвергнется вертолетный парк. Планируется закупить около 700 современных вертолетов огневой поддержки, разведывательного и транспортного назначения. Имеющиеся на вооружении Турции вертолеты будут модернизированы при участии Израиля.

Программа модернизации предусматривает также поставку 21 легкого военно-транспортного самолета для нужд ВМС. Для них же приобретаются 40 учебных самолетов «Агуста».

Для ВМС также будут приобретены 6 минных тральщиков, корабль-заправщик, водоизмещением 15 тыс. т и стоимостью 26 млн. долл., много новых фрегатов.

115 млн. долл. будет истрачено на оснащение более тысячи единиц бронетехники сухопутных войск приборами ночного видения, на усиление их бронезащиты и повышение мощности двигателей. 150 млн. долл. уйдет на производство новейших радарных установок, а еще 163 млн. долл. — на системы боевого управления в рамках РЛС Турции.

В течение предстоящих 25 лет для нужд вооруженных сил, согласно данным турецкого генерального штаба, опубликованным в газете «Тюркиш дейли ньюс», предполагается выделить 150 млрд. долл., которые будут использованы для закупок вооружений. Из этой суммы 65 млрд. приходится на ВВС, 60 — на сухопутные войска и 25 — на ВМС. Кроме того, к 2004 г. планируется реализовать около 1,5 тыс. военных проектов на 67 млрд. долл. Таким образом, бюджетные расходы на оборону увеличатся в два раза.

Вопрос о том, как может быть использована такая сила, становится более понятным из высказываний высокопоставленных военных и политических деятелей Турции.

Когда в 1996 г. лидер партии Отечество Месут Йылмаз на короткое время был назначен премьер-министром, Генеральный штаб ВС Турции ознакомил его со своим видением проблем национальной безопасности. По мнению турецких военных, несмотря на распад Варшавского Договора и СССР и исчезновение советской угрозы, для Анкары проблема безопасности по-прежнему актуальна, и для сдерживания вероятной агрессии Турция должна усилить боеспособность своих вооруженных сил. Россия, по мнению генштаба Турции, в тактической области стремится к укреплению экономических, политических и военных связей с республиками бывшего Советского Союза, в стратегической же — к созданию вне СНГ «второго пояса безопасности» и восстановлению статуса сверхдержавы.

Среди государств, которые представляют потенциальную угрозу для Турции, была названа также Греция; все действия этой страны считают в генштабе враждебными Анкаре и основаны на стратегии агрессии. Особое место для безопасности Турции имеют Сирия и Иран. Эти страны объединяет, по мнению турок, нахождение на их территории баз КРП. Иран был упомянут как государство, «стремящееся экспортировать исламский экстремизм», добиться статуса региональной державы, в том числе путем создания оружия массового поражения. Что касается России, то в турецком генеральном штабе обеспокоены «военным присутствием России в Грузии, Армении и давлением на Азербайджан».

В мае 1994 г. начальник генерального штаба Турции Д. Гюреш заявил, что в настоящее время Россия представляет собой большую угрозу для Турции, чем после войны.

Начальник Генерального штаба Турции на состоявшейся в турецком городе Анталя конференции «Вопросы безопасности и сотрудничества» сделал заявление: «Военная активность России на Кавказе и ее стремление обеспечить себе военную мощь ликвидируют тот оптимизм, который ощущался в то время, когда страны подписывали Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Теперь мы обязаны учитывать изменения, которые приводят к нарушению существующего баланса.»

Амбиции Турции в отношении России имеют пока относительно сдержанный характер, но уже сегодня Анкара развернула наступление на многих фронтах. Весьма показателен в этом отношении вопрос о черноморских проливах.

Черноморские проливы: турецкий натиск на международное право

Уже несколько лет, как внимание мировой общественности приковано к ситуации, сложившейся вокруг черноморских проливов. Повинна в этом Турция, грубо пренебрегая нормами международного права.

Ежегодно через проливы проходит 50 тыс. судов. Из них примерно 60% загружены нефтью или нефтепродуктами. Примерно 15% судов являются крупнотоннажными. Интенсивность судоходства, конечно, возросла с момента принятия Конвенции Монте-Карло 20 июня 1936 г. Однако нелишне напомнить, что более 60% судов, курсирующих через проливы, составляют суда самой Турции. Это вынужден был признать даже МИД Турции, указав, что количество и тоннаж иностранных судов за последние годы даже несколько снизились. По-видимому, несостоятельны и ссылки Турции на то, что в будущем прогнозируется рост перевозок иностранных судов через проливы. По прогнозам западных экспертов, оно увеличится к 2010 г. лишь на 0,9% по сравнению с нынешним уровнем.

Турция ссылается на необходимость дополнительных мер безопасности судоходства в проливах, которые в самом узком месте имеют ширину 700 метров. Однако данные проливы с точки зрения международного права являются международными, а потому имеют особый правовой статус, который ни одна из стран не вправе изменять в одностороннем порядке. Тем не менее Турция с 1 июля 1994 г. ввела в одностороннем порядке новые правила регулирования судоходства в проливах. Эти правила значительно удлиннили время транспортировки грузов через проливы, а

следовательно, повысили стоимость транспортировки.

Нет сомнения в том, что Анкара предприняла этот шаг ради укрепления своей позиции, состоящей в попытках во что бы то ни стало добиться прокладки нефтепровода с каспийской и центральноазиатской нефтью не по территории России, а по территории самой Турции. Примечательно, что Анкара начисто игнорировала требования ст. 2 Конвенции Монтре, недвусмысленно установившей право полной свободы прохода через проливы в мирное время коммерческих судов днем и ночью, *независимо от флага и груза* (выделено нами. — *Авт.*). В мировой практике давно выработаны подходы к изменению важнейших международных договоров, к каковым относится Конвенция Монтре. Но Анкару явно не устраивают нормы международного права, хотя они позволяют урегулировать возникшие трудности на основе выработки государствами-подписантами нового порядка судоходства. Зачастую отдельными российскими тюркологами, вероятно, далекими от юриспруденции, некритически воспроизводятся утверждения Турции о том, что Международная морская организация одобрила новые турецкие правила судоходства, и поэтому, мол, спор решился в пользу Турции. Последнее совершенно не соответствует действительности и вводит общественность в заблуждение.

Во-первых, Международная морская организация не может заменить своими решениями международный договор — это абсурдно с точки зрения международного права. Международная морская организация (ИМО) — специализированное учреждение ООН, действующая на основании Конвенции о ней, вступившей в силу 17 марта 1958 г. Примечательно, что до 22 мая 1982 г. сама организация ИМО именовалась как Межправительственная морская *консультативная* (выделено нами. — *Авт.*) организация (ИМКО). И прежде и ныне цели ИМО — в обеспечении механизма межправительственного сотрудничества в решении различных технических вопросов, затрагивающих морскую торговлю.

Но главное — в другом: ст. 1 Конвенции Монтре подчеркивает, что «принцип права свободы прохода мореплавания в Проливах... будет впредь регулироваться постановлениями *настоящей Конвенции*» (выделено нами. — *Авт.*). За 60 лет со дня подписания конвенции ни одно из государств-участников не воспользовалось правом предложить ее пересмотр или денонсировать Конвенцию.

Верно лишь то, что антиправовой акт 1994 г. Турции был не первым в этом ряду. Еще в 1982 г. правительство Турции ввело регламент порта Стамбул, распространив его действие на всю зону проливов и предусмотрев — в нарушение Конвенции Монтре ряд ограничений свободы судоходства в проливах. Не случайно еще в октябре 1994 г. 71-я сессия Юридического комитета Международной морской организации (ИМО) сделала вывод, что введенные Турцией правила не соответствуют правилам и рекомендациям ИМО, международному праву и Конвенции Монтре. В ноябре 1995 г. 19-я сессия Ассамблеи ИМО подтвердила тот же подход вопреки ультимативной позиции Турции и утвердила соответствующую резолюцию, подтверждающую необходимость следования нормам Конвенции Монтре.

Следует видеть за позицией, занятой Турцией по проблеме проливов, также и явную военно-стратегическую заинтересованность США. Вопрос проливов, вкупе с известной позицией руководства Украины, имеет ключевое значение для установления контроля за обстановкой в зоне Черного моря. Торгово-экономические связи России в регионе пытаются поставить в явную зависимость от ряда внешних факторов, серьезно подорвав ее влияние в регионе. Очевидно, что одной из стратегических целей Вашингтона является контроль за выходами России в открытый океан. Запереть российский торговый и военно-морской флот в Черном море и заставить его потерять тем самым свою ценность как средства полноценной государственной политики — такие цели просматриваются сегодня со стороны стран Запада.

О том, что подобные выводы — не плод воспаленного ума, указывает еще одно нарушение Турцией Конвенции Монтре, нарушение, о котором знают гораздо меньше, чем о вопросе свободы судоходства. Дело в том, что Конвенция Монтре определяет прежде всего проход военных кораблей через проливы. В мирное время (имеется в виду неучастие Турции в войне) только черноморским странам разрешалось проводить военные суда, следуя определенным правилам (ст. 11—14 Конвенции). Нечерноморским державам разрешается проводить через

проливы только легкие надводные корабли, водоизмещением до 10 тыс. т и имеющим калибр орудий до 8 дюймов. При этом общий тоннаж всех кораблей нечерноморских государств в Черном море не должен превышать 45 тыс. т, а кораблей одного из таких государств — 30 тыс. т. Проход через проливы военных кораблей воюющих государств вообще воспрещался. (ст. 10, 13—20 Конвенции).

С учетом этих норм проход через проливы в Черное море современных военных кораблей ВМФ США, для участия, в частности в маневрах «Си Бриз-97» является несомненным нарушением Конвенции Монте. Но это нарушение, очевидно, вполне устраивает те силы в мире, которые откровенно демонстрируют России свою политику «сдерживания».

Директор Института США и Канады Рогов С.М. правильно отмечает, что по большинству вопросов, являющихся предметом противоречия между Россией и Турцией, США склонны занимать протурецкую позицию.

Все это происходит, как мы отмечали, на фоне усиления ВМФ Турции, особенно так называемой Северной военно-морской зоны, в театр которой входят проливы Босфор, Дарданеллы и Черное море.

Любопытно, что сегодня на мировое общественное мнение усиленно воздействуют, обычно, информацией об иранском терроризме. Террористический же акт в Турции, когда 16 января 1996 г. был захвачен теплоход «Аврасия» с 211 пассажирами, преимущественно россиянами, группой турок во главе с Мухаммедом Токчаном, предпочли вскоре забыть. Примечательно, что турецкие власти передали уголовные дела на этих террористов из юрисдикции суда государственной безопасности в гражданскую судебную инстанцию, что, безусловно, показывает либеральное отношение Турции к подобным террористическим актам, направленным против России.

Такая политика Турции стала возможной лишь потому, что слава и гордость России — ее Черноморский флот утратил былую мощь, которая была фактором сдерживания любых антироссийских планов. В этой связи невольно вспоминается наша история. Великому Петру I достаточно было лишь продемонстрировать новый военный корабль России в бухте «Золотой рог», чтобы добиться желаемого — остудить боевой пыл янычар и освободить себе руки для успешного проведения политики на Балтике.

Еще один соперник Анкары — Греция

Не только в отношениях с Россией, но даже с другим своим соседом — Грецией, Анкара не прочь использовать свою растущую военную мощь. Обеспокоенность Афин перед лицом возможной угрозы со стороны Турции вполне обоснована.

Отношения Турции с Грецией в очередной раз резко обострились в январе 1996 г. в связи с конфликтом вокруг двух небольших островов Кардак (греческое название — Имия) в Эгейском море. Наряду с вопросами принадлежности островов в Эгейском море наиболее спорными в отношениях Анкары и Афин являются проблемы территориальных вод, воздушного пространства, Кипра и национального турецкого меньшинства на острове. Анкара обвиняет также Афины в поддержке Курдской рабочей партии и утверждает, что боевики этой партии проходят подготовку на специальных базах на греческой территории.

После вынесения в феврале 1996 г. Европарламентом решения о принадлежности островов Кардак-Имия в Эгейском море Греции, Анкара выступила с резким заявлением. В нем отмечалось: «Турция не намерена принимать во внимание не имеющее юридического и политического значения одностороннее решение Европарламента по вопросу спорных с Грецией островов Кардак-Имия в Эгейском море».

Два небольших каменистых острова Кардак-Имия общей площадью около 1 кв. км едва не привели Турцию и Грецию к вооруженному конфликту в январе 1996 г. после водружения на одном из них греческого флага. После заявления греческого парламента летом 1995 г. о намерении расширить до 12 миль границу территориальных вод в Эгейском море, турецкий

меджлис наделил правительство своей страны всеми полномочиями, в том числе на ведение боевых действий. Некоторыми турецкими экспертами допускается вероятность начала войны между конфликтующими сторонами.

Острова находятся на расстоянии 4 миль от турецкого побережья и на таком же расстоянии от греческих островов. Греция добивается расширения территориальных вод до 12 миль, что вполне соответствует международному праву. Турция же настаивает на том, что территориальные воды не должны превышать 6 миль, так как в противном случае Эгейское море целиком превращается в греческое. Не последнюю роль играют при этом и природные ресурсы, предположительно сокрытые на дне Эгейского моря.

Бывшая в то время премьер-министром Турции Тансу Чиллер заявила: «Ни один шаг Греции против Турции не останется без ответа. Даже если Турция останется в одиночестве, у нее хватит сил и решимости противостоять враждебной политике Греции». В том же духе было выдержано и заявление министра иностранных дел Турции Дениса Байкала: «Греция заплатит цену за каждый шаг, который она сделает против Турции».

Подобное противостояние двух стран уже возникало в 1987 г. Тогда конфликт возник после начала Грецией поисковых работ в составе международного консорциума на нефть в этом районе.

Обращает на себя внимание решимость Турции прибегать в достижении своих внешнеполитических целей не столько к посредничеству и нормам международного права, сколько к грубой силе и демонстрации военных мускулов. Отпор подобным попыткам может быть эффективным для российской внешней политики, если она будет использовать при этом потенциальных союзников. История с продажей Кипру российских зенитных комплексов С-300 — пробный шар, показавший не только довольно резкую реакцию Анкары, но и благосклонное отношение Афин.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

Новый важный регион мировой политики

А.Вавилов , профессор, доктор исторических наук
Е.Медведева , кандидат философских наук

Появление в среднеазиатской части бывшего Советского Союза целой группы новых независимых республик, обретение ими роли полноправных субъектов межгосударственных отношений привлекло пристальное внимание многих политиков и политологов, всех тех, кто интересуется переменами, бурно происходящими в мире на современном переломном этапе его развития. Одно из свидетельств тому — работа профессора М.Ахрари «Новая большая игра в мусульманской Средней Азии», опубликованная в 1996 г. вашингтонским Институтом национальных стратегических исследований¹.

Автор исследования (в сотрудничестве с Дж. Билом) поставил перед собой непростые задачи: рассмотреть динамику сложных и противоречивых, а порой и противоборствующих процессов, разворачивающихся в молодых независимых среднеазиатских республиках (далее: САР), определить, хотя бы контурно, перспективы их дальнейшей политической эволюции. (Оставим в стороне, на усмотрение автора включение им лишь по религиозному признаку в разряд САР Азербайджана, имеющего свою историческую специфику и явно стоящего от САР особняком.)

Исходный пункт монографии — справедливое, на наш взгляд, утверждение автора о том, что САР находятся сегодня на историческом перепутье, перед ними во весь рост стоит судьбоносная задача поиска своего собственного места в складывающихся на наших глазах новых региональных и общемировых геополитических и геостратегических структурах и связях. При этом принципиальное отличие нынешнего положения этих государств от времени раздела мира в XIX—начале XX в. состоит, отмечает автор, в том, что ныне они «играют решающую роль в определении собственного будущего».

На их исторический выбор влияет целая гамма факторов внутреннего регионального и глобального порядка. К внутренним проблемам САР, напрямую воздействующим на направления и результаты поисков путей в будущее, проф. Ахрари относит перекосы в хозяйственном развитии этих стран в советский период и прежде всего исторически и климатически сложившуюся моносырьевую экспортную специализацию их экономики, углубленную и закреплённую интеграционными процессами, развивавшимися в рамках СССР, низкую политическую культуру местного населения, отсутствие в среднеазиатских обществах глубоких демократических и плюралистических традиций, разветвлённых партийных и иных политических институтов, а также значительную этническую пестроту и разобщённость населения. «В XX веке, — отмечает исследователь, — страны Центральной Азии знают либо коммунизм, превалировавший в бывшем Советском Союзе, либо авторитаризм, преобладавший на Ближнем Востоке». На его взгляд, народы САР объединяет лишь «общее племенное кочевое прошлое», а разделяет многое, в том числе и обострившиеся территориальные разногласия.

Далеко не во всех рассматриваемых республиках титульная нация составляет преобладающее большинство (а в Казахстане она даже в меньшинстве). В этих условиях национальное становление народов САР неизбежно ведет к нарастанию межэтнических трений. Более того, попытки национальной консолидации на религиозной или языковой основе, отмечает автор, дали в результате отток русского населения (его общая численность в САР, по приведенным в книге данным, достигает 25 млн. чел.), обладающего «жизненно

важной квалификацией по обслуживанию и управлению промышленными предприятиями и энергетическими объектами».

На таком сложном социальном и культурологическом фоне САР, по мнению автора, предстоит сделать выбор между двумя основными политическими системами, светской (Турция) или религиозной (Иран, Саудовская Аравия). При этом, по прогнозу исследователя на ближайшее будущее, авторитарные тенденции в трансформации властных структур САР останутся доминирующими.

Размышляя о путях дальнейшего развития САР, Ахрари приходит к выводу о том, что об их мусульманском будущем говорить можно лишь в неблизкой перспективе. По его суждению, этим странам «надо полностью сориентироваться в своей исламской сущности и лишь затем решать, что и сколько из ислама они хотели бы инкорпорировать в свою политическую систему». При этом единой модели для будущего развития САР не будет. Им предстоит выработать собственный механизм взаимоотношений государственной машины и ислама, отражающий местные реалии. Ислам будет оказывать глубокое влияние на политику САР и их нынешние возвращенные в советскую эпоху авторитарные посткоммунистические руководители осознают это. В складывающейся ситуации они оказываются как бы между двух огней: с одной стороны, без ислама они не смогут удержать свое правящее положение, с другой — с исламом им волей-неволей придется делиться властью. Вот почему, заключает автор, они прилагают немало усилий, чтобы оттянуть эту неизбежность.

Интересны в этой связи рассуждения проф. Ахрари относительно модальности взаимоотношений нынешних светских властей САР с исламскими партиями и движениями. В нескольких местах своего исследования он возвращается к мысли о том, что было бы неправомерно все эти движения без разбора относить к разряду ложно понятого «исламского фундаментализма», который уже по определению таит в себе угрозу экстремизма. По его оценке, исламские партии и организации в САР в массе своей не являются экстремистскими. Их влияние в народе пока невелико, так как они действуют в основном в среде городской интеллигенции, а 50—60% населения САР живет в сельской местности.

В итоге исследователь настоятельно рекомендует руководителям молодых среднеазиатских государств допустить включение исламистов в политический процесс, что должно уберечь последних от радикализации. Участвуя в политической игре, они «познакомятся с реальностями и сложностями управления, в котором примитивно, простецки мыслящие экстремисты не играют роли».

Оценивая возможности нарастания крайних, радикалистских тенденций в исламистской среде САР, автор отмечает, что их реализация на практике будет непосредственно зависеть от способности этих республик преодолеть нынешние экономические трудности и спад производства и сохранить внутривластную стабильность.

К факторам регионального порядка автор относит традиционное геостратегическое соперничество Ирана и Саудовской Аравии за влияние на Ближнем и Среднем Востоке, к которым сегодня добавилась и Центральная Азия, а также воздействие примеров Турции и Пакистана на выбор САР путей своего дальнейшего развития. По его оценке, географическая близость будет давать преимущества Турции и Ирану, а Саудовская Аравия «станет играть очень важную роль в повышении исламского самосознания и религиозной ориентации САР». При этом, вполне обоснованно успокаивает читателя автор, рост исламского самосознания совсем не означает нарастания экстремизма.

Пример политизированного ислама в шиитском Иране для суннитского населения САР будет иметь скорее сдерживающее, чем притягательное воздействие в плане распространения влияния Тегерана в среднеазиатской части бывшего СССР. Саудовская Аравия, напротив, имеет, по оценке М.Ахрари, выигрышные козыри в отношениях с САР и прежде всего в области религии и экономики (инвестиции королевства в регион, согласно приведенным в книге данным, уже составили 4 млрд. долл.). «Как родина Ислама, —

отмечает он, — Саудовская Аравия занимает особое место в сердцах мусульман Центральной Азии... У нее есть громадное преимущество в предоставлении им религиозного образования, широких возможностей совершать бесплатное паломничество, в передаче верующим миллионов экземпляров Корана, в сооружении тысяч новых медресе и мечетей. В этих вопросах Тегеран вынужден довольствоваться вторым местом». С благословения Саудовской Аравии САР были приняты в Организацию Исламская Конфедерация и получили доступ к фондам Исламского банка развития. К факторам, затрудняющим распространение саудовского влияния, автор относит географическую отдаленность королевства от Центральной Азии.

В работе справедливо отмечается, что одним из важных каналов сближения САР с Турцией, Ираном и Саудовской Аравией являются экономические, прежде всего кредитно-финансовые связи и рычаги материальной помощи. Однако вряд ли можно согласиться с неоднократно повторяемым в разных вариациях тезисом проф. Ахрари о том, что САР в экономической интеграции с этими несравненно более мощными государствами, имеющими многолетний опыт самостоятельного развития, «могут рассчитывать на отношение к себе как к равным». Результаты попыток России интегрироваться в западную экономику могут служить в этой связи показательным примером.

Десятилетия советского прошлого, бесчисленные и многообразные, ставшие органичными экономическими связи предопределяют, по мнению исследователя, сохранение в САР на годы вперед влияния России. Его отображение в книге неоднозначно. Умышленным преуменьшением представляются содержащиеся в работе оценки результатов развития САР в рамках СССР. Их достижения в области индустриализации, образования, науки и культуры общеизвестны и общепризнаны. Кстати, в ряде мест автор, противореча себе, вынужден признавать эти неоспоримые факты.

Отталкиваясь от советского периода в истории САР, он приходит к верному выводу о том, что от сохранения политической стабильности и перехода к экономическому подъему в РФ и в СНГ в целом во многом зависит будущее молодых среднеазиатских государств. В то же время, оценивая перспективы российской политики в Центральной Азии в основном как великодержавно-экспансионистские, он использует прежние критерии конфронтационных времен, забывая о таком важном и во многом определяющем факторе современных международных отношений, как взаимная заинтересованность равноправных и суверенных государств и народов в развитии взаимовыгодных двусторонних и многосторонних отношений. Под предубежденным и искажающим углом зрения в исследовании рассматривается миротворческая деятельность российских войск в Таджикистане, а также по охране южных границ СНГ, двусторонние и многосторонние соглашения САР с Россией о взаимном обеспечении безопасности.

Весьма скромную (и, прямо скажем, мало соответствующую реальному положению дел) роль в определении будущего САР автор отводит США, которым, как он полагает, стоит лишь позаботиться об экономическом благополучии этих республик, оставив поддержание стабильности в регионе на попечение Москвы. Однако под давлением фактов он вынужден признать глубокую заинтересованность США как мировой державы в направленности стратегического выбора САР. «США, — отмечается в монографии, — сделали акцент на пантюркизме, в значительной степени надеясь на то, что все мусульманские государства Центральной Азии станут тяготеть к Турции, а не к Ирану».

России же как великой державе, имеющей жизненно важные интересы в САР, автор отводит в своих стратегических построениях служебную роль щита, прикрывающего от вредного влияния радикальных исламистских сил Ближний Восток, являющийся для Вашингтона с точки зрения безопасности очень важным регионом.

В целом работа профессора М.И.Ахрари представляет немалый научный и практический интерес в плане изучения современного положения и перспектив развития стратегически важного Центральноазиатского региона мировой политики.

¹ The New Great Game In Muslim Central Asia, published by The Institute For National Strategic Studies, National Defense University, Washington, 1996. | [НАЗАД](#) |

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ВОЕННАЯ РЕФОРМА и задачи военной науки

И.ДАНИЛЕНКО, доктор военных наук

Без опоры на военную науку невозможно обосновать саму необходимость, цели, средства и методы проведения военной реформы в стране. В противном случае неизбежны политическое прожектерство, разного рода спекуляции, демагогия активных дилетантов, способных заглушить и даже опорочить деловой ответственный подход к ключевым проблемам национально-государственной безопасности. Создание надежной системы для долгосрочного обеспечения военной безопасности России — в этом заключается цель и смысл военной реформы, если к ней подходить с позиций национально-государственных, а не иных интересов.

Первая задача военной науки — доказать, что военная реформа нужна и возможна в данное время, а не диктуется претензиями на устроительство жизни народа по своим воззрениям одной из общественно-политических сил современной России. Вопрос о военной безопасности страны касается всех ее граждан более глубоко, чем вопрос о курсе ее общественного развития. Это вопрос о том, быть ли ей вообще. Вопрос о курсе не снимает вопрос о военной безопасности, если курс не является антинациональной и антигосударственной авантюрой.

Историческая ситуация в данное время такова, что необходимость военной реформы вызывается сразу рядом серьезных исторических причин, каждая из которых сама по себе требует реформирования военной сферы общественной жизни.

Во-первых, происшедшими в 90-е годы изменениями в устройстве общественной жизни. Независимо от отношения к ним разных общественно-политических сил военная сфера уже не может нормально функционировать без приспособления к новым экономическим и другим общественным реальностям. Иначе эта сфера просто может развалиться, чего желают и к чему стремятся только те силы, в явные или скрытые замыслы которых входит развал России. Важно, чтобы разные общественно-политические силы, у которых разное, вплоть до взаимоисключающего, отношение к происшедшим и продолжающимся нынешним курсом общественным изменениям, в отношении к военной сфере не приносили в жертву своим властным успехам и амбициям геополитические интересы страны, ее военную безопасность. Военная реформа оправдана только в том случае, если она ведет к укреплению военной безопасности России. Проведение ее во имя сохранения или изменения курса, но в ущерб безопасности страны преступно.

Во-вторых, необходимость военной реформы вызвана геополитическими и геостратегическими последствиями развала Советского Союза. Его наследницей на международной арене выступает Российская Федерация, но с иными геополитическими и геостратегическими параметрами и весом, с меньшей на 23% территории ей, еще меньшей численностью населения, с разрушенной системой устройства военной сферы, создание отдельных важных элементов которой отработывалось веками. Образовавшиеся "бреши" и диспропорции в системе военной сферы невозможно устранить без принципиально новых подходов и методов. Россия оказалась в изменившейся и продолжающейся меняться системе внешних вооруженно-политических отношений в мировом и региональном масштабах. В этих условиях военная реформа существенно зависит от представлений о характере будущих внешнеполитических отношений России, ее собственных устремлений. Чем хочет быть Россия в XXI веке: чьим-то вассалом или самостоятельным и ответственным субъектом международной жизни в составе мирового сообщества? Для чего и с кем она собирается вступать в союзы, какие процессы в мировом развитии она не примет и не будет им противодействовать? От ответов на эти вопросы серьезно зависят подходы к военной

реформе.

В-третьих, военная реформа давно назрела — вследствие существенных изменений в средствах и методах подготовки и ведения современных войн и особенно в связи с применением принципиально новых технологий нетрадиционного ведения войн. Военная реформа обязана учесть опыт и последствия "холодной войны", в которой был продемонстрирован большой арсенал нетрадиционных средств и методов ведения военного по своим целям и характеру противоборства, но без традиционной для него массовой вооруженной борьбы. Это требует не только совершенствования традиционных, но и особого внимания к разработке принципиально новых подходов к обеспечению военной безопасности. Во второй половине XX в. новыми пространствами (полями) ведения военной борьбы стали космическое и информационное. Военное по характеру и целям противоборство на информационном поле оказалось способным сломить политическую волю, дезориентировать и даже изменить сознание, расстроить психику больших масс людей. В итоге это позволяет добиться результатов, на которые раньше требовались годы упорной вооруженной борьбы, военной оккупации и т.д. Информационная оккупация страны в конце XX в. способна заменить традиционную оккупацию, осуществлявшуюся методом введения многих тысяч войск и чиновников на территорию другой страны. Но военная наука оказалась в плену старых схем и представлений о содержании войны и установлении мира. Ее усилия концентрировались на модернизации этих схем с учетом возможностей ракетно-ядерного оружия. Но не уделялось должного внимания тому, что это оружие стимулировало смещение военного противоборства с вооруженной борьбы на новые формы его ведения.

Первые две причины проведения военной реформы начали формироваться в процессе проведения горбачевского курса на перестройку страны и практической реализации "нового политического мышления для страны и всего мира". Последующий развал Советского Союза и Советской Армии руководством трех бывших союзных республик сразу превратил формирующиеся предпосылки в суровую повелевающую реальность. Что касается третьей причины, то она начала формироваться и давать о себе знать задолго до этих событий. К сожалению, военная наука не смогла не только ее своевременно вскрыть, но и признать ее существование уже после того, когда она проявилась в полной мере в многолетней мировой "холодной войне".

Серьезный подход к военной реформе даже в прошлом веке начинался с научного обоснования, с подъема самой военной науки, внимательного отношения к ее выводам и рекомендациям. Ярким примером тому может служить милютинская военная реформа. В то время в обосновании ее мероприятий важную роль сыграло расширение диапазона и качества военной науки за счет введения и широкого применения военной статистики.

Поэтому начинать военную реформу следовало и в наше время с социального заказа военной науке, а в случае ее неготовности к этому — с постановки ей задачи осуществить самореформирование в интересах повышения своего потенциала. Военную науку, как и любую другую, не может реформировать тот, кто ее не знает. Но предъявить ей общественный счет за неспособность решать назревшие проблемы или их некачественное решение — дело правомерное и необходимое.

Общественная ситуация не располагала к такому ходу событий. Политические силы, инициировавшие изменение общественного устройства в СССР, а после его развала — в РСФСР, очень быстро, искусно и негласно перевели декларированную политику перехода от государственного планово-административного социализма к рыночному социализму на курс форсированного перехода к примитивному, свободному от государственного контроля и заботы о социальной сфере капитализму. Вполне понятно, что эти силы отбросили общественную науку, ориентированную на обслуживание и защиту прежнего общественного строя. Военная наука не стала исключением. В первую очередь были выброшены ее мировоззренческое, политико-идеологическое и ценностное содержание. Постановка военного дела лишилась прежних смысла и ориентиров, новые декларировались невнятно и завуалированно. Очевидно, что курс на капиталистическое реформаторство был взят спешно, без разработки военной программы и заботы о военной безопасности страны. Интересы военной безопасности вначале Советского Союза, а затем России были принесены в жертву нетерпеливому призрачному

желанию успеха от нового курса общественно-государственного развития, сделать его любой ценой необратимым.

Такая политика с геополитической точки зрения является авантюрой. В случае, если курс на общественное переустройство страны потерпит крах, то очень вероятным станет и ее геополитическое крушение, поскольку она окажется беззащитной перед воинствующими проявлениями сепаратизма и внешним вмешательством, которые в подобных ситуациях всегда оказываются неизбежным явлением. Как показывает исторический опыт, жажда власти толкает людей на любые авантюры, в том числе на союзы с сепаратистами и внешними недругами своей страны, хотя это угрожает ее целостности и самостоятельности.

Такого рода события не миновали современную Россию. В случае дальнейшего ослабления ее способности обеспечивать свою военную безопасность, ей угрожает геополитический крах. Сегодня это ясно всем, в том числе трезво мыслящим сторонникам буржуазного развития страны, но как самостоятельного государства, а не сырьевого придатка "цивилизованного" мира. Кстати, геополитический крах подобного рода уже угрожал стране в 1917 г. после Февральской революции. Он не произошел тогда благодаря отсутствию согласия в стане внешних сил и решительному курсу советской власти после Октябрьской революции на воссоздание территориальной целостности страны. Но и тогда дело закончилось большими геополитическими потерями, возвращение (неполное) которых потребовало в последующие годы больших политических и военных усилий.

После развала Советского Союза и Советской Армии в России декларировалось проведение военной реформы, конверсии военной промышленности. На деле под пропагандистский шум о том и другом шло разрушение военной сферы: выводилась из строя военная промышленность, разрушались основы и выходили из строя сложившиеся механизмы мобилизации страны на случай военной угрозы, становилась все менее надежной хорошо отлаженная система комплектования вооруженных сил личным составом, была ликвидирована подготовка молодежи к воинской службе, снижались уровни боевой подготовки и воинского воспитания в армии и на флоте, деформировалось и дезориентировалось оборонное сознание народа. Последствия такого проведения реформы наглядно показали события в Чеченской республике.

В то же время оказались мифом утверждения российских поклонников западной цивилизации о том, что Запад исключительно миролюбив и дружески относится к реформируемой России. На деле оказалось, что не желающая угрожать Западу и ликвидировавшая необходимые для этого силы Россия не остановила его от расширения НАТО на Восток.

Следовательно, политики и стратеги Запада считают, что и в XXI в. исторический процесс, как и во все предшествующие века и тысячелетия, будет носить миро-военный характер, т.е. мир через какие-то периоды, хотя и неопределенные, неизбежно будет сменяться войнами. И они продолжают подготовку к ним. Так что дело не только и не столько в разном общественно-политическом устройстве государств, а в более глубоких причинах миро-военного хода исторического процесса.

Выходит, что те российские политики, которые пренебрегали и продолжают пренебрегать интересами обеспечения военной безопасности страны отдают ее историческую судьбу на решение другим государствам и их коалициям. Политики такого рода рассматривают военную реформу в качестве средства дальнейшего сокращения военного потенциала России. Они рассматривают его как помеху их курсу на слияние с Западом. Последнее возможно только в режиме вассально-колониального статуса России. Похоже, что для такого рода политиков он приемлем. Курс на преобразование России на западный манер любой ценой становится очевидной авантюрой во всех отношениях, но особо опасной с военной точки зрения.

Не случайно проблемы военной реформы в России вышли на одно из первых мест в политической борьбе между силами патриотической и западнической "цивилизаторской" ориентации. Последствия политики вассальной вестернизации России для ее военной безопасности очевидны и особо болезненны для людей с патриотическим сознанием и психологией, независимо от их общественно-политических симпатий и устремлений. Для них

такие понятия, как "отечество" и "родина", не пустые абстракции, а высшие, абсолютные ценности по сравнению с относительной ценностью общественного строя, тем более режима власти. Последние оцениваются ими через призму интересов родины, отечества, его (ее) благополучия и безопасности.

Какое же место и роль должна занимать и играть военная наука в этой ситуации? Вопрос актуальный и принципиальный.

Военная наука призвана освещать реальные и эффективные пути и средства обеспечения военной безопасности России как независимого государства применительно к его современному геополитическому и геостратегическому положению в современном мире. Она не должна приспосабливаться к политике отдельных партий и движений, находящихся у власти или борющихся за нее, а раскрывать истинное положение дел для всех, кто готов его воспринимать и действовать в соответствии с подлинными интересами обеспечения военной безопасности России. Военная наука обязана была по своей инициативе провести экспертизу политики переустройства страны с точки зрения последствий для ее военной безопасности. Она оказалась неспособной к этому прежде всего по своему положению в обществе, т.е. по своему общественному статусу.

Военная реформа не может быть успешной, не опираясь на науку. Но это отнюдь не означает, что последняя представляет собой "священную корову", мычащую непререкаемыми истинами. Чем больше доверия к науке, тем более критическим должно быть отношение к ней. Военная наука, как и любой другой инструмент, может находиться в хорошем, не в очень хорошем и даже в плохом состоянии. К тому же многое зависит от умения и желания пользоваться им. Военная наука современной России по уровню своего развития должна прежде всего соответствовать задачам проведения военной реформы — самой сложной и ответственной в истории страны.

Формально между военной наукой и декларациями властных структур о военной реформе существует тесный союз. В наше время только ленивый не заболит наукой. О военной реформе в России написано много книг и огромное количество статей. Разговоры и отдельные организационные мероприятия в армии, заявленные как реформаторские, начались уже в последние годы существования Советского Союза. С того времени в военных исследовательских, учебных и административно-управленческих учреждениях этой теме посвящаются научные, научно-практические конференции и другие формы обсуждения, вырабатываются рекомендации. Но ожидаемого результата нет и его не может быть. Имеет место и кризис военной науки, и кризис в применении ее результатов. Тот, кто имеет властные возможности их применить, не желает это делать, а тот, кто желает, — не имеет таких возможностей. Все оттого, что военную реформу пытаются уложить в прокрустово ложе общего курса проведения реформ. От военной науки требуются доказательства и выводы только соответствующего характера.

Подлинно демократический принцип отношения военной науки к военной реформе заключается в следующем: военная реформа должна проводиться не для укрепления позиций правящего режима, продления его пребывания у власти и не для облегчения прихода к власти оппозиции, а для укрепления военной безопасности России. Этому делу должны служить и власть и оппозиция. Военная наука должна быть открытой для власти и оппозиции и в то же время независимой от той и другой.

В нынешней ситуации характер, содержание и конечные результаты военной реформы во многом будут зависеть от реформы самой военной науки. Она должна по положению в обществе и уровню развития исключать авантюризм политики в решении военных вопросов. Пока ни то, ни другое не соответствует этому. Положение военной науки в обществе иначе не назовешь, как холуйским. Ей позволяют обосновывать уже принятые политические решения, при несогласии — ее выводы не принимаются во внимание. К такому поведению военная наука приучена давно. Именно это обстоятельство стало и продолжает быть основной причиной ее застоя. В результате по своему развитию она не охватывает всей современной проблематики войн и обеспечения военной безопасности. Ее организация неоправданно ограничена ведомственными рамками. Военная наука остается в положении прикладной, ее фундаментальная часть не стала академическим предметом. Не избавлена она от политико-идеологического пресса со стороны

властных структур, иной стала только его форма.

На необходимость изменения содержания, организации и общественного статуса военной науки как важнейшего средства обеспечения национально-государственной безопасности страны крупные военные теоретики России указывали еще в начале XX века. Такого рода идеи содержатся в трудах Н.Л.Кладо, Н.Н.Головина, А.К.Байова и других. Но преемственность в развитии отечественной военной науки в советское время, к сожалению, не соблюдалась. Не лучше, а значительно хуже обстоит дело с преемственностью в современной России. Наряду со слабыми попытками отдельных исследователей вернуть в научный и учебный оборот многое незаслуженно забытое или отброшенное из дореволюционной отечественной мысли и ее зарубежного эмигрантского потока отрицается, замалчивается, а то и откровенно извращается развитие военной мысли советского направления. Поэтому реформирование военной науки должно предусматривать создание строго научной системы исторической преемственности ее развития.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

Традиции военного дела и современное военное строительство

В.КРУГЛОВ, кандидат военных наук

Успех военного строительства в России и ее безопасность во многом будут зависеть от того, насколько в военной реформе учитываются традиции русского военного дела и искусства, менталитет Вооруженных Сил и нашего народа.

Известно, что одной из наиболее показательных сфер деятельности людей, в которой проявляются их национальные особенности, дух и природа, является военное дело.

Поэтому интересно проследить историю военного дела в целом, и военного искусства в частности, именно под этим углом зрения.

Анализ основных открытий в области военного искусства за последние 4 века, когда военное дело из «занятия гениев» превратилось в государственно -осознанное строительство, убедительно доказывает приоритет именно русской сухопутной Армии, «континентальный» характер военного русского духа.

До XVII в. на поле брани господствовали колонны различного масштаба и конфигурации. К концу этого периода глубина боевых порядков постепенно уменьшается, а фронт увеличивается. Назревал переход к новой тактике — линейной. И впервые сделала это Русская Армия. В сражении у с. Добрыничи (ныне Брянская область) 21(31).01.1605 г. впервые в мировой военной практике применив линейный боевой порядок пехота Русской Армии, построенная в 4—6 шеренг, огнем из пищалей нанесла поражение войску Лжедмитрия I (23 тыс. чел.) и контратакой завершила его разгром.

В Европе такой боевой порядок был применен только в ходе Тридцатилетней войны, когда шведско-саксонское войско в сражении под Брайтенфельде (деревня под Лейпцигом) в 1631 г. разгромило войско германской Католической лиги.

Почти то же самое произошло и с новым боевым порядком — колоннами в сочетании с рассыпным строем. Русская Армия одной из первых перешла к этому. Случилось это в Семилетнюю войну 1756—1763 гг. в ходе боев при осаде прусской крепости Кольберг (Колобжег), которая была взята русскими под командованием генерала П.А.Румянцева, будущего генерал-фельдмаршала.

Боевой порядок "колонн и рассыпного строя" продержался почти сто лет, до Крымской войны 1853—1856 гг., когда он сменился стрелковыми цепями. Первой к ним опять-таки перешла Русская Армия. В оборонительном сражении у р. Альма 8(20).09.1854 г. русские войска стихийно применили стрелковую цепь, используя для защиты от пуль нарезного оружия противника ее неровности и складки земли. Потом этот прием был применен и в наступлении. В сражении при Инкермане 5.11.1854 г. русские части, ведя наступление в условиях подавляющего огневого превосходства противника, уже преднамеренно рассыпались в цепь, чтобы с минимальными потерями преодолеть зону ружейно-артиллерийского огня и сблизиться с противником для штыкового удара.

Каждый из вышеназванных боевых порядков характеризуется очередным переходом к более широкому фронту, и первый шаг в этом всегда делала, как правило, Русская Армия.

И, наконец, именно русскими, советскими военными теоретиками в 20—30-х годах нашего столетия впервые было дано научное обоснование оперативного искусства как нового раздела военной науки и практики, который был признан Западом лишь недавно. Разработка в 30-е годы теории глубокой наступательной операции на континентальном театре военных действий показала, насколько далеко ушло русское военное мышление. В основе этой операции лежала и другая континентальная категория — глубина территории.

Если с таких же позиций посмотреть на военно-морское дело, то ветры Атлантики быстрее надували паруса, естественно, на Западе.

Эпоху парусного военного флота в 1520 г. открыла Англия, где был построен специальный военный корабль. В России первый такой корабль был спущен на воду в 1668 г. Это был "Орел", вооруженный 22 пушками. Массовый же гребной флот был создан Петром I только к концу XVII в. Годом рождения русского военного флота стал 1696 — год участия русского флота в боевых действиях при Азове.

Переход к эпохе броненосного флота тоже доказывает некоторый отрыв Запада. Первым крупным сражением броненосного флота было сражение у о. Лисса в Адриатическом море (20.07.1866 г.) между итальянским и австрийским флотами. Россия также строила свой броненосный флот и в 1877 г. спустила на воду свой самый мощный корабль "Петр Великий".

Вместе с тем нужно отметить, что если в технике флот Запада несколько опережал русский флот, то в военно-морской мысли и искусстве русские ученые и флотоводцы были на высоте.

Если морская линейная тактика была введена морскими сражениями англо-голландских войн периода 1652—1674 гг., когда единоборство одиночных кораблей сменилось борьбой кораблей, выстроенных в линию, то маневренную тактику флота первыми применили русские флотоводцы. В Чесменском сражении 24.06—26.06 (5.07—7.07) 1770 г. русская эскадра Г.А.Спиридова меньшими силами (13 кораблей, 820 орудий), но используя маневренную тактику, нанесла поражение турецкой эскадре Д.Хасантбея (22 корабля, 1430 орудий). В бою особо отличился авангард русских кораблей под командованием С.К.Грейга, который смело ворвался в Чесменскую бухту и уничтожил турецкий флот. Выдающийся русский флотоводец Ф.Ф.Ушаков настолько усовершенствовал приемы маневренной тактики, что по праву стал "Суворовым на море". Национальный герой Англии адмирал Г.Нельсон лишь повторил то, что первым сделал Ф.Ф.Ушаков.

Часто уступая противнику в количестве и качестве кораблей, русский флот уравнивал это качеством личного состава. Причем не столько их профессиональной подготовкой (например, английские матросы были подготовлены не хуже), сколько чертами характера. Удалость, смекалка, азарт и терпение наших моряков — от их русского характера, сформированного российскими широтами.

Если тактику линейного парусного флота первым изложил французский военно-морской теоретик Поль Гост (1652—1700 гг.), то основоположником тактики парового флота, в том числе броненосного, является русский адмирал Г.И.Бутаков (1820—1882 гг.). Когда в ходе Крымской войны 1853—1856 гг. начали появляться корабли с паровыми машинами, именно Г.И.Бутаков, участник той войны, предвидя широкое развитие парового броненосного флота, создал его тактику.

Возвращаясь от флота к армии, можно отметить другие характерные особенности ее тактики, обусловленные именно просторами России. Почему, например, русский штыковой удар — чисто национальное явление? Потому что идти в штыковую атаку можно лишь тогда, когда крепко чувствуешь землю под ногами. Казачество было непревзойденным войском потому, что казака и коня соединила, породнила земля.

Вторая мировая война закончилась победой союзников во многом потому, что главные ее

события происходили на Европейском континенте и решающий вклад в разгром фашистской Германии и ее сателлитов внесли Вооруженные Силы Советского Союза.

После Великой Отечественной войны наша страна была вынуждена развернуть в Европе крупную сухопутную группировку. Это был наш "континентальный" ответ на "океанско-воздушный" вызов Америки, чей ядерный меч был занесен над Советским Союзом. Позже у нас появились свои ракетно-ядерный щит и меч. Но они стали возможны потому, что Россия и ее армия крепко стояли на суше: есть опора на землю, можно штурмовать и выси, и глубины.

Вот почему перестроечно-реформаторский разгром армии неизбежно приводит к уничтожению и Российского флота (к 1996 г. число его кораблей уменьшилось вдвое), и Ракетных войск стратегического назначения (РВСН), и Военно-Воздушных Сил, и Войск ПВО, и Военно-Космических Сил.

Основой наших стратегических ядерных сил (СЯС) всегда были межконтинентальные баллистические ракеты наземного (вновь земля) базирования (более 60% ядерных зарядов). После известных соглашений по сокращению СНВ намечен и осуществляется слом этого "континентального" хребта наших ядерных сил. Вследствие выполнения этих договоров наши силы структурно станут подобны американским: ядерные заряды ракет на подводных лодках будут составлять примерно 50% от их количества. А то, что было основой наших ядерных сил, их объективным преимуществом, исчезнет. Измена "континентальному" духу и характеру наших стратегических сил приведет к их ослаблению и, возможно, уничтожению, а не к "структурной перестройке": они станут уродливой копией американских сил. Здесь уместно напомнить, что наши ракеты "родились" из реактивной артиллерии, на Западе ракеты "вышли" из авиации. Не случайно руководство СНС США осуществляет стратегическое авиационное командование (САК) ВВС. Поэтому уничтожение РВСН — основы СЯС Вооруженных Сил РФ не соответствует военным традициям России, подрывает фундамент современного военного строительства. Минусы такого шага — как политические и стратегические, так и экономические — очевидны. Наши ядерные силы не полностью будут использовать геостратегические плюсы: огромное континентальное пространство, большую маскировочную емкость территории, большие возможности по рассредоточению, маскировке ракетных комплексов и повышению их живучести. В то же время наши морские стратегические ядерные силы (МСЯС) таких географических преимуществ не имеют. Инциденты с подводными лодками показывают, что американские лодки в последнее время полностью контролируют все наши выходы в моря и океаны. Это позволяет вероятному противнику в некоторых условиях блокировать действия наших ПЛАРБ уже в территориальных водах РФ или вблизи них. Развитость противолодочной обороны США также затрудняет действия наших подводных ракетных крейсеров. С учетом огромного превосходства США в авианосцах общий баланс морских сил еще больше складывается в пользу США. Это и понятно: США — первая морская держава и это свое положение и преимущество они никому не уступят.

Анализ этой проблемы с экономической точки зрения также подтверждает преимущество РВСН перед другими компонентами ядерных сил: РВСН потребляют примерно только 5% средств военного бюджета и обеспечивают безопасность России путем сдерживания противника от агрессии. МСЯС же придется во многом воссоздавать, а на это нужны средства, которых у России, увы, нет. (Логика результатов Договора СНВ-2, действительно, странная: ломаем то, что есть и эффективно действует (РВСН), для того, чтобы этот слом компенсировать тем, чего нет (МСЯС и АСЯС). Умеем же мы себя загонять в безвыходные положения: и отказаться от СНВ-2 плохо и выполнять его — еще хуже! Причина этого в том, что в спешке и неквалифицированно готовим и заключаем договоры, политические сиюминутные соображения превалируют над долгосрочными интересами страны. Поэтому, когда станут слабыми РВСН (а все договоры на это и направлены!), — с Россией совсем перестанут считаться. Такой подход Запад недвусмысленно демонстрирует уже сегодня: НАТО нанес ракетные удары по сербам в Боснии и Герцеговине, а США — по Ираку, полностью игнорируя позицию России.

С учетом того, что территория нашей страны фактически не защищена от воздушно-космического нападения, исключить такое можно лишь постоянной готовностью нанести ракетно-ядерный удар по агрессору. Эту задачу ядерного сдерживания гарантированно и эффективно могут выполнить прежде всего РВСН. Ракетные войска обладают, помимо этого и еще одним, присущим только им качеством, — способностью наносить ответно-встречный удар с контролем и предварительной оценкой выполнения этой задачи.

Все это, однако, не значит, что морские и авиационные ядерные силы и другие средства не нужны. Нужны, но только в правильных, научно обоснованных соотношениях, в соответствии с геополитическими реалиями и здравым смыслом, российскими военными традициями и ценностями. Какие именно МСЯС и АСЯС требуются России, знают специалисты-профессионалы ВМФ и ВВС. Что касается ВМФ, то эта задача с системных позиций блестяще решена благодаря усилиям Э.Балтина, В.Алексина, Э.Шевелева и др.

США стали великой державой искусственно, за счет созданных ими средств и рычагов — мировых денег, военной силы, контроля информации, коммуникаций. Они полностью использовали свое положение морской державы и стали владеть не только морями, но и континентами.

Россия — объективно великая держава, таково ее естественное положение на Земле. Только ошибочная политика, в том числе и в военной сфере, может превратить эту реальность в свою противоположность — слабую и, затем, раздробленную Россию.

Чтобы этого не случилось, необходимо правильно выбирать приоритеты военного строительства, учитывая при этом традиции и дух русского военного дела. Только сильные и гармоничные, естественные для России Вооруженные Силы могут быть гарантом ее суверенитета, свободы, территориальной целостности и безопасности.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

Е.ВЕДУТА,
кандидат
экономических
наук

НОВЫЙ КУРС для РОССИИ

ОТ РЕДАКЦИИ :

Редакция предлагает читателям статью, посвященную обоснованию нового экономического курса для России. В этом номере анализируются экономическое соперничество США и СССР. В следующем — показано место России в современном мире. Завершающая статья посвящена обоснованию принципов эффективной национальной экономической стратегии для России.

1. СССР И США

Ведущим противоречием послевоенной эпохи до 90-х годов являлось соперничество двух супердержав — США и СССР (табл. 1).

Таблица 1

Послевоенная экономическая ситуация в США и СССР

США	СССР
Возрастание доли США в мировом производстве и международном обмене. Рост неравенства США и других стран по доходам в расчете на 1 человека. Значительное увеличение золотого запаса при ликвидации резервов, накопленных богатыми странами в прошлом. Сумма капиталов, вложенных США за границей превышает сумму капиталов, вложенных в США. Государственный экспорт капитала в виде «даров» и «помощи» с соблюдением требований политического характера приобретает заметное значение и по объему превосходит частные капиталовложения.	Разрушение производственного аппарата в европейской части СССР. Восстановление народного хозяйства завершилось к 1950 г. Сокращение доходов в расчете на 1 человека. Незначительные внешние займы от Англии, США и Канады для оплаты военных поставок; понижение покупательной способности рубля. Опора во время войны на собственные ресурсы. Поставки по лендليзу из США составляли около 4% промышленного производства СССР за время войны. Централизованное распределение собственных капиталовложений на военную перестройку экономики и ее восстановление.

Восстановление международного обмена с учреждением Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР) на принципах, выгодных США. Установление валютных паритетов в долларах и золоте. Золотой паритет доллара устанавливался казначейством США. Развитие исследований в области кибернетики.	Превращение СССР в страну-кредитора. В условиях «холодной войны» и экономической блокады со стороны США создание Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) стран, выбравших сотрудничество с СССР. Установление золотого содержания рубля. Присвоение кибернетике названия лженауки.
--	--

Для завоевания мирового господства в отраслях, находящихся в авангарде развития экономик целых стран, *экономической стратегией США*, становится *рост экспорта капитала*. Экспорт частного капитала стимулируется государственными льготами. Он направляется в приоритетные (с точки зрения стратегических интересов США) отрасли и страны либо прямо в создание предприятий базовых отраслей, либо с помощью рынка капиталов через эмиссию акций или облигаций, порождая обратный поток прибылей, быстро компенсирующий экспорт капитала.

Для обеспечения *военного паритета с США* и устойчивого роста уровня благосостояния граждан *экономической стратегией СССР* становится первоочередное развитие отраслей, определяющих технический прогресс, за счет *сокращения объема централизованно распределяемых инвестиций* в пользу предоставления все больших финансовых средств хозяйствующим субъектам, использующих их по критерию прибыли, противоречащему достижению стратегических интересов СССР (табл. 2).

Таблица 2

Проблемы и их решение в США и СССР в период 50—90-х годов

США	СССР
<i>50-е и 60-е годы</i>	
ПРОБЛЕМА 1. Восстановить экономику Западной Европы, сделать ее конкурентоспособной экономике Восточной Европы и СССР. <i>Проблема решена.</i> Бум американских инвестиций в Европу. Использование плана Маршалла и создание внутриевропейских экономических организаций для эффективного распределения инвестиций между европейскими странами. Создание сильных европейских государств, способных конкурировать в отдельных производствах и с США. ПРОБЛЕМА 2. Координирование государственных и частных капиталовложений для решения стратегических задач США, повышение эффективности управленческого труда с использованием ЭВМ. <i>Решена частично.</i> Развивается государственное регулирование	ПРОБЛЕМА 1. Достижение военного паритета с США. и переориентация централизованного механизма управления экономикой на цели потребительского рынка для повышения конкурентоспособности товаров народного потребления. <i>Решена частично.</i> Военный паритет с США достигнут на основе государственного централизованного планирования, обеспечивающего первоочередное развитие отраслей, определяющих технический прогресс. Ухудшается состояние продовольственной безопасности государства и конкурентоспособность товаров и услуг потребительского рынка. ПРОБЛЕМА 2. Повышение гибкости централизованного управления за счет эффективного применения ЭВМ в плановых расчетах.

экономики по поддержке и стимулированию научно-технического прогресса с использованием программирования. Трудности его применения возникают из-за коммерческой тайны о доходах частных корпораций. Удалось сдержать бурный рост численности управляющих в общем составе работоспособного населения с помощью АСУ, создание которых поддерживалось государством. Начиная с 60-х годов электроника выходит на первое место по темпам роста. Аналогично развивалась электроника в ФРГ, Японии, Англии и Франции.

ПРОБЛЕМА 3.

Хронический дефицит платежного баланса США и поиск новых рынков для экспорта капитала для распространения потерь от нестабильности международной валютно-финансовой системы на более экономически слабые слои.

Решена частично.

Хронический дефицит платежного баланса США порождает потоки обесцененных долларов, являющихся основой международной валютно-финансовой системы, в обмен на которые приобретаются реальные материальные блага. Накопление долларовых резервов европейскими странами позволило им восстановить конвертируемость валют к концу 50-х годов. Открылся рынок евродолларов и евродезизов, на которых развивается свободная от контроля национальных правительств и центральных банков спекуляция. Началась «война» процентных ставок. Усилилась тенденция предоставления долгосрочных государственных займов и «помощи» из США развивающимся странам. Выделены кредиты СССР.

Не решена.

Создана догматическая политэкономия социализма, препятствовавшая созданию системы оптимального управления экономикой и предопределившая потерю преимуществ экономической стратегии СССР в конкуренции супердержав. В рамках ее постулатов разработки в области экономико-математического моделирования и применения АСУ были обречены на неэффективность. СССР отстает от США в области электроники и ее применения в народном хозяйстве.

ПРОБЛЕМА 3.

Создание стимулов к высокопроизводительному труду в «мирное» время.

Не решена.

Бессистемная реорганизация отраслевых и территориальных министерств во второй половине 50-х годов. С середины 60-х годов развиваются кредитные отношения с западными странами и проводится экономическая реформа по децентрализации инвестиционных процессов. В плановый механизм встраивается критерий рыночной экономики — прибыль, стимулирующий рост цен производителей и опережающий рост заработной платы над производительностью труда. Так как розничные цены практически не меняются, то растет дефицит потребительских благ, развивается спекуляция материальными благами и привилегии у номенклатуры. Страна стала терять темпы.

70-е—начало 80-х годов

ПРОБЛЕМА 4.

Нестабильность международной валютно-кредитной системы, галопирующая инфляция и кризис кейнсианской концепции государственного регулирования экономики.

Решены частично.

Образование к началу 70-х годов трех центров экономических конкурентов — США, Западная Европа и Япония, повлекло за собой усиление протекционистских мер и учреждение расчетных денег — «специальных прав заимствования» (СПЗ) для регулирования сальдо платежных балансов. С отменой конвертируемости долларов на золото установился долларовый стандарт и

ПРОБЛЕМА 4.

Возрастание сложности координирования производственных связей в экономике, ослабление стимулов к производительному труду и кризис экономической теории социализма

Не решены.

В 70-х годах проводится множество реорганизаций и экономических экспериментов на базе различных министерств по распределению прибыли с целью стимулирования технического прогресса. С этой же целью начал деятельность Международный инвестиционный банк, предоставляющий

нестабильность международной валютно-финансовой системы усилилась.

Галопирующая инфляция в 70-х годах, две девальвации доллара, экономический и структурный кризис 1974—1975 гг. знаменовали кризис долларового стандарта, в результате чего наметилась тенденция перехода к многовалютному стандарту.

Повторение экономического кризиса в 1980—1982 гг., выразившегося в замедлившемся росте рынка, падении прибылей, усилении инфляции, росте безработицы, накоплении бюджетных дефицитов и международной нестабильности, знаменовало кризис кейнсианской концепции государственного регулирования, легализовавшей бюджетный дефицит. С поражением Картера в 1980 г. закончился период «фордовского» накопления, для которого характерны: рост капиталовооруженности труда, реальной заработной платы теми же темпами, что и рост производительности труда и проведение активной политики социального обеспечения.

долгосрочные и среднесрочные кредиты членам СЭВ, в том числе в конвертируемой валюте. Получены долгосрочные кредиты на компенсационной основе от США и стран Западной Европы. Расширяется кредитование развивающихся стран.

Политэкономия социализма все более представляется в виде конгломерата элементов социализма и рыночной экономики. «Зашли в тупик» экономико-математические исследования. Неспособность господствующих экономистов разработать *комплексную методику оценки эффективности хозяйственных мероприятий*.

С конца 70-х годов США обгоняют СССР в темпах роста капитальных вложений.

80-е годы

ПРОБЛЕМА 5.

Финансовая нестабильность — инфляция, рост бюджетного дефицита, государственного долга и дефицита платежного баланса, низкие темпы экономического роста и безработицы.

Частично решена.

Усиление роли государства в финансовом регулировании на базе *монетаристской концепции*. Сокращение бюджетного дефицита за счет приватизации государственной собственности и уменьшения государственных расходов на социальные цели, установка целевых ориентиров в регулировании прироста денежной массы в обращении и кредита, проведение скоординированной политики западных государств по поддержанию стабильности национальных валют и сбалансированности платежных балансов.

ПРОБЛЕМА 5.

Усиление стихии в организации управления экономикой, ухудшение продовольственной безопасности, рост дефицита товаров, спекуляции и привилегий, рост внешнего долга.

Не решена.

Проведение радикальных экономических реформ по усилению стихийной организации управления экономикой на базе *рыночной теории социализма*. Постепенное свертывание государственного экономического планирования, децентрализация банковской системы, усложнение концепции финансов, приоритетное развитие кооперативного сектора экономики. Снижение темпов экономического роста, рост дефицита, спекуляции, привилегий, внешнего долга СССР. Развал СЭВ.

90-е годы

ПРОБЛЕМА 6.

Низкие темпы экономического роста, бюджетный дефицит, рост государственного долга, снижение инвестиционной активности, рост социального неравенства, рост хронического дефицита платежного баланса США.

Не решены.

ПРОБЛЕМА 6.

Развал единого народнохозяйственного комплекса СССР. Более чем в 2 раза спад производства и инвестиций. Разрушение отраслей, определяющих технический прогресс, и отраслей, работающих на потребительский рынок. Сырьевая ориентация экономики, инфляция, рост бюджетного дефицита, резкое социальное расслоение и криминализация

Расцвет спекуляции на рынке капиталов и недвижимости. Рост задолженности частных лиц, промышленного сектора государства и государственного долга. Безвозвратный долг Латинской Америки. Сокращение расходов на социальную сферу. Биржевые крахи, обесценение доллара. Рост внешнеторгового дефицита.

Совет директоров МВФ поставил США под надзор для снижения бюджетного дефицита и роста налогов. У федерального правительства больше нет денег для маневра по ликвидации бюджетного дефицита.

Паралич кейнсианского и монетаристского варианта регулирования экономики. Отсрочку банкротства монетаризм дал кризис советской системы.

экономики, рост внешней задолженности при активном внешнеторговом балансе.

Не решены.

Расцвет спекуляции на рынке капиталов и недвижимости. Кризис неплатежей, рост государственного долга и сокращение расходов на социальную сферу. Биржевой крах после краха на Нью-Йоркской фондовой бирже и снижение доходности акций российских предприятий. Рост внешней задолженности. Обесценение рубля по отношению к доллару.

Всемирный банк рекомендует государству стать эффективным и продолжить рыночные преобразования. У федерального правительства больше нет возможностей для усиления государственного регулирования экономики.

Кризис теории перехода к рыночной экономике. Бремя расцвета всемирной финансовой спекуляции несет большинство граждан России, стран СНГ и их союзников по блоку СЭВ.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

Международные экономические организации и инвестиционный климат в России

И. СОКОЛОВ, экономист отдела ценных бумаг АКБ Промстройбанк

Первые годы реформирования не дали сколько-нибудь значимых положительных результатов, а ознаменовались лишь просчетами:

- наметившийся в переломном 1991 г. спад производства неуклонно наращивает свои темпы, невзирая на предпринимаемые правительством отчаянные, но мало результативные шаги;
- из года в год увеличивается дефицит государственного бюджета и задолженность перед предприятиями страны, многие из которых уже давно фактически стали банкротами;
- по-прежнему остро стоит проблема низкой собираемости налогов и неисполнения бюджета;
- социальная обстановка в России также оставляет желать лучшего — идет к своему апогею процесс обнищания населения, подчеркнутый в свою очередь колоссальным расслоением общества.

Таким образом, становится ясна необходимость в корректировке экономического курса для устранения обнаружившихся ошибок и допущенных просчетов.

В настоящее время декларируется, что национальные интересы направлены на глубокую структурную перестройку промышленности, предусматривающую конверсию оборонных предприятий, на создание института частной собственности на землю в целях реорганизации сельского хозяйства, а также на реформирование армии, науки и образования. Расходы, связанные с реализацией этих капиталоемких программ в сжатые сроки, превышают внутренние ресурсы страны, что вынуждает Россию обращаться к внешним источникам заимствования, среди которых в последнее время видное место занимают Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР), являющийся ведущей организацией группы Всемирного банка (ВБ).

МВФ и МБРР

НА СОСТОЯВШЕЙСЯ в 1944 г. Конференции ООН по валютно-финансовым вопросам в Бреттон-Вудсе (США) было принято решение о создании МВФ и МБРР с целью восстановления мировой экономики после войны.

МВФ и МБРР взаимно дополняют друг друга, при этом первый призван способствовать стабильности международной валютной системы, а второй, в свою очередь, занимается конкретными инвестиционными программами, содействующими экономическому развитию стран-членов. Основным юридическим документом, регламентирующим их деятельность, являются Статьи соглашения, заменяющие им устав.

Эти организации устроены по образцу акционерного предприятия, поэтому возможность каждого участника оказывать воздействие на его деятельность определяется долей в капитале либо количеством принадлежащих ему акций. По состоянию на начало 1997 г. число стран-членов достигло 180. Членами ВБ могут быть только страны, вступившие в МВФ. Это требование объясняется тем, что страны — члены банка обязаны проводить свою валютно-финансовую политику в соответствии с положениями Устава МВФ.

Способы формирования основного капитала в МВФ и МБРР для осуществления своей деятельности несколько отличаются друг от друга.

ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ ФОНДА формируется за счет взносов стран-членов, причем их размер устанавливается в зависимости от экономического и финансового потенциала государства. Наибольшим количеством голосов на данный момент обладают: США (17,7%), Япония (5,5%), Германия (5,5%), Франция (4,9%), Англия (4,9%). России сейчас принадлежит 2,99%. К тому же с 1969 г. МВФ выпускает в обращение новое кредитное средство — так называемое «специальное право заимствования» валюты. Эти средства также распределяются между членами Фонда пропорционально их квоте и предназначаются для использования во внутренних расчетах. Так, если у Фонда возникает некая долгосрочная потребность в резервах, он может повысить уровень своих активов через очередное распределение СДР, как это уже было в 1981 г.

Что же касается МБРР, ТО ОН НЕ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ НА ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТОЛЬКО АКЦИОНЕРНОГО КАПИТАЛА, НЕРАСПРЕДЕЛЕННОЙ ПРИБЫЛИ И ВЗНОСОВ БОГАТЫХ ЧЛЕНОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СВОИХ СРЕДСТВ. Основным источником пополнения ресурсов банка по-прежнему остается продажа различных долговых обязательств на мировых финансовых рынках. Следует подчеркнуть тот немаловажный факт, что благодаря своей рациональной политике (согласно уставу банк имеет право предоставлять займы только для продуктивных капиталовложений, причем с учетом вероятности их погашений) и структуре внутренней организации (все страны-участники выступают своего рода гарантом операций Банка) его ценные бумаги заслужили себе репутацию одних из самых надежных в мире. Так они охотно приобретаются пенсионными фондами и страховыми компаниями, коммерческими банками и частными лицами. Следует заметить, что банк из года в год получает прибыль, хотя это вовсе не является целью его деятельности. Прибыль направляется на совершенствование работы банка и на помощь беднейшим странам мира посредством беспроцентных займов. Дивиденды на акции не выплачиваются.

Россия и международные экономические организации

ИНТЕГРАЦИЯ России в мировую экономику подразумевает под собой постепенное присоединение страны к международным финансовым институтам. Это становится тем более очевидным при условии возросшей взаимозависимости стран мира: далее невозможно уже развиваться обособленно от всего цивилизованного общества, как это было в период «холодной войны». Так, СССР в 1985 г. начинает делать первые шаги, направленные на вступление в МВФ и МБРР. Однако все реальные препятствия и трудности, возникшие на этом пути, были преодолены уже после распада СССР и 1 июня 1992 г., подписав Статьи соглашения фонда, Россия официально стала участницей МВФ.

МВФ И РОССИЯ. Вступление в МВФ предоставило России возможности получения значительных сумм в конвертируемой валюте в качестве ссуд. Однако, как известно, кредит дается на условиях целевого использования, срочности, платности и возвратности. Так если для коммерческих банков три последние условия являются первостепенными и наиболее важными, то МВФ придает огромное значение целенаправленности выданных кредитов. Вот почему предоставление ссуд неразрывно связывается, если не сказать зависит, от выполнения определенных политико-экономических требований, которые содержатся в разрабатываемых программах экономической стабилизации. Во многих случаях страны вынуждены платить за кредиты МВФ высокую социальную цену. В качестве подтверждения этого могут служить главные положения Меморандума об экономической политике, осуществление которого было необходимо для принятия России в МВФ и получения первого кредита. В нем можно выделить следующие основные пункты:

- *сокращение бюджетного дефицита для стабилизации экономики.* Как правило, любое сокращение дефицита бюджета происходит за счет урезания расходов на социальные нужды;

- *прекращение кредитования неперспективных предприятий.* Но в связи с тем, что количество подобных предприятий довольно значительно, то реализация этого положения может вызвать глубочайший кризис из-за всплеска безработицы;
- *сокращение темпов инфляции.* Для этого нужно остановить «печатный станок», т.е. прекратить эмиссию денег в обращение, что при наличии опять-таки бюджетного дефицита скажется на социально незащищенных слоях населения;
- *реорганизация сельскохозяйственного и энергетического секторов экономики с целью увеличения денежных валютных поступлений.* Воплощение в жизнь данного пункта неминуемо натолкнется как на недостаточность финансирования подобного преобразования, так и на отсутствие устоявшейся нормативной базы.

Бесспорно, любые преобразования, направленные на реорганизацию экономики страны, будут сопровождаться неизбежными негативными явлениями переходного периода — увеличение безработицы, инфляции и др., однако именно в таком положении определяется умение государства проводить подобные реформы результативно и в то же время достаточно безболезненно для всех слоев населения страны.

Следует обратить внимание на тот факт, что согласование с фондом условий кредита с учетом выводов экспертов относительно экономико-политической ситуации в стране является своего рода гарантией кредитоспособности и платежеспособности страны-заемщика, выданной МВФ. Это открывает доступ к другим межгосударственным кредитам и частным инвестициям, а также благоприятно способствует ведению переговоров с кредиторами по поводу реструктуризации внешней задолженности. Именно благодаря участию МВФ Россия смогла добиться в 1995—1996 гг. принципиальных решений о реструктурировании российских долгов Парижскому и Лондонскому клубам.

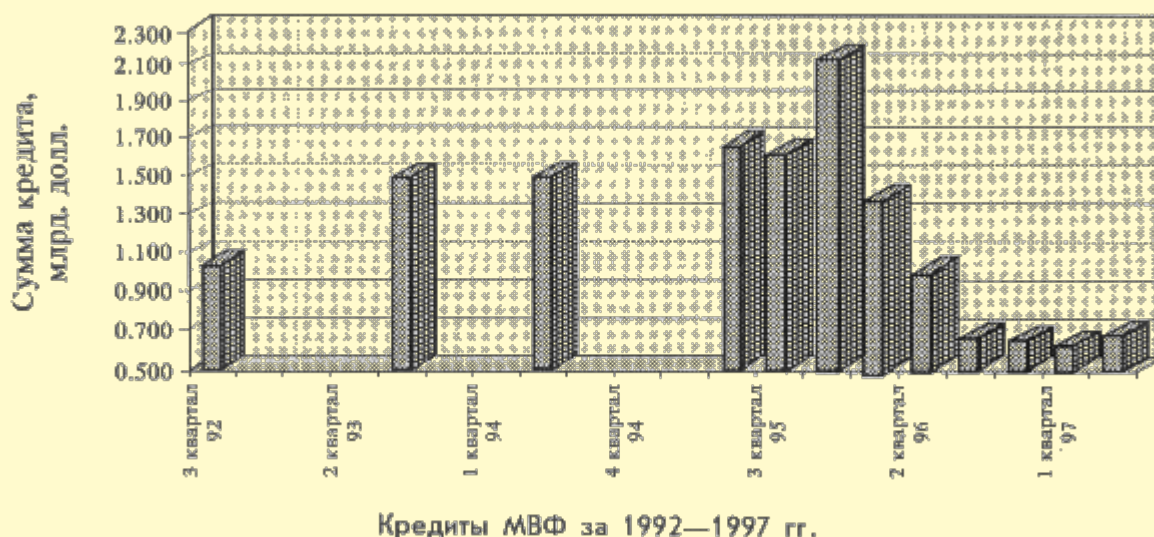
Однако МВФ не является и безоговорочным сторонником Москвы. МВФ в своей деятельности выступает на стороне крупных индустриальных стран, выражая их интересы. Поэтому, как показывает уже 5-летняя практика взаимного сотрудничества, России для получения очередных траншей кредитов будет достаточно нормального отношения с ведущими акционерами МВФ и благосклонной позиции Мишеля Камdessus (директор-распорядитель МВФ).

Взаимоотношения между Россией и МВФ по поводу предоставления кредитов не отличались особой постоянностью и равномерностью.

Так, после получения первого кредита «stand-by» в размере 1,04 млрд. долл. (5 августа 1992 г.), при использовании которого фонд требует от страны-заемщика выполнения сравнительно мягких условий, затем последовал годичный перерыв в кредитовании, обусловленный невыполнением договоренностей со стороны заемщика. Действительно, в декабре 1992 г. эмиссия Центрального Банка составила 1,3 трлн. руб., что превысило сумму за предшествующие одиннадцать месяцев. Инфляция достигла 10% в неделю, что при учетной ставке в 80% в год послужило толчком к переводу рублей в иностранную валюту, в основном в доллары. Планировавшийся дефицит бюджета в 5% ВВП также не был выполнен: уже в январе 1993 г. уровень дефицита равнялся 15% ВВП.

Проведенный миссией МВФ в начале 1993 г. специальный анализ ситуации в России выделил ряд негативных моментов в осуществлении реформ. В итоге было констатировано «раскручивание инфляционной спирали» со всеми вытекающими из этого последствиями: отток капитала из страны, нежелание бизнесменов вкладывать деньги в России, ухудшение платежного баланса, рост бюджетного дефицита. Такие выводы послужили веским аргументом для «замораживания» кредитной линии.

Дальнейшие взаимоотношения с МВФ складывались по схожему сценарию, что видно из рисунка.

Лишь в последние годы ситуация с предоставлением России новых траншей начала изменяться. Так, в первом квартале 1995 г. Россия получила еще один резервный кредит на 6,5 млрд. долл., а начавшиеся в октябре 1995 г. переговоры по поводу реализации программы расширенного кредитования завершились следующим: 26 марта 1996 г. Совет управляющих МВФ одобрил заем в 10,2 млрд. долл. вместо первоначально планировавшихся 6,5 млрд. долл. (100% квоты РФ). Этот рассчитанный на трехлетний срок кредит является крупнейшим за всю историю МВФ с 1944 г., если не принимать во внимание недавние события в Азии и Мексике.

Так общая сумма кредитов, полученных Россией от МВФ на 01.01.97 г., составила 12,5 млрд. долл. (*см. таблицу*).

РОССИЯ И МБРР. Россия вступила в банк только в июне 1992 г., а уже через 5 лет, к середине лета 1997 г., по данным Всемирного банка, вышла на второе место среди его крупнейших заемщиков, обогнав Индию и уступив лишь Китаю.

По состоянию на II полугодие 1997 г. по линии ВБ были подписаны кредитные соглашения по 37 проектам на общую сумму 8,156 млрд. долл. Эти цифры свидетельствуют о том, что российский портфель займов развивался беспрецедентно быстро и заслужил себе признание в качестве самого уникального за всю более чем пятидесятилетнюю историю банка.

Российская программа кредитования отличается от всех остальных своей непредсказуемой динамикой развития, масштабностью и сложностью проектов. Так, первые годы взаимоотношений с банком складывались непросто: огромные трудности переходного периода на начальном этапе значительно подорвали доверие к портфелю проектов РФ, ибо на начало 1996 г. состояние только 40% проектов оценивалось как удовлетворительное. В результате порядка 65% российских проектов было отнесено к разряду благополучных, к тому же в целом портфель постепенно выходит на уровень лучших в банке.

Свой первый заем России Всемирный банк выделил в 1993 г. в размере 600 млн. долл. Он был предназначен на покрытие расходов, связанных со структурной перестройкой российской экономики. В том же году банк согласился предоставить нашей стране самый крупный за свою историю 610-миллионный кредит для поддержки программы реформ в энергетике. Необходимость в подобном займе была обусловлена начавшимся в стране быстрым спадом добычи нефти. Второму реабилитационному нефтяному займу в размере 500 млн. долл. был дан «зеленый свет» в 1994 г.

Кроме нефтяного сектора, Всемирный банк также направляет помощь на проведение сельскохозяйственной и земельной реформ, в социальную сферу, угольную промышленность, инфраструктуру и охрану окружающей среды.

В настоящее время ВБ кредитует Россию в размере до 2 млрд. долл. в год. Однако ни у кого не вызывает сомнения, что эта сумма несоизмеримо меньше инвестиционных потребностей России на данном этапе развития. Вот почему основные цели займов и технической помощи Банка сводятся к тому, чтобы быть катализатором фискальной, правовой, институциональной реформ, так необходимых для привлечения отечественного и международного частного капитала и повышения эффективности государственного инвестирования.

Осознавая всю важность и значимость взаимоотношений с Всемирным банком, российское правительство при составлении программы по оживлению инвестиционной деятельности в стране отводит банку важное место в ней. Доля таких средств в Бюжете развития в 1998—2000 гг. будет составлять, как предполагает Минфин, от 14,6 до 19,3%.

По мнению же Е.Ясина, ВБ в ближайшей перспективе станет основным финансовым партнером РФ на международных финансовых рынках. Причем деятельность банка, подчеркивает российский министр, особенно важна в нынешний период, когда остро стоит проблема возобновления экономического роста в нашей стране.¹

Что же касается планов ВБ в отношении России на будущее, то директор московского представительства вновь подтвердил готовность Совета директоров увеличить объем займов для России и довести их до 2—3 млрд. долл. в год. Эти цифры при общем сокращении объемов выданных кредитов с 22,5 млрд. долл. в 1996 г. до 19,1 млрд. долл. в 1997 г. свидетельствуют об особом внимании банка к российским программам. Правда, подобное согласие на увеличение финансовой поддержки в ближайшие 2 года сотрудники ВБ обоснуют чисто политическими причинами.

«Необходимо обеспечить необратимость как политических, так и экономических реформ в России», — считают международные финансовые чиновники.² Для этого Всемирный банк принял решение, во-первых, оказать широкомасштабную социальную помощь РФ в размере 800 млн. долл. (стоит заметить, что социальное кредитование — это новое веяние в деятельности ВБ, и Россия стала первой страной, получившей столь значительный кредит на подобные нужды), а во-вторых, добиться существенного ускорения структурных преобразований, среди которых особо выделяют разукрупнение естественных монополий и реформирование бюджетной и банковской систем.

Успех в реализации намеченных программ во многом будет зависеть от эффективности взаимодействия российских исполнительных властей с банком. В этой плоскости за годы предшествующей совместной работы уже накопились взаимные претензии.

Российское правительство со своей стороны выразило недовольство теми обстоятельствами, что, во-первых, Всемирный банк уделяет чересчур много внимания соблюдению формальных процедур расходования средств, которые разработаны таким образом, что обойти их, израсходовать деньги на другие цели практически невозможно. Огромный накопленный опыт (за свою более чем 50-летнюю историю ВБ оказал поддержку свыше 6000 проектов приблизительно в 140 странах) научил МБРР действовать жестко: пока не будет должного порядка — не будет и денег.

Во-вторых, представители банка стараются применять в отношениях с Россией готовые, уже апробированные схемы, которые нередко идут вразрез с российскими реалиями.

Однако нельзя не признать справедливость замечаний, поступающих от Всемирного банка. Так, одним из важнейших недостатков, приписываемых России в процессе сотрудничества, оставалось долгое время медленное расходование предоставляемых средств. Только к середине 1997 г. наметился прогресс в разрешении проблемы. В настоящее время общее расходование средств увеличилось более чем в 3 раза.

К тому же небеспочвенными оказываются пожелания ВБ по поводу совершенствования действующих нормативных актов, регулирующих процедуры оформления соглашений о займах,

развития информационных и консультационных услуг, создания адекватной системы гарантий и страхового обеспечения, перехода к стабильно му и справедливому налоговому режиму.

Таким образом, впереди предстоит еще много совместного труда, чтобы устранить все имеющиеся замечания и предотвратить появление новых. А пока в ближайшей перспективе взаимоотношения с ВБ будут строиться по уже утвержденной программе заимствований на 1998 — 2000 гг. (около 30 новых займов на сумму порядка 9 млрд. долл.), причем, если верить обещаниям правительства, должна существенно измениться структура предоставляемых кредитов. В отличие от прошлых лет, когда доля бюджетозаменяющих займов составляла вплоть до 40% от их общей суммы, сейчас планируется увеличить долю инвестиционных проектов, ориентированных на приоритетные направления развития экономики. Реализация подобной программы может стать значительным подспорьем в модернизации народного хозяйства страны.

РОССИЯ И ПАРИЖСКИЙ КЛУБ. 1997 г. ознаменовался для России двумя событиями, значение которых трудно переоценить. Так, *во-первых*, в июне этого года в Денвере пресловутая «семерка» — неформальный клуб самых богатых, индустриально развитых и демократических держав, реально влияющих на состояние мировой экономики и финансов — согласилась предоставить свой членский билет полноправного участника еще одной стране — России. Следующим шагом в дальнейшей интеграции РФ в международную валютно-финансовую систему стало официальное присоединение России к деятельности Парижского клуба кредиторов в качестве государства-участника. Это событие явилось кульминацией ежегодной сессии МВФ и ВБ, проводившейся в Гонконге (Сянгане) в сентябре 1997 г. Теперь, опираясь на членство в клубе, Россия получает не только преимущества по взысканию со своих должников, но и также принимает на себя обязанности участвовать в решении вопроса облегчения задолженности беднейших стран мира.

На вопрос, как изменится ситуация с долговыми активами России после вступления в Парижский клуб, в настоящий момент нельзя ответить однозначно. Дело в том, что структура долгов, общая сумма которых по приблизительным подсчетам оценивается порядка 150 — 160 млрд. долл., достаточно специфична. Так, основными должниками РФ являются бедные и безденежные африканские и азиатские страны, поэтому практически все долги можно отнести к разряду безнадежных. К тому же еще более усугубляет эту ситуацию тот факт, что при признании задолженности в полном объеме приблизительно от 40% своих требований придется отказаться сразу же. Именно столько составляют поставки военной техники, которые по правилам Парижского клуба подлежат списанию автоматически. Вдобавок ко всему долги, накопленные развивающимися странами перед СССР, определялись в рублях, а затем уже по заниженному курсу, установленному Госбанком (1 долл. = 90 коп.), переводились в доллары. Поэтому пересчет долговых активов, которого требуют некоторые должники, по более реалистичному курсу может привести к тому, что сумма общего долга окажется гораздо скромнее.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, реально Россия может рассчитывать на получение не более 10—15 млрд. долл. Но даже и эту сумму будет вернуть крайне сложно.

Есть и другое важное следствие вступления РФ в Парижский клуб. Получив признание в качестве одного из крупнейших мировых кредиторов, Россия теперь имеет все основания поставить вопрос о пересмотре своего кредитного рейтинга, что, в свою очередь, должно непременно повысить результативность эмиссии евробондов, одного из способов пополнения бюджета страны.

Заключение

Изначально предназначенные для содействия восстановлению мировой экономики в послевоенный период МВФ и группа ВБ, показав свою эффективность, переключились на помощь развивающимся странам. Россия принята в эти организации как государство с продвинутой экономикой под политическим знаком не просто дальнейшей интеграции в мировую экономику со всеми ее плюсами и минусами, но и ее присоединения к тем структурам, где принимаются

решения, определяющие ее развитие. Пока здесь позволяют себе не только давать рекомендации, но и, к сожалению, пытаются вмешиваться во внутренние дела страны. С учетом национальных интересов правительство России принимает конструктивные предложения по приватизации, развитию малого и среднего бизнеса, привлечению иностранного капитала и др., реализация которых наталкивается на значительные препятствия, особенно по инвестициям. Сложность проблемы заключается в том, что сложившаяся ситуация, по мнению потенциальных инвесторов, не позволяет выгодно и безопасно «делать деньги». К тому же обескураживает паническое бегство капитала из России, откуда отток свободных средств отечественных предпринимателей на порядок превышает вложения.

Для исправления неблагоприятного положения, обусловленного целым рядом известных факторов — несопряженность с мировыми стандартами нормативной базы, криминализация в деловой сфере, коррупция, политическая нестабильность, межнациональные конфликты и пр., — потребуется немало дефицитного времени. Поскольку быстро нейтрализовать эти факторы риска нереально, то в данных условиях «золотой дождь» может обрушиться на нашу страну только в случае предоставления льгот по налогообложению и правительственных гарантий для частных капиталовложений. Такие контрмеры более чем адекватно компенсируют негативные последствия факторов риска, которые, разумеется, следует всячески минимизировать. И здесь помощь международных финансовых организаций преимущественно в обеспечении льгот и гарантий была бы весьма своевременной, так как она способствовала бы созданию благоприятного инвестиционного климата, своеобразных условий, которые необходимо постоянно поддерживать и оберегать для интенсивного роста вложений.

¹ «Финансовая газета», 28 августа 1997 г. | [НАЗАД](#) |

² «Финансовая газета», 11 июня 1997 г. | [НАЗАД](#) |

Инвестиционное сотрудничество Республики КОРЕЯ и США

И.ГЛАДКОВ,
кандидат экономических наук, доцент

На протяжении нескольких последних десятилетий инвестиционное сотрудничество между Республикой Корея (РК) и США протекало несколько неравномерно.

Так, если общий объем накопленных иностранных прямых инвестиций на территории РК за три десятилетия, в 1962—1992 гг., составил 10,164 млрд. долл. США, то всего за три последующих года он возрос еще на 42,3% до 14,466 млрд. долл. США, хотя основной прирост приходился на 1994—1995 гг.

Как показывают официальные статистические данные (*табл. 1*), на протяжении всего рассматриваемого периода география источников получения РК прямых инвестиций из-за рубежа была достаточно стабильной.

Так, практически постоянно крупнейшим среди иностранных инвесторов Республики Корея была Япония, на которую в это время приходилось примерно 85—92% всех азиатских прямых вложений капитала. Доля Японии в общем объеме накопленных иностранных прямых инвестиций в РК составляла в 90-е годы около 36%, хотя и произошло некоторое ее снижение в сравнении с периодом 1962—1992 финансовых годов, когда она равнялась 41,1%.

На второй позиции среди иностранных вкладчиков прямых инвестиций в РК уверенно находились США, удельный вес аналогичных капиталовложений США в их общем объеме в РК был практически постоянным, но обнаруживавшим все же тенденцию к некоторому повышению. Это обусловлено тем, что в 90-х годах на долю американских компаний приходится около трети притока капитала в данной форме (по этому индикатору США начали несколько опережать Японию и страны Европы), что поставило их в явное положение фаворита среди иностранных инвесторов в РК, оттесняя главных — как западноевропейских, так и японских конкурентов.

В 90-е годы среди основных иностранных инвесторов РК наметилась перестановка сил. Так, в начале этого десятилетия активизировалась деятельность западноевропейских компаний — вкладчиков капитала в форме прямых инвестиций в РК и в отдельные годы (1993 и 1995 гг.) им удается несколько увеличить объем направляемых в РК вложений и повысить соответственно свой удельный вес в сумме ежегодно получаемых РК подобных средств (*табл. 1*).

Следовательно в притоке иностранных прямых капиталовложений на территорию Республики Корея в 90-е годы ведущую роль играли корпорации США, на втором месте оказывались западноевропейские фирмы и на третьем — японские компании.

По объему же накопленных подобных инвестиций в РК лидером оставалась Япония (36,7%), далее следовали США (29,1%) и страны Европейского Союза (24,4%), среди которых выделялись традиционно Нидерланды (8,4%) и Германия (4,3% общей суммы).

Как показывает анализ приведенных в табл. 1 данных, при дальнейшем сохранении действующей пока тенденции к наращиванию американскими корпорациями процесса инвестирования в экономику РК вполне реальным выглядело бы в обозримом будущем быстрое продвижение компаний США к неоспоримому лидерству среди иностранных вкладчиков капитала на территории РК — по удельному весу как в ежегодном притоке, так и в сумме накопленных здесь за весь рассматриваемый период иностранных прямых инвестиций ([табл. 2](#)).

Наиболее привлекательно для американских инвесторов выглядит южнокорейская обрабатывающая промышленность и, прежде всего, такие ее преуспевающие в развитии отрасли, как химическая, электронная и электротехника, транспортное машиностроение.

Так, по тем же данным, в 90-е го-ды доля обрабатывающих отраслей промышленности в общей сумме притока инвестиций из США составила более 70%; при этом удельный вес южнокорейской химической промышленности превышал 20%, электроники и электротехники равнялся примерно 17%, а транспортного машиностроения — 11% ([табл. 3](#)).

Другой сравнительно привлекательной для инвесторов из США областью стала сфера услуг, на которую пришлось свыше четверти всего притока американских вложений в 90-е годы. Среди отдельных отраслей этой сферы выделяются финансовый и торговый секторы, доля которых в общей сумме притока капитала из США составила 7 и почти 5% соответственно.

Сельскохозяйственное производство и добывающие отрасли промышленности РК получали сравнительно небольшую долю американских вложений в текущем десятилетии — в общем их притоке занимая также соответственно только 0,2 и 0,01% ([табл. 3](#)).

Южнокорейские заграничные прямые инвестиции в 90-е годы также нарастали достаточно высокими темпами.

Так, если за период 1962—1992 гг. их общая сумма составляла 5,217 млрд. долл. США, то вследствие их бурного прироста в текущем десятилетии она увеличилась более чем вдвое, достигнув к 1996 г. 11,841 млрд. долл. США. Однако, с точки зрения регионального размещения вложений за рубежом, ситуация выявляется довольно специфическая ([табл. 4](#)).

Географические приоритеты зарубежного инвестирования Республики Корея в достаточной мере очевидны. К ним относятся, прежде всего, азиатский и североамериканский континенты, на которые приходилось 41,2 и 30,6% всего объема подобных вложений РК за 1962—1995 годы соответственно.

Среди отдельных стран картина заметно различается: крупнейшим в течение всего рассматриваемого периода получателем заграничных южнокорейских прямых инвестиций являлись США, доля которых в общем объеме таких вложений за 1962—1992 гг. равнялась удельному весу всех стран Азии — примерно 32,0%.

Но наращивание инвестиционной деятельности южнокорейских фирм в США в текущем десятилетии происходило неравномерно, о чем свидетельствуют статистические материалы Экономического совета Корея — США ([табл. 5](#)).

Как показывают данные *табл. 6*, отраслевая структура южнокорейских инвестиций в США тяготеет в известном плане к американской модели прямого инвестирования в РК.

Так, крупнейшими получателями вложений южнокорейских фирм в США в 90-е годы стали также сфера услуг и обрабатывающая промышленность.

Если на долю первой приходилось примерно около двух третей их суммарного объема в США, то второй — чуть более одной трети. Южнокорейские инвестиции в такие отрасли, как рыболовство и горнодобыча, оказались практически незначительными (*табл. 6*).

Накапливая немалый опыт сотрудничества в экономической сфере, обе страны тем не менее не останавливаются на уже достигнутом.

Так, Республика Корея рассматривает как недостаточный по объему приток иностранных прямых инвестиций.

По данным Министерства торговли, промышленности и энергетики (МТПЭ) РК, на начало 1995 г. отношение таких капиталовложений в РК к ее ВВП не превышало 3,3%, но при этом подавляющее число соседних стран Азии имело значительно более внушительное данное соотношение. Так, для Малайзии оно составляло 43,9%, для Индонезии — 32,7, для КНР — 15,5%.

Поэтому для РК важно стать не менее привлекательной для иностранных инвесторов страной, чем Китай, куда в 90-е годы направлялось до 38,8% всех иностранных вложений в развивающиеся страны.

Стремясь к дальнейшему развитию своего сотрудничества, РК и США намерены создать совместный комитет по его продвижению, а также поддержке деятельности и контактов частного бизнеса.

Формирование основ такого органа было проделано совместно специалистами МТПЭ РК и Департамента коммерции США.

Главной задачей создания совместного Комитета по деловому сотрудничеству считают (COMMITTEE ON BUSINESS COOPERATION, CBC) ускорение таких процессов, как взаимный обмен передовыми технологиями и дальнейшее всемерное укрепление контактов серьезных бизнесменов обеих стран. Особенно важны постоянные консультации деловых людей, занятых в таких сферах бизнеса, как автомобилестроение, информация и связь.

В то же время, частный бизнес обеих стран получает возможность создания крупномасштабных совместных проектов и осуществления определенного влияния на правительственные структуры, с тем чтобы лоббировать поддержку с их стороны своего делового сотрудничества.

Логично предположить, что структурирование деловых контактов двух рассматриваемых государств позволит существенно расширить возможности и перспективы и без того довольно успешного их сотрудничества в экономической сфере.

Родимые пятна российского либерализма

Н.АЗАРКИН,
доцент кафедры теории государства и права МГЮА,
кандидат юридических наук

Современная политическая ситуация в России предельно обостряет необходимость обращения к истории отечественного либерализма и серьезного, беспристрастного анализа этого идейно-политического феномена в сознании россиян. Первое, что бросается в глаза при объективном, непредвзятом подходе к формуле «Россия и либерализм» — искусственный, случайностный характер последнего ее элемента.

Хорошо известно, либерализм как определенное понятие вошел в политический словарь Европы в 30—40-е годы XIX в. Понятие это сложное, имеет, как минимум, два основных смысла. Один из них, более широкий, означает доминирующий ныне на Западе тип политической культуры с присущим ему стремлением к обеспечению индивидуальной свободы и в рамках законов, понимаемых как обобщение естественных потребностей нормальных цивилизованных людей. В этом значении либерализм составляет основу всех главных идейно-политических течений и государственных институтов современного Запада; он как бы растворен в крови европейцев и потому не имеет нужды проявлять себя всегда как самостоятельно оформленное политическое движение.

В более узком значении либерализм — это теория и практика (политическое движение) максимального ограничения вмешательства государства в сферу экономики и социальных отношений, имеющее ряд характерных признаков: в экономике — это сторонник промышленного капитализма и экономической свободы (принцип *laiser faire*); в социальных отношениях — выразитель интересов среднего класса (буржуазии); в политике — парламентская демократия; в культурной жизни — свобода мысли и слова, гласность; в религии — антиклерикализм; в морали — индивидуализм; в национальном вопросе — национализм. *Политико-юридическим выражением либерализма является конституционализм — система институционально-правовых условий, необходимых для обеспечения в государстве народного суверенитета, свободы личности, демократии и права.*

Своеобразие либерализма состоит не только в отстаиваемой им модели социально-политического устройства, но и в способах ее воплощения в жизнь. Либерализм — это еще и этика терпимости, уважения к традициям, философия консенсуса и компромисса. В этом смысле либерализм не противоположен консерватизму, а скорее может рассматриваться как его иная версия, обращенная к будущему, а не к прошлому.

Либерализм в Западной Европе возникает в тесной связи с многовековым процессом становления гражданского (буржуазного) общества, утверждения частной собственности, конкуренции, влиятельного 3-го сословия — «среднего класса». Его идейно-политические истоки восходят к религиозным и политическим конфликтам эпохи Возрождения и Реформации, первоначального накопления капитала и великих географических открытий.

Подобного историко-цивилизационного контекста при формировании либерализма в России либо совсем не было, либо его черты были представлены незавершенными процессами. Отсутствие благоприятных условий для либеральных ростков привело к тому, что его идеи зачастую были чужеродными, привнесенными в страну европеизированной частью русского общества — верховной власти, административной элиты, помещного дворянства, интеллигенции. Исследователи хором указывают на так называемые волнообразные процессы «вестернизации», иными словами, модернизации России, то усиливающиеся, то замедляющиеся на протяжении

почти всей отечественной истории, начиная с конца XVII в. С этими процессами в первую очередь и связаны «свежие ветры» идейных перемен, несущих в себе изрядную долю наших либеральных построений.

Еще одна навевающая раздумья парадигма. **Отечественный либерализм рождался и затем возрождался в условиях острых кризисов государства в России из-за внешних поражений, при частичной или полной утрате легитимационных и других социально-политических опор прежнего режима, а в нашем веке как одно из средств сохранения властных prerogatives правящей политической элитой путем обещания или проведения «либеральных» реформ сверху.** Но как только «кризис верхов» преодолевался, также неизбежно просвещенная государственная вновь становилась неограниченным самодержцем, Сперанских сменяли Аракчеевы, реформы отменяли при помощи контрреформ. Не исключение и нынешняя политическая ситуация. Либеральные фразы и дальнейшие шаги в этом ключе Горбачева и его преемников во многом навеяны ослаблением советской государственности в эпоху позднего Брежнева и его недееспособных преемников.

Противоестественность нашего либерализма еще и в том, что либерального младенца в России зачастую ставили на ноги, учили говорить, растили не сами россияне, а политическая и духовная элита, находившаяся длительное время в ином идейно-политическом поле: консервативном либо анархическом, которая вдруг ни с того, ни с сего почти за один день воспламенялась последней горячей любовью. На этот раз к либеральным идеологемам. Этим родимым пятном наш либерализм наделен с момента своего рождения в середине XIX в., так как его генезис — результат нескольких кризисов «верхов», возникших из-за поражения России в Крымской войне и складывания в стране революционных ситуаций накануне и после освобождения крестьян. Сами члены правительства, включая царя, начали осознавать шаткость абсолютной формы правления и некоторые из них (либерально образованные и настроенные) стали изыскивать всяческие способы упрочить свои властные позиции, совершенно их не удовлетворяющие за счет внедрения либерально-политических идей Западной Европы. Так, граф Токвиль становится особенно популярным в среде служилой аристократии. О нем одобрительно отзывается брат царя, довольно крупный государственный деятель пореформенной эпохи, великий князь Константин Николаевич (1827 — 1892). Он часто ссылается на описанные этим мыслителем «страшные уроки» Франции, порожденные революцией 1789 г., имеющие поучительное значение для России. С горечью великий князь восклицает: *«Почему у нас нет своих Токвилей!»* Будучи главой морского ведомства, он выражал полное согласие с предостережениями и советами узкого круга столичной интеллигенции из либеральных кружков. В своих приказах по этому ведомству он критиковал систему официального лицемерия и назойливой опеки. Подобные же взгляды высказывала великая княгиня Елена Павловна, открывшая двери своего салона перед либеральной профессурой.

После падения Севастополя и заключения Парижского мира «оппозиционный» либеральный дух стал открыто витать в кабинетах высших царских сановников. Особенно характерной была рукописная «Дума русского», вышедшая из-под пера курляндского губернатора П.А.Валуева. Она была пронизана горьким сознанием понесенного поражения и критикой недостатков прежнего управления. Валуев обличал формализм и официальную ложь, свойственные деятельности правительства, желание переложить ответственность на другие инстанции, несогласованность в работе государственных учреждений и, главное, пренебрежение к человеческой личности (так и хотелось написать, «к человеческому фактору». — *Н.А.*) и недоверие к обществу. Возлагая надежды на нового монарха, он восклицал подобно другим новоиспеченным либералам: «Уму нужен простор!»

Либералы в России всегда имели узкую социальную базу. В пореформенных условиях большая их часть принадлежала к верхним слоям так называемых образованных классов, была, как правило, выходцами из дворян или даже аристократических фамилий, получившими прекрасное образование, хорошо знакомыми с образом жизни Западной Европы и основными достижениями ее политической мысли. Этим объясняется, между прочим, их традиционная ориентация на Европу и европеизацию. Русский либерализм, в отличие от своего западного аналога, опиравшегося на средние слои города и деревни, только мечтал о том, что ему в обозримом будущем (на марше реализации своей программы) удастся создать (подвести под себя)

адекватную политическую основу при помощи государства. Последнюю они так и не смогли привлечь на свою сторону, отчего оказались между двух огней: с одной стороны, правительства и поддерживающих его консерваторов, усматривавших в них чуть ли не самых опасных претендентов на власть, а с другой — радикалами, считавшими их представителями господствующих классов, и, следовательно, чуждыми интересам русского народа.

Либералам пришлось столкнуться не только с политической косностью авторитарного режима, не желавшего добровольно реформироваться, но и традиционным менталитетом россиян, видевших в них интеллигентов, а нередко просто тех же «бар», которые проповедают оторванные от жизни идеи. Все их попытки «переплавить» массовое традиционное сознание в новое, юридическое мировоззрение не увенчались успехом. Крестьяне, а затем и рабочие оказались гораздо большими реалистами и прагматиками, чем теоретики-интеллигенты, мечтавшие «мирком да ладком» уговорить чиновника-бюрократа поделить с ними власть, помещика-латифундиста поделить с русским мужиком «священной» земельной собственностью, крупного фабриканта и купчину поделить с пролетариями частью своей прибыли. К началу XX в. в России «верхи» и «низы» оказались в остром противоречии друг с другом, разведенными по разные стороны политических баррикад. В этих условиях уговорить тех и других стать «социальными партнерами» было просто невозможно. Попытка наших либералов, как свидетельствует дальнейшая история, встать между двумя враждебными лагерями, окончилась для них трагично. Они оказались «перемолотыми» между этими двумя жерновами.

Тем самым, **русский либерализм представлял себя, особенно в пореформенную эпоху, элитарным, далеким от народных чаяний, интеллектуальным течением политической мысли, не имеющим прочных корней в различных структурах российского общества.** Либералы-интеллектуалы создали проект переустройства России, который, безусловно, отражал мировые тенденции общественного прогресса, но не всегда и ни во всем учитывал национальную специфику России, ее исторические традиции и ментальность народа. Они конструировали свою политическую модель исходя из желаемого и в гораздо меньшей степени принимали во внимание жесткую реальность, которую намеревались преобразовать по уже апробированным западноевропейским образцам. Однако пропасть между желаемым и действительным была так велика, что созданные ими политические учения и программы переустройства России неадекватно воспринимались тогдашней исторической средой.

Узость социально-политической основы отечественного либерализма привела к тому, что он оказался слабым, идейно размытым на множество течений и толков. Всякие попытки идейной и организационной консолидации в некое общее целое, придать ему теоретическую и программную стройность, завершенность потерпели крах. Свою партию либералы так и создали в пореформенную эпоху, хотя у радикалов партийные формы организации сложились уже в 60-е годы.

Оппозиционность либералов была пассивной, нелегальной борьбы с царизмом почти не было. Всеподданнейшие адреса императору, беседы за чашкой чая, выступления в легальной печати и на земских собраниях, застольные тосты на товарищеских пирушках, созданных во время губернских или уездных собраний, — вот почти весь арсенал либеральных средств, применявшихся для защиты выдвинутых идеалов. В течение долгого времени пореформенный либерализм оставался сугубо персонифицированным. Так, его во время отмены крепостного права никак иначе, как узкокружковым, не назовешь. В дальнейшем после буржуазных реформ появляется земский либерализм, несколько расширивший свою социальную базу, но и его деятелей можно пересчитать по пальцам, а среди них преобладали владельцы наиболее крупных поместий, т.е. люди, менее всего имевшие право претендовать на представительство интересов широких народных масс.

Русский либерализм эпохи освобождения крестьян нашел отклик и в среде высшей бюрократии (сановный либерализм. — *Н.А.*), не раз в 60-е—начале 80-х годов XIX в. выступавшей с идеями реформирования центрального государственного управления путем введения в него представительных начал и создания «кабинета» во главе с первенствующим министром. Парадокс только заключался в том, что с инициативами известного ограничения императорской власти путем созыва выборных представителей и создания солидарного правительства — кабинета

министров, на этот раз выступали лица, максимально приближенные к царю, в число первых служебных обязанностей которых входила защита верховной власти от всяких на нее посягательств (П.Валуев — министр внутренних дел, П.Шувалов — шеф жандармов и начальник III отделения, М.Лорис-Меликов — министр внутренних дел). И это было не случайным совпадением, а проявлением глубокой закономерности, присущей авторитарной системе, в рамках которой «правом голоса» в обсуждении с императором вопросов формы правления обладали прежде всего руководители охранительно-репрессивных органов.

Монопольное право самодержавия на всякую политическую деятельность превращало их «по долгу службы» в единственных легитимных глашатаев назревших государственных потребностей перед лицом монарха. В такой ситуации наблюдалось политическое двуличие, черты оборотней у сановных либералов, что неизбежно отталкивало от них потенциальных союзников из широкой общественной среды, а также из салонов «хозяев земли русской». Рок «лишних людей» тяготел и над этими либералами, а не только кружковцами и земцами. В целом же, если использовать классовый критерий для классификации либералов пореформенной эпохи, всех их: и кружковцев, и земцев, и сановных либералов можно смело отнести к дворянскому либерализму, уже имевшему в истории России своих знаменитых предшественников в лице Щербатова, Панина, Сперанского. И только к концу века все более влиятельным носителем либеральных ценностей в стране становится внесловная интеллигенция, во многом благодаря которой в начале XX в. либерализм обретает черты интеллектуального блеска, политической широты и организационной оформленности. Но это уже качественно иная фаза, ставшая новым этапом развития российского либерализма.

Пореформенный дворянский либерализм, со временем утрачивая аристократические черты, по своему объективному содержанию становится постепенно буржуазным направлением политической мысли. Ему присущи такие общие черты, как требование ликвидировать феодальные пережитки в экономике, тормозившие развитие капитализма, свобода частного предпринимательства; невмешательство государства в экономическую сферу; обеспечение минимума гражданских и политических свобод; требование конституционной монархии. Осуществление этой программы расчистило бы путь для капитализма, но оставило бы значительные политические права у дворян.

Требования пореформенных либералов сводились к отмене крепостного права с сохранением земель и привилегий помещиков, введению местного самоуправления, суда присяжных, гражданских свобод. Принятие конституции они считали необходимым только после соответствующих преобразований общественного строя. Либеральные шаги правительства они горячо приветствовали, усматривая в них стимул к сплочению всех прогрессивных сил. На примерах событий 50-х годов либералы стремились доказать, что одни только репрессии вызывают сопротивление народа, ведут к росту оппозиционных настроений, изолируют правительство; в свою очередь, выступления масс с «неумеренными» требованиями «ожесточают» власть, приводят ее к неустойчивости. Поэтому их программа была направлена на постепенное, мирное, превращение самодержавия в ограниченную монархию. Свои надежды они связывали с Александром II, правительство которого в осторожной форме заявило о намерении провести преобразования с целью ослабления последствий николаевской реакции, вызвавшей в условиях войны резкий подъем общественного движения. И такая компромиссность, антиреволюционность, реформизм либералов, вытекавшие из ее политической слабости и двойственного положения, сохранились и даже усилились к концу пореформенной эпохи. По мере усиления революционного движения масс и социал-демократизма либералы скатывались в консервативный лагерь, дрейфовали от фронды — к охранительству.

Молодой российский либерализм оказался уязвим со стороны практически всех классов и государства. Для низших классов он был непонятен и недостаточно радикален, для дворянства он был неприемлем как течение, выступавшее за отмену сословных привилегий, и, следовательно, являлся слишком радикальным; для буржуазии, как ни парадоксально, неприемлем был лозунг свободного рынка, так как она не выдерживала конкуренции с иностранным капиталом и была зависима от государственных монополий; наконец, само государство в лице большинства правящей бюрократии было совершенно косно и не способно к реформам в направлении либерализации. В таких условиях российские либералы вынуждены были создавать очередные

утопии или работать для будущих поколений.

Однако слабость идеологических установок отечественного либерализма как комплекса определенных целевых и ценностных установок с лихвой компенсировалась высоким теоретическим уровнем его политических учений. Для того времени возникающая либеральная мысль выгодно отличалась глубиной теоретического исследования, стремлением к объективному научному анализу политических явлений, высокими культурными, этическими и правовыми идеалами. Русские ученые и юристы либеральной ориентации меньше всего исходили из стремления выразить чьи-либо классовые интересы. В их задачи входило создать разумный общественный порядок, способный мирным, ненасильственным путем, преодолеть существующие противоречия или, во всяком случае, примирить их таким образом, чтобы интересы общества в целом не были принесены в жертву эгоистическим интересам отдельных классов или социальных слоев. Российский либерализм, поэтому, стремился максимально заимствовать, дополнить, развить и практически применить лучшие достижения европейской цивилизации, парализуя в то же время деструктивные силы, делающие ставку на эскалацию социальных конфликтов.

Для наших дней ценен лишь теоретический аспект пореформенного либерализма, так как в его рамках начался процесс становления российского конституционализма. Теперь доминирующей русской традиции пренебрежительного отношения к юриспруденции противостояло нарастающее по силе течение мысли, отстаивающее право и подчеркивающее необходимость превращения будущей России в правовое государство. О силе этого движения нужно судить не столько по числу его последователей, сколько по его интеллектуальным достижениям. Этот уровень был очень высок, возможно, слишком высок для того, чтобы быть понятым и стать популярным в широкой публике, включая и людей, называющих себя либералами. Достаточно сказать, что в теоретическом плане тогдашние либеральные учения делятся на неогегельянство (Каверин, и особенно Чичерин), юридический и социологический позитивизм (Муромцев, Ковалевский, Коркунов).

Отрицанию права как способа разрешения социальных противоречий русские либералы противопоставили отечественные варианты широкого, многоаспектного подхода к праву с постепенным возрождением доктрины естественного права или обоснованием совсем новых для того времени юридических школ (психологической, социологической).

Зарождение и становление этих доктрин в пореформенной России означало тенденцию демократизировать политическую мысль, сблизить ее с теми общественными запросами, которые ставило время. Правда, речь зачастую шла о подходе к праву с точки зрения общечеловеческих ценностей, выработанных прежде всего западной цивилизацией. На основе этих юридических ценностных критериев корректировалось создание российского идеала политического и правового устройства. Первостепенное значение при этом придавалось положению о том, что природе человека изначально присущи определенные этические принципы, играющие в организации общества регулирующую роль, своего рода — исконные правовые начала. Отсюда проистекает дальнейшее углубление отечественных представлений о правде как тесной связи права и этики, праве как нравственности и справедливости.

Либералы стоят у истоков отечественной концепции правового государства, где защищены и гарантированы естественные права и свободы российского гражданина, и в первую очередь права собственности и политические свободы индивида. Концепция в перспективе выгодно отличалась от аполитичности народников и теории диктатуры пролетариата социал-демократов, а также тех октоированных прав и свобод, которые обещал или затем даровал своим подданным император.

Это во многом объясняет, почему либералы не были заинтересованы в крутых социальных (революционных и контрреволюционных) изменениях, требующих радикального вмешательства государства в жизнь россиян. Данная концепция оправдывает и определенную слабость и узость социальной базы либерального движения, так как основным признаком правового государства признавалось верховенство закона (принцип законности) в жизни русского общества, что было несовместимо как с целесообразными действиями революционеров, так и нелегальными формами борьбы. В отличие от партий, ставивших своей целью противозаконные перемены и

подчинявших этому свою структуру, либерализм сознательно отстаивал принцип минимума организации, а потому его программа носит не столько социальный, сколько чисто правовой характер, причем главное в нем — борьба за права человека.

Мартиролог человеческих судеб, на которые, казалось бы, распадается история пореформенного либерализма, дает неожиданно четкий рисунок завещанного нам наследства, слагаемые которого гражданское подвижничество, мудрые нравственные, правовые заповеди и политические нормы. Их непреходящую ценность мы только начинаем сознавать в полной мере на пороге XXI века.

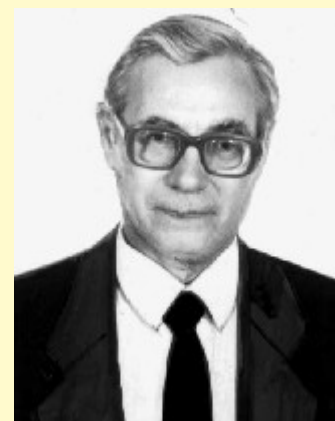
Резюме: уже на заре своего рождения российский либерализм был отягощен родимыми пятнами, тяжелыми наследственными болезнями, страдал и чахнул в архивредной для этой идеологии социально-политической среде. Мало того, что зачат он был не своим родным отцом — российским гражданским обществом, которого нет в действительности и поныне. Ситуация, осложнялась и тем, что у колыбели младенца-либерала стоял, как правило, отчим — этатист, в лучшем случае, вчерашний консерватор, который всем своим существом не адекватно воспринимал истинные свободолюбивые идеалы и ценности, и если и терпел своего пасынка-либерала, то только до тех пор, пока ему самому угрожала та или иная политическая опасность, идущая от его давнего противника в лице «С.Разина или Е.Пугачева».

Одна из серьезных наследственных болезней российского либерализма — корпоративные и бюрократические (номенклатурные) пятна, переданные ему теми идейными прародителями, которые правдами и неправдами, пытались продлить свое властвование и те льготы и привилегии, притекающие из сохранения политической власти — «места под солнцем».

Другая — сословная или корпоративная ограниченность того слоя общества, который пытался искусственно, чаще в спешном порядке внедрить либеральную идеологию в российскую национальную почву, которая уже давно была пропитана иными духовными началами: консервативными или анархическими. Ведь идеология как система тех или иных социально-политических ценностей включает в себя всю историко-юридическую, духовно-культурную суть того или иного народа, которую в том же XIX в. правильно именовали «духом народа», его душой. Вспомним в этой связи сокровенные строки нашего поэта-пророка: «Там — русский дух, там — Русью пахнет!» Этим, во многом, объясняется стойкая аллергия россиян ко всем, внешне красивым, зачастую бутафорским, только компрометирующим идею свободы, отечественным либеральным начинаниям и проектам. И это верно не только в отношении первых его ростков в формах сановного, кружкового, земского либерализмов, о которых мы рассказали в этой статье весьма подробно, но и в отношении иных, очередных попыток посеять в России элитные либеральные семена Запада. Если что и всходило, и приживалось, давало совсем иные, синергетические плоды, весьма неожиданные для самих сеятелей, а для большинства россиян — зачастую малоурожайные, пустоцветные, требующие в очередной раз пересевать ниву отечественной истории собственными консервативными (белыми), либо анархическими (красными) идейными семенами. Кстати, возможна их смесь, что чаще было на практике. Свои семена не менее, а может быть, и в большей степени вмещают в себя ценности свободы, равенства, справедливости, прав человека, ответственности государства перед обществом по сравнению с либеральной идеологией. При этом их приоритет в том, что имеющиеся в их арсеналах политические институты и формы понятнее и роднее душам россиян, чтобы в конце концов ответить на вызов времени, а, проще сказать, выжить и отстоять свое право оставаться самими собой, преодолевая попутно те социально-политические кризисы и поражения, принесшие в страну столь чуждые менталитету ее народа либеральные ветры.

А.ЗВЯГИНЦЕВ

Ю.ОРЛОВ

ОКО ГОСУДАРЕВО

От редакции

Редакция продолжает публикацию серии очерков о людях, которые на протяжении веков возглавляли прокуратуру России.

На этот раз вашему вниманию предлагаются очерки о генерал-прокурорах России А.Б.Куракине, А.А.Беклешове и П.Х.Обольянинове.

Очерки подготовлены старшим помощником Генерального прокурора РФ, государственным советником юстиции 2-го класса А.Звягинцевым и старшим прокурором Управления Генеральной прокуратуры РФ, государственным советником юстиции 3-го класса Ю.Орловым.

КУРАКИН А.Б.

Занимал пост Генерал-прокурора в 1796 — 1798 годах

Князь Алексей Борисович Куракин принадлежал к старинному княжескому роду, ведущему свое начало от московского боярина Федора Кураки, служившего при дворе великого князя Василия III.

Он родился 19 сентября 1759 г. Службу начал в гвардии. Однако военная карьера не прельщала юношу, и вскоре он перешел на гражданскую службу — вначале избирается заседателем 1-го департамента верхнего земского суда (1780 г.), а затем попадает в Сенатскую канцелярию, которой руководил Генерал-прокурор князь А.А.Вяземский. Здесь он служил под непосредственным начальством А.И.Васильева (впоследствии графа и министра финансов). К тридцати пяти годам Алексей Куракин имел уже чин Тайного советника и был награжден орденами Св. Анны и Св. Владимира 2-й степени.

Подлинный взлет карьеры А.Б.Куракина начался при императоре Павле I, который благоволил к нему и, в особенности, к его старшему брату Александру Куракину. Оба они были щедро «осыпаны» милостями монарха: Александр Куракин стал вице-канцлером, а Алексей Куракин 4 декабря 1796 г. занял посты Генерал-прокурора, главного директора Ассигнационного банка и присутствующего в Императорском Совете. Он получил чин Действительного тайного советника, а 19 декабря 1797 г. — орден Св. Андрея Первозванного. Ему были «пожалованы» деревни с несколькими тысячами душ и богатые рыбные промыслы на Волге. К своим высоким должностям Алексей Борисович вскоре добавил новые: министра департамента удельных имений и канцлера российских орденов. По его инициативе был учрежден государственный

вспомогательный банк для дворян, главным попечителем которого становится он сам.

В царствование Павла I прокуратура переживала невиданный подъем. Без Генерал-прокурора не решалось, по существу, ни одно важное дело. Он занимался финансовыми, военными, административными, полицейскими, судебными делами. От него зависело назначение и увольнение многих сановников, раздача им наград и пожалований.

Триумф братьев Куракиных, вследствие переменчивого нрава императора, продолжался недолго. 8 августа 1798 г. Алексей Куракин был смещен с должности Генерал-прокурора и назначен лишь сенатором, а затем и вовсе отправлен в отставку. Его брат Александр Куракин также уступил место вице-канцлера В.П.Кочубею.

Алексей Куракин возобновил службу при Александре I, который вначале назначил его сенатором, а 4 февраля 1802 г. — генерал-губернатором Малороссии. Здесь он пробыл шесть лет, оставив по себе благодатную память.

В ноябре 1807 г. А.Б.Куракин встал во главе Министерства внутренних дел, но занимал этот пост недолго. В 1810 г. ему было поручено присутствовать в Государственном Совете, где он не раз выполнял обязанности председателя. Алексей Борисович неоднократно возглавлял различные комитеты и комиссии: для «пособия разоренным от наводнения жителям Петербурга», по борьбе с чумой и др. В 1826 г. А.Б.Куракин был членом Верховного Уголовного Суда, рассматривавшего дело декабристов.

А.Б.Куракин первым обратил внимание на выдающиеся способности «светила русской бюрократии» М.М.Сперанского, взяв его своим «домашним секретарем», а затем в Сенатскую канцелярию.

А.Б.Куракин был женат на Наталье Ивановне (урожденной Головиной). От брака имел сына Бориса, достигшего senatorского звания, и дочерей: Елену и Александру.

Князь А.Б.Куракин скончался 30 декабря 1829 г. и погребен в своем любимом имении Куракино Малоархангельского уезда Орловской губернии.

БЕКЛЕШОВ А.А.

Занимал пост Генерал-прокурора в 1799 — 1800 и в 1801 — 1802 годах

Александр Андреевич Беклешов родился 1 марта 1743 г. Он принадлежал к старинному дворянскому роду, начало которому положил Семен Беклешов, служивший еще при первом Романове. В тринадцатилетнем возрасте юноша поступил в Сухопутный кадетский корпус, где получил блестящее образование. Знал несколько иностранных языков, питал склонность к наукам, истории, литературе. В восемнадцать лет Александр Беклешов становится сержантом, а через два года — подпоручиком. С 1769 г. служит в лейб-гвардии Преображенском полку. Молодой офицер принимал участие в русско-турецкой войне — сражался на море под командованием графа А.Г.Орлова и, в частности, в знаменитой морской битве в Чесменской бухте (26 июля 1770 г.).

На военной службе А.А.Беклешов находился до 1783 г. и достиг чина генерал-майора. Затем Екатерина II назначила его губернатором Риги, где за шесть лет он сумел провести немало полезных мероприятий и завоевать любовь местного населения. В 1789 г. Александр Андреевич получил чин генерал-поручика и новое, более высокое, назначение — генерал-губернатором Орловского и Курского наместничества. Здесь он служил шесть лет, получил за труды орден Св. Александра Невского.

Вступивший на престол Павел I беспрестанно переводил А.А.Беклешова с одной должности на другую. За непродолжительное время он был Каменец-Подольским и Малороссийским

генерал-губернатором, Киевским военным губернатором и одновременно шефом Киевского гренадерского полка и инспектором украинской дивизии. Император «пожаловал» ему воинский чин генерала от инфантерии и гражданский — Действительного тайного советника. 7 июня 1799 г. Павел I зачислил А.А.Беклешова в свою свиту и повелел присутствовать в Императорском Совете.

7 июля 1799 г. А.А.Беклешов был назначен Генерал-прокурором и получил очередную награду — орден Св. Иоанна Иерусалимского. Биограф Беклешова В.С.Иконников писал: «Столь частые перемещения не были участью одного Беклешова... Подобная судьба постигла тогда многих, стоящих на вершине правления: награды и опалы, повышения и удаления быстро чередовали друг друга и часто казались необъяснимыми даже для лиц, близко стоящих к среде, окружающей императора».

Назначая очередного Генерал-прокурора (а за непродолжительное царствование Павла I их сменилось четыре человека), император сказал: «Ты да я, я да ты, вперед мы одни будем дела делать». Несмотря на такой солидный вексель, выданный монархом (фактическое признание Генерал-прокурора вторым лицом в государстве), А.А.Беклешов занимал высший прокурорский пост чуть более полугода. 2 февраля 1800 г. Павел I неожиданно уволил его не только с должности Генерал-прокурора, но и вовсе со службы. По мнению М.М.Сперанского, причина такой перемены заключалась в том, что Беклешов «мало уважал требования случайных людей при дворе и потому часто бывал с ними в размолвке».

Вступивший на престол Александр I вновь призвал А.А.Беклешова на службу и вернул ему пост Генерал-прокурора (16 марта 1801 г.), который тот занимал вплоть до образования министерств (8 сентября 1802 г.). В день коронации Александра I он получил орден Св. Андрея Первозванного.

А.А.Беклешов оставался не у дел до апреля 1804 г., когда был назначен генерал-губернатором Москвы. Спустя два года, по состоянию здоровья, он вынужден был оставить эту должность. В признательность за труды Александр I «пожаловал» ему алмазный знак ордена Св. Андрея Первозванного. В 1807 г. его избрали главнокомандующим вторым областным земским войском, которое он сам и сформировал.

А.А.Беклешов умер в Риге в 1808 г.

А.А.Беклешов не был женат. Однако он имел приемного сына, Алексея, погибшего в двадцатидвухлетнем возрасте во время Отечественной войны 1812 года.

ОБОЛЬЯНИНОВ П.Х.

занимал пост Генерал-прокурора в 1800 — 1801 годах

Петр Хрисанфович Обольянинов родился в 1752 г. в обедневшей дворянской семье. До шестнадцатилетнего возраста проживал с родителями, не получая сколько-нибудь систематического образования, выучившись только читать и писать. В 1768 г. он был записан кадетом в армию и в том же году начал военную службу. Не обладая прочными знаниями, П.Х.Обольянинов тем не менее резко выделялся среди сослуживцев «усердным исполнением своих обязанностей и беспрекословным и пунктуальным следованием приказаний высшего начальства». Дослужившись до премьер-майора (воинский чин 8-го класса), Петр Хрисанфович в 1780 г. вышел в отставку. Некоторое время после этого нигде не служил и проживал в деревне. Только в 1783

г. его назначают губернским стряпчим в Псковском наместничестве.

Спустя несколько лет он попадает на более высокую должность — советником в палату гражданско го суда, а в 1792 г. переводится в казенную палату с чином надворного советника.

Гражданская служба не вполне удовлетворяла честолюбивые планы П.Х.Обольянинова, и он стал усиленно хлопотать о переводе в армию. В 1793 г. удача сопутствовала ему. Обольянинов получает чин подполковника и попадает в гатчинские войска великого князя Павла Петровича. Дисциплинированный и энергичный офицер приглянулся наследнику престола и уже через три года получил чин генерал-майора. В 1796 г. П.Х.Обольянинов назначается генерал-провиантмейстером и получает один за другим ордена Св. Анны и Св. Александра Невского. В следующем году император Павел I награждает его богатым поместьем в Саратовской губернии с 2 тысячами душ, в 1798 г. присваивает ему воинский чин генерал-лейтенанта, а в 1799 г. — еще и звание сенатора.

2 февраля 1800 г. П.Х.Обольянинов назначается Генерал-прокурором с оставлением в должности генерал-провиантмейстера. На высшей прокурорской должности он оставался чуть более года. За это время успел получить в награду большой крест ордена Св. Иоанна Иерусалимского, орден Св. Андрея Первозванного, большой дом в Петербурге, табакерку с бриллиантами и на 120 тысяч рублей различных фарфоровых и серебряных сервизов. Ему был присвоен воинский чин генерала от инфантерии.

По мнению современников, с приходом П.Х.Обольянинова в прокуратуру «дела пошли хуже прежнего; произвол водворился окончательно и над людьми, и в деловых решениях. Генерал-прокурор слепо исполнял все полученные повеления и никогда не возражал». Отсутствие у П.Х.Обольянинова образования сказывалось во всем: писал с ошибками, коверкал многие названия и слова, с сослуживцами был груб и часто ругал их, не стеснясь в выражениях. Однако сотрудников подбирал себе умных и толковых, которые и тянули основные дела.

П.Х.Обольянинов пользовался полным доверием Павла I. Своей близостью к монарху он вызывал трепет у самых высоких сановников. Почти все доклады императору шли только через Генерал-прокурора, который, по выражению Д.Б.Мертваго, служившего вместе с ним, «уподобился великому визирю». Строгий и требовательный, он все же не страдал излишней подозрительностью. Именно этим и воспользовались участники заговора против Павла I, избрав дом Генерал-прокурора местом своего сбора.

11 марта 1801 г., в ночь убийства Павла I, П.Х.Обольянинов был арестован, а 16 марта отправлен в отставку. В течение последующих 17 лет проживал в своем доме в Москве, не занимая ни государственных, ни общественных должностей. Затем московские дворяне избрали его своим предводителем. Впоследствии он еще дважды удостоивался этой чести, а в 1828 г., когда его хотели избрать на четвертый срок, — категорически отказался. После 14 декабря 1825 г. П.Х.Обольянинов проявил известное мужество, на которое тогда не все могли решиться: он смело ходатайствовал о смягчении участи декабриста Е.П.Оболенского, приговоренного вначале к смертной казни, замененной затем каторжными работами.

П.Х.Обольянинов был женат на Анне Александровне (урожденной Ермолаевой).

Последние годы своей жизни П.Х.Обольянинов провел в селе Толожне Новоторжского уезда

Тверской губернии, где и скончался 22 сентября 1841 г., на девяностом году от рождения. Погребен в местной приходской церкви.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

КРАСНАЯ КНИГА товарных рынков России

**А.СЕЛЕЗНЕВ ,
доктор экономических наук, профессор,
действительный член
Российской Академии
социальных наук**

РЫНОК НАУКОЕМКОЙ ПРОДУКЦИИ

Экспорт из России наукоемкой продукции и технологий имеет очень незначительные объемы. Тенденция их роста в 80-е годы не была закреплена, хотя это было реально, особенно после введения сертификации на «знак качества», которая предъявляла требования конкурентоспособности на внутреннем и международном рынках. Такая продукция производилась и в рамках ВПК. Сегодня же вследствие «рыночных» реформ ситуация намного хуже даже на внутреннем рынке, так как подавляющая часть спроса на наукоемкую продукцию удовлетворяется за счет импорта. Объем отечественного производства по отношению к импорту по системам связи составляет лишь 2%, а по стратегически важному виду средств транспорта — самолетам — 50%.

Сама логика российского экспорта как преимущественно сырьевого и, следовательно, развивающегося экстенсивно, неизбежно предполагает стабилизацию экспорта сырья и даже его сокращение. Если удастся преодолеть падение производства и наметится постепенный его рост, то это потребует увеличения потребления сырья, материалов, энергоносителей. Тогда поставки сырья из России могут быть сокращены и наши европейские партнеры окажутся перед фактом сырьевого дефицита. Не случайно МВФ поощряет в России все меры, направленные на сохранение упадка промышленности, подстраховывая сохранение доходов крупного монополистического капитала и там и здесь. Однако в связи с тем, что восстановление объемов производства допустимо лишь при условии повышения качества и наукоемкости продукции машиностроения, а это сразу невозможно, острой останется проблема иметь в наличии эквивалент импортируемой техники. Им будет оставаться сырье, в том числе энергоносители. Еще долгое время оно будет нашей твердой валютой.

ПРИОРИТЕТ НАУКОЕМКОМУ ЭКСПОРТУ

Единственный вывод — постепенное наращивание производства наукоемкой и пользующейся спросом на мировом рынке продукции. Конечно, весьма желательно, чтобы это была продукция гражданского назначения; наукоемкие услуги, которые Россия теперь почти никому не оказывает; услуги по транспортировке импортируемых товаров; технологии; патенты. И так, в условиях, когда торговать на уровне мировых требований практически нечем, для России очень важно сохранить и увеличить экспорт военной техники, производство которой хотя и деградировало, но осталось на уровне мировых достижений и не имеет аналогов в мире, то есть до сих пор дает о себе знать наличие советской школы разработки и организации производства эффективных видов техники и вооружений.

Благодаря этой школе СССР сравнительно длительное время занимал первое место в мире по объему производства именно вооружений и военной техники. СССР держал первенство по поставкам оружия, удовлетворяя 40% спроса на мировом рынке, имея экспортную выручку свыше 20 млрд. долл. в год.

По данным бывшего генерального директора государственной компании по экспорту и импорту вооружений и военной техники «Росвооружение» А.Котелкина, за период с 1986 по 1990 г. СССР поставил за рубеж вооружения и военной техники на сумму 77,3 млрд. долл. США, что тогда составляло 40,5% мирового оружейного рынка. Тем самым обеспечивалось лидерство

СССР. «Реально живых денег поступало в казну ежегодно около 3 млрд. долл. — поставки безвозмездно шли в счет долгосрочных кредитов странам Африки (Эфиопия, Ангола, Мозамбик), Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Камбоджа, Лаос), Афганистану и странам ОВР».

Рост экспорта военной техники и вооружений в последние годы свидетельствует о сохранении ее высокого качества. Но нет оснований предполагать, что в перспективе тенденция роста доли экспорта военной техники в объеме ее производства будет безусловной.

Нищенский бюджет военных расходов привел их в состояние деградации.

Красноречивы признания высших военных руководителей, увольняемых Президентом друг за другом вслед за их оценками положения в ВС.¹

Бывший главком ВВС, генерал армии П. Дейнекин: «Ситуация кризисная, имеющая устойчивую тенденцию к ухудшению по всем статьям. Нам катастрофически не хватает топлива, и поэтому летчики при годовой норме налета 180—240 час. в среднем находятся в воздухе 50 час. Летная подготовка находится на крайне низком уровне».

Командующий ВДВ генерал-полковник Г. Шпак: «Несмотря на высокую подготовку наших десантников, в нынешних условиях по своему основному оперативному предназначению — для действий в тылу противника — ВДВ применяться уже не могут. За последние пять лет число соединений военно-транспортной авиации (ВТА) сократилось с семи до четырех, а в оставшихся частях резко уменьшилось количество готовых к вылету самолетов. Если в 1991 г. вся ВТА могла десантировать в тыл противника одновременно около 70% сил и средств целой воздушно-десантной дивизии, то сегодня из-за недостатка техники ВТА способна одновременно доставлять в район десантирования не более одной воздушно-десантной бригады».

Экономическая причина произошедшего — развал промышленности. В результате достигнуто невиданное доньше сокращение доли экспорта сложной наукоемкой техники — машин и оборудования — до 8%, что может соответствовать статусу лишь слаборазвитой страны. В мировом экспорте средняя величина экспорта машин и оборудования превышает 38%. Страна утратила и свой кадровый научный потенциал. В 1990 г. в СССР было 1694,4 тыс. ученых и инженеров, занятых в НИОКР — преимущественно оборонного значения, а в США было 949,2 тыс. чел., в Японии — 638,8 тыс. чел., в Германии — 165,5 тыс. чел., во Франции — 1151 тыс. чел., в Италии — 74,8 тыс. чел., в Южной Корее — 56,5 тыс. чел. Теперь этот потенциал существенно утрачен.

НОВЫЕ РЕАЛИИ РЫНКА ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ

Катастрофическое положение России на рынке оружия и военной техники, сложившееся в результате роспуска ОВР и сокращения закупок другими партнерами, достигло минимума в 1994 г.

С тех пор положение несколько выправляется — при общем резком сокращении экспорта (против максимальной величины, достигнутой в 1989 г., более чем в 10 раз в 1994 г.). Но начиная с 1995 г. наметился некоторый устойчивый подъем. Активизировали внешнеэкономическую деятельность компании «Росвооружение», АО «Ижмаш», АО «Метровагонмаш», АО «Гидромаш», АО «Росвертол», концерн «Антей» и др.

В результате на рынке оружия доля России достигла 17%, доля США сократилась с 56 до 43%. Отстала Германия — 9%, Великобритания — 7%, Франция — 4%, Китай — 4% (*табл.1, табл.2*).

Изменить свой статус страны-должника, экспортера ресурсов и реципиента иностранных кредитов постепенно можно через увеличение экспорта наукоемких изделий и прежде всего военной техники и услуг, превращение ее в мирового инвестора и экспортера перспективных конкурентоспособных техноёмких изделий.

России угрожает становящаяся с каждым днем все более реальной опасность войти в XXI в. без адекватной технологической базы, поскольку сколько-нибудь значимой государственной программы развития науки и техники нет. Разработанная президентская программа «Национальная технологическая база» не реализуется. Ситуация, когда гражданские отрасли отставали от оборонных в 2—5 раз, усугубилась. Ничего не сделано по закреплению позиций там, где Россия оказалась первой в мире. Более того, финансирование приоритетной программы свернуто и уменьшено не менее чем в 100 раз — вместо 2,5 трлн. руб. в год до 24 млрд. руб. (оценки до деноминации). Прекращение финансирования исследований на год означает автоматически отставание на три года. При сложившихся пропорциях распределения средств к концу столетия Россия добавит к своему технологическому отставанию минимум еще 10 лет. Это угрожает отставанием навсегда... Оно может возрасти и вследствие реализации специальной стратегии РУМО (Разведывательное управление министерства обороны США) по формированию за рубежом, в том числе и в России, сети коммерческих структур, призванных служить прикрытием для спецслужб, работающих против России на ее территории, проводящих крупномасштабные операции против нее с использованием ее же ресурсов.

Вся «изюминка» грядущих новшеств в экономике, позволяющих считаться с Россией как с могучей державой, способной постоять за свои интересы, — это такая ее реорганизация, которая позволила бы максимально сохранить все нужное в области производства, чтобы уменьшить финансовую нагрузку на процесс создания недостающих звеньев и даже целых отраслей.

Эффективная структура общественного производства в условиях России прямо и непосредственно может быть функцией только сильного макроэкономического государственного регулирования, включая и развитие по определенным программам государственного сектора в экономике, в том числе государственных и под контролем государства предприятий, хозяйственных и научно-производственных комплексов.

Здесь уместны:

- государственная монополия,
- планирование,
- госзаказы,
- бюджетная поддержка,
- льготное кредитование,
- гибкая амортизационная политика.

Ничего этого в значимых масштабах нет и в ближайшее время не будет.

В ОСНОВУ СТРАТЕГИИ — ДОКТРИНУ «ПРОРЫВА», КАЧЕСТВО МАКРОРЕГУЛИРОВАНИЯ

Российской Федерации следует ориентироваться на доктрину прорывного развития. Само собою разумеется, что развитие, предполагающее «прорыв» в той или иной области производства, а значит, и «высокое напряжение» интеллектуального потенциала, так или иначе должно иметь соответствующие предпосылки. Никакой «прорыв» невозможен без ранее созданных «тылов». Поскольку любой серьезный «прорыв» возможен на базе развертывания и всемерного стимулирования результативной интеллектуальной деятельности, необходимы соответствующие государственные программы, тщательный отбор талантов, их специальная подготовка, равно как и определение приоритетов в выделении крайне ограниченных ресурсов на нужды овладения «последним словом» науки и техники.

«Прорыв» в социально-экономическом развитии в принципе невозможен без создания условий развертывания каждого таланта в области инженерного творчества, науки, литературы, искусства, культуры в широком смысле слова. Возможности России, связанные с экспортом в обмен на валюту продуктов интеллектуальной деятельности, не так уж малы. Результаты функционирования советской системы в области интеллектуальной деятельности гораздо больше, чем это значит в оценках таких экспертов по России, как Збигнев Бжезинский и др. Необходимо отчетливо представлять, что дальнейший рост экспорта наукоемкой военной

техники из России будет происходить невысокими темпами, поскольку для этого не созданы адекватные условия. Прежде всего, тщательно спланированное разрушительное проведение конверсии резко сократило производственный потенциал ВПК. Наряду с этим следует считаться с предстоящей полной переориентацией стран Центральной и Восточной Европы на импорт оружия из стран НАТО в связи с их адаптацией к техническим стандартам Запада. Вследствие этого сократится еще в большей степени спрос на технику, поставлявшуюся прежде из России. Это невероятно сильный удар и по оборонительной, и по конкурентной стратегии России, если таковая у нее была.

«Союз» европейских государств и США пока выгоден как гарант давления на Россию и другие страны Восточной Европы и как гарант необратимости рыночных антисоциалистических реформ в этих странах.

Планы США в НАТО предельно циничны и даже не скрываются — США и другие страны НАТО буквально рвутся на освобождающиеся сегменты европейского и евразийского рынков, не утруждая себя уроками истории. А они таковы, что Россия никогда не забывала о поведении «миротворцев» в трудное для нее время. Не забудется и «технология» примитивной конверсии оборонного комплекса, ликвидация любой (даже крайне необходимой) монополии, спланированная деформация сложившихся структур ВПК как раз в то время, когда страны — члены НАТО активнейшим образом приспособливают структуры своих ВПК к новым условиям конкурентной борьбы. Нелишне напомнить, что в 1996 г. министерствами обороны Франции, Германии, Великобритании и Италии было создано агентство вооружений — «Совместная организация по сотрудничеству в области вооружений» — для обеспечения совместного производства на основе кооперации труда франко-германского боевого вертолета «Тигр», ракеты класса «воздух-земля» (Франция, Великобритания), предназначенного для ПВО фрегата «Горизонт» (Франция, Великобритания, Италия).

Все сделано для «отсечения» России от таких покупателей оружия, как страны Балтии, Чехия, Словакия, Польша, Румыния, Болгария, Венгрия. Поставки оружия из стран СНГ и России в эти страны сильно сокращены, как, впрочем, и в страны других континентов — Мозамбик, Кубу, Вьетнам, Эфиопию, Камбоджу, Лаос.

Активизировалась политика США и других стран НАТО, направленная на «привязку» польской промышленности к колеснице НАТО, и прежде всего в производстве авиационной техники. Разрабатываются схемы поставок комплектующих узлов техники для сборки ее на польских предприятиях. Авиастроители США уже определили потенциальный спрос Польши в боевых машинах для авиации — это примерно 100—150 новых машин общей стоимостью до 5 млрд. долл. Для восточноевропейских стран определена «потребность» в вооружениях на сумму порядка 60—125 млрд. долл. в расчете на предстоящие 15 лет. ВПК Великобритании, Швеции, Франции заняты разработкой предложений на поставку новым членам НАТО французских танков «Леклерк», американских танков М-1 «Абрамс», английских «Челленджеров», военных самолетов Швеции под названием «Гринпес»... Уже полным ходом реализуется программа «Партнерство ради мира».

В «Основополагающем акте о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и организацией Североатлантического договора» без обиняков заявлено: «НАТО подтверждает, что в нынешних и обозримых условиях безопасности альянс будет осуществлять свою коллективную оборону и другие задачи через обеспечение необходимых совместимости, интеграции и потенциала усиления, а не путем дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил. Соответственно он будет полагаться на адекватную инфраструктуру, соизмеримую с вышеупомянутыми задачами.

С учетом всего сказанного Россия не может не сделать для себя соответствующих выводов. Она должна максимально развернуть экономику на внутренний рынок, как это сделала Япония после второй мировой войны, активизировать глубокую регионализацию всей экспортно-импортной политики, имея в виду прежде всего стратегические ориентиры в рамках СНГ и в странах Евразии. Например, возможно существенное увеличение предложения Россией космических услуг и даже «перedel» рынка в свою пользу. Эти прогнозы основаны на следующих

параметрах: экологической защиты (разрушительное воздействие американского носителя «Спейс Шаттл» на озоновый слой Земли в 1800 раз больше, чем при запуске российского носителя «Протон». Подобные факты могут быть основанием для пересмотра соответствующих международных требований); наличия в России сверхтяжелых носителей типа «Энергия», доведение которого до рабочих кондиций вполне реально в короткий срок. Таких систем пока ни у кого нет.

Справочно, все зарубежные страны, вместе взятые, в 1995—1996 гг. выводили на опорную орбиту около 400—500 т полезных грузов в год. Возможности России в этом отношении, как минимум, в два раза выше. По имеющимся расчетам, если Россия смогла бы принять на себя около 50% от мирового количества запусков объектов в космос, то она смогла бы только на этом зарабатывать порядка 10—20 млрд. долл. в год. В этой связи актуально инициирование создания под эгидой России Всемирной организации по оказанию экологически чистых космических услуг с соответствующей величиной поступающих доходов.

Россия имеет неплохие перспективы сотрудничества в области дальней спутниковой связи. Начата реализация совместного российско-французского проекта «SESAT», рассчитанного на использование спутниковой связи. Проект включен в федеральную космическую программу России и стоит 119 млн. экю (1 экю приравнен к 1,3 долл.). Около 60% составляет российская доля. Проект завершается выводением системы связи с помощью ракеты-носителя «Протон» на геостационарную орбиту. В случае успешной реализации проекта будет обеспечен выход России на мировой рынок телекоммуникационных услуг.

Экспорт оружия и военной техники также должен считаться с тем, что реально существуют особые интересы в таких регионах, как Китай, другие страны Азии, Ближний Восток. В целом доля Азии на мировом рынке оружия и военной техники составляет порядка 46% и возросла с 1986 г. вдвое.

России необходимо учитывать особенности латиноамериканского рынка. В частности, в связи с развитием отношений в рамках Андского пакта здесь ожидается бум спроса на узкофюзеляжные самолеты. В середине 1995 г. парк самолетов 20 авиакомпаний в Латинской Америке составлял 818 машин, 75% которых находится в эксплуатационном лизинге. Около 300 воздушных судов требуют замены. Практически это предполагает импорт самолетов на сумму порядка 7—10 млрд. долл. Имеет перспективу экспорт подходящего для местных условий российско-украинского самолета АН-38 или создаваемые на его базе суда с американским участием (фирма «Эллайд сигнал»). Базовый поставщик — Новосибирское авиационно-производственное объединение (способно после 2000 г. создавать 200 машин в год). Это удобно тем, что фирма «Эллайд сигнал» имеет в Латинской Америке разветвленную сеть материально-технического сервисного обслуживания.

Россия делает смелые шаги в области расширения экспорта авиационной техники в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, считаясь со следующими реалиями: на долю стран этого региона приходится около 35% стоимости импортируемого оружия; темпы роста импорта оружия и авиационной техники в этом регионе превосходят соответствующие темпы в других государствах; возрастает емкость рынка стран АТР вследствие ряда постоянно действующих факторов (отсутствие многосторонней системы безопасности, обострение противоречий между странами региона); динамичное развитие производства, высокие темпы прироста объемов производства, а следовательно, и источников для закупок военной техники. В Японии, например, затраты на оборону ежегодно растут на 2—3%, в Китае — на 5—7%. Один Тайвань ежегодно расходует на оборону 105 млрд. долл. (для сравнения — суммарные ежегодные расходы на оборону в Чили, Аргентине и Бразилии составляют лишь 9 млрд. долл.). В Южной Корее, в Малайзии и на Тайване ежегодный прирост затрат на оборону прогнозируется на уровне 6% — до 4—5% к объему ВВП; наличие в странах АТР долгосрочных программ модернизации вооруженных сил и приоритетность в этих программах модернизации ВВС; резкое сокращение финансовых возможностей России для закупок военной техники для переоснащения своих ВВС. При «блокировании» поставок новой техники собственным ВС она экспортируется. Это относится к «черным акулам»; тщательный учет российскими поставщиками требований к военной технике со стороны ее заказчиков. В частности, по контракту на поставку в Малайзию

МИГов-29 СЭ завершена программа создания системы дозаправки самолетов в воздухе — по стандартам НАТО.

Разумеется, нельзя переоценивать перспективы экономического сотрудничества России со странами АТР, Северной и Восточной Азией. Наиболее крупные страны этого региона пока еще не рассматривают Россию значимым торговым партнером и ориентируются больше на экспорт, чем на импорт.

Для продвижения на зарубежные рынки авиационной техники потребуются значительные усилия. На проводившейся в марте 1997 г. в столице ОАЭ международной выставке военной техники российская экспозиция произвела большое впечатление — там были представлены такие системы вооружений, как ударный вертолет Ка-50 «Черная акула», танки Т-90С и Т-80 УК, боевая машина пехоты БМП-3, 120-миллиметровое автоматизированное самоходное орудие «Вена», многоцелевой ракетный комплекс «Корнет-Э2», боевая разведывательная машина «Рысь», комплексы управляемых артиллерийских боеприпасов «Краснополь», «Смельчак», «Сантиметр» и ряд других.

В обозримой перспективе на отечественном и мировом рынках могут оказаться достаточно конкурентоспособными легкие вертолеты. При значительной разнице в цене — МИ-34 весной 1996 г. стоил 350 тыс. долл., а его западный аналог «Робинсон» — 500 тыс. долл., российские вертолеты превосходят все имеющиеся по техническим характеристикам. При условии создания сервис-центров в странах-импортерах вертолета производящей компанией АО «Легкие вертолеты МИ» спрос на эти машины может быть устойчивым. Считаясь с этим, южнокорейская фирма «Самсунг аэроспейс» заключила контракт на поставку вертолета МИ-26 — мирового лидера по грузоподъемности (20 т при скорости 250 км в час и дальности полета 800 км, а с подвесным баком — 1900 км). В дальнейшем предполагается продажа техники во всей Юго-Восточной Азии, создание центра технического обслуживания вертолетов. Известна высочайшая конкурентоспособность самолетов СУ-27, МИГ-29, танков Т-72, Т-80, системы залпового огня «Смерч», зенитных ракетных комплексов «Тунгуска», «Тор», «Бук», подводных лодок типа «КИЛО» и др. Пока что непревзойденная конкурентоспособность и спрос на вертолет МИГ-29 подтверждены тем, что эта машина имеет беспрецедентные летно-технические характеристики, а обусловленные техническими причинами аварии по сравнению с американским аналогом F-16 за один и тот же период эксплуатации случаются в 15 раз реже, эксплуатационные расходы на час полета также существенно ниже. Покупателями уже стали Австрия, Малайзия, Индия, где уже имеются совместные фирмы по сервисному обслуживанию МИГов.

В России в КБ Сухого создан не имеющий аналогов в мире многоцелевой ударный комплекс СУ-32 ФН, способный удовлетворять сразу несколько родов войск, вертолет КА-50 с безаналоговой винтовой схемой, признанный специалистами машиной следующего века. Нигде в мире, кроме России, пока еще не производятся полностью бронированные вертолеты (воздушные танки), всепогодные вертолеты МИ-28 М. Нет аналогов летающего танкера ИЛ-78, амфибии БЕ-200. Перспективен экспорт истребителей-перехватчиков, оснащенных реактивными двигателями четвертого поколения, созданными еще в 1985 г. Машина может выполнять маневры типа "кобры Пугачева" — самолет как бы встает на дыбы, движется хвостом вперед и не имеет себе подобных в воздушном бою. Теперь уже создан реактивный двигатель пятого поколения — с поворотным соплом, благодаря чему МИГи и СУ способны осуществлять полный поворот через себя против направления полета. Вдвое сокращена взлетная дистанция. В России умеют производить вертолеты, способные вести бой в абсолютной темноте и летать на высоте всего лишь 5 метров, — таких машин во всем мире ни у кого больше нет.

Справедливости ради следует сказать о том, что и пассажирские авиалайнеры, производимые в России, могли бы быть более конкурентоспособными при наличии стратегии производства их на экспорт. Отнюдь не случайно итальянцы считают новый авиалайнер ИЛ-96 М Воронежского авиазавода лучше "Боинга", при условии, что интерьер для этой машины пассажирского класса будет итальянским. Предвидя рост производства в авиастроении, итальянцы добиваются устойчивого заказа на поставку предметов интерьера для авиасалонов. Производство элементов салона они намерены организовать на территории России на базе реализации инвестиционных

проектов.

В настоящее время доля авиационной техники в военном экспорте составляет 55—60%. С учетом этого в конкурентной стратегии приоритет должен быть отдан именно этому направлению. По зарубежным прогнозам, в 1997—2006 гг., то есть за десять лет, на мировом рынке будет предложено самолетов всех видов порядка 25,5 тыс. ед. на сумму около 656 млрд. долл., в том числе административных самолетов — 4331 ед. на сумму 42,3 млрд. долл., реактивных пассажирских авиалайнеров — 5867 ед. на сумму 367,2 млрд. долл., вертолетов — 7139 ед. на сумму 38,3 млрд. долл., военно-транспортных самолетов — 677 ед. на сумму 34,7 млрд. долл. Статистика впечатляющая. Но впечатляющие и масштабы сокращения авиационного производства в России. В 1997—2006 гг. она могла бы поставить на мировой рынок авиационной техники на сумму порядка 192—194 млрд. долл. А это почти треть предполагаемого объема продаж на мировом рынке. При всех трудностях поставки техники на внутренний рынок указанная величина считается реальной, что очень сильно тревожит конкурентов. И все же ситуация пока далека от критической. Они понимают, что Россия без инвестиций на эти рубежи не выйдет. Так что проблема — в инвестициях. О том, насколько они ничтожны, свидетельствует объем сборки военных самолетов и вертолетов: в 1995 г. было собрано всего 10 единиц, тогда как в «застойные годы» ежегодно 600—700 единиц (М.Первов. МАКС на взлете. «Правда», 12 сентября 1995 г.).

В организации инвестиционного и кооперационного сотрудничества допускаются грубые ошибки, о чем, например, свидетельствует договор о поставках в Россию 80 авиадвигателей фирмы "Прайт-Уитни" для установки на 20 самолетах ИЛ-96-300 под кабальный американский кредит. Договор лишает заработка рабочих АО "Пермские моторы" и ряда других заводов — всего более 3 млн. чел., связанных кооперацией труда. Сделка убыточна, поскольку один американский двигатель стоит в несколько раз дороже пермского, не имея явных преимуществ по техническим параметрам. Между прочим, даже старательная организация кооперационных связей военных ведомств Великобритании, Германии, Франции, Италии пока не увенчалась желаемым успехом — рассчитанного на успех на мировом рынке "евросамолета" пока нет. Даже такому мощному консорциуму, как "Юропиан файтер эркрафт" (ЮФЭ), созданному в начале 80-х годов, не удалось мобилизовать интеллектуальный потенциал этих стран. Из консорциума ряд участников вышли, было сокращено количество заказанных самолетов, а завершение программы отодвинуто на 2008 г.

К сожалению, на рынке оружия Россия и страны СНГ могут стать даже импортерами, как, впрочем, возможно их взаимное вытеснение с некоторых секторов рынка в странах СНГ. Начало проникновению США на рынки СНГ положено "подарком" США Казахстану — поставкой 6 катеров "СЕКОНД КЕНТ" для береговой охраны Каспия, где присутствует "Шеврон".

Исключительно перспективным с позиции конкурентоспособности могло бы стать сотрудничество российского аэрокосмического комплекса с другими странами. С 1991 г. ведутся переговоры об участии российских фирм в модернизации космодрома на мысе Канаверал для запусков космического корабля "Титан". Выяснилось невероятное технологическое отставание США, в связи с чем существует реальная возможность российского участия в строительстве космодрома. Российские безлюдные технологии позволяют запускать космические корабли в несколько раз чаще — не один раз в два месяца, а каждые три дня. Потенциал России по запускам не уступает США и может обеспечить 30% запусков всех искусственных спутников Земли. Российский жидкостный ракетный двигатель РД-180, производимый "Энергомашем", признан одним из лучших на тендере, объявленном "Локхид Мартин". Он будет использован для запуска ракет типа "Атлас".

Во всем мире с 1989 по 1992 г. наблюдалась устойчивая тенденция существенного сокращения объемов производства и экспорта вооружения — экспорт сократился в 3,3 раза. После развала СССР Россия стремительно сократила поставки вооружений — по сравнению с 1985 г. в 13 раз — с 17,1 млрд. долл. до 1,3 млрд. долл. Факторами такой динамики было не только сокращение спроса, но и упразднение ОВД, конкуренция ряда стран Восточной Европы (Польша, Чехия, Словакия), имевших лицензии на производство созданного в СССР оружия, введение Советом Безопасности ООН эмбарго на поставку оружия Ираку, Ливии, странам бывшей СФРЮ.

Чрезвычайно ослабленные Вооруженные Силы России являются символическим заказчиком оборонных отраслей. По признанию бывшего министра обороны И.Родинова, "на силы общего назначения армии сейчас рассчитывать не приходится. В переводе на общедоступный язык: не готовы российские солдаты и офицеры ходить в атаку. Сегодня трудно сыскать хоть одну боеготовую дивизию, которую по первой необходимости можно было бы бросить в бой и при этом быть уверенным, что она по топографической неграмотности командиров не пойдет в противоположную сторону и не начнет бить по своим из-за поспешно призванных новобранцев и пьяных контрактников". После таких признаний министр был быстро уволен. Но все это подтверждено опытом военных действий режима в Чечне.

Согласно Концепции реструктуризации авиапромышленного комплекса, до 2007 г. планируется загрузить авиационные заводы настолько, чтобы выпускать 15—20 военных самолетов в год. Но при сложившемся финансировании военные заказы могут быть в пределах 5—10 самолетов ежегодно, в течение 7—10 лет. Видимо, долгое время все это продолжаться не может. Факты таковы, что в России в составе ВВС и ПВО осталось 2200 истребителей, тогда как в США — более 4000, в Китае — 3650. В случае изменения отношения к финансированию Вооруженных Сил спрос на отечественную технику на внутреннем рынке будет расти очень быстро, существенно ограничивая возможности экспорта.

* * *

Исследования Ниционального института авиационных технологий (НИАТ), выполненные под руководством О.Сироткина, свидетельствуют о том, что Россия располагает реальными возможностями претендовать на 10—15% мирового рынка наукоемкой продукции уже в начале XXI в. Это может гарантировать поступление 120—180 млрд. долл. в год. Для сравнения: США уже сегодня получают 700 млрд. долл., Германия — 530 млрд. долл., Япония — 400 млрд. долл. в год.

Ниже приведены прогнозные параметры отдельных секторов рынка макротехнологий ([табл. 3](#)).

Время покажет, насколько реальны эти прогнозы.

Вызов времени заключается в том, что Россия должна переориентироваться на интеллектоемкий экспорт. Интеллектуальный потенциал державы пока еще достаточен, чтобы можно было ставить вопрос именно так. Еще несколько лет — и такая постановка будет исключена.

Поэтому очень важно сохранить производственную способность отечественных предприятий хотя бы к частичной мобилизации их потенциала для решения задач макроэкономической структурной политики. Как бы ни восхваляли свои деяния творцы принятого закона "О несостоятельности (банкротстве)", реализация этого закона не оставляет шансов на сохранение потенциала отечественных предприятий.

Реформаторы российской экономики ориентируются на структуру экономик иных стран, где в силу географических, природно-климатических и иных условий и традиций "все не так". Но именно поэтому и в России не все должно уподобляться заокеанским образцам. Любопытно отметить, что много лет проработавший в США Чрезвычайным и Полномочным послом и хорошо знающий американское общество и американскую экономику А.Добрынин со всею осторожностью суждений дипломата очень категоричен в том, стоит ли России копировать чуждые структуры. "Нам отнюдь не надо слепо перенимать весь опыт США, а тем более пытаться создавать из России подобие Америки. Надо уметь жить своим умом и идти своим путем. Россия с ее человеческими и интеллектуальными ресурсами, неисчерпаемыми природными богатствами, с ее уникальным географическим положением на двух континентах, и наконец, с ее постоянной твердой решимостью как нации неизбежно будет великой державой".

Автоматически этого не произойдет. Заклинания о возможностях рынка тоже ничего не дадут. Нужна соответствующая стратегия. Надо признать, что в России нет разумной экспортной политики. Доведя до полной деградации собственное производство, страна вынуждена все

закупать, предлагая в обмен энергоресурсы и сырье, алмазы и драгоценные металлы. Мало кого волнует то обстоятельство, что разведанных запасов нефти достаточно лишь на 35 лет. Лауреат Нобелевской премии М.Интриллигейтор констатирует: "Россия не располагает экономикой, ориентированной на внешний рынок, если не считать экспорт природного газа, нефти и ряда других минеральных ресурсов, а также вооружений".

Адекватная требованиям времени структура экономики должна создаваться — пусть болезненно, медленно, но целеустремленно, при условии реализации социальных функций государства, содействия развитию науки, образования, здравоохранения, социальной сферы, нематериального производства. Опыт многих стран в этом отношении, в том числе японский, более чем привлекателен, а уж советский — непреходяще значим даже при всех его изъянах в деталях. И никуда России от этого опыта не уйти. Иное дело — недопустимо им ограничиваться.

В программных документах оппозиционных сил нередко недостает именно нового видения возможностей макрорегулирования социально-экономических процессов в случае ухода с арены нынешнего режима. То, что по этому вопросу публикуется (например, среднесрочный, разработанный якобы левой оппозицией "план" развития экономики, опубликованный в "Экономической газете", являет собой образец сочетания авантюризма и невежества), требует взыскательного анализа и разоблачения именно со стороны конструктивной оппозиции. Только имея реалистические представления о состоянии общества и экономики, можно стать на путь реально осуществимых динамичных преобразований. В том числе и в области экспорта.

¹ «Профиль», № 22, 1997 г. | [НАЗАД](#) |

Оптовые и розничные цены России

В.КАТКОВ (г. Санкт-Петербург)

I. Уровень жизни

В России оптовые цены до 1 января 1992 г. на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, тарифы и цены на энергоносители, тарифы на транспортные услуги и розничные цены на товары народного потребления по сравнению с ценами и тарифами 1996 г. были очень низкими. Механизм установления оптовых и розничных цен на продукцию приводил к ряду существенных недостатков, а именно:

- не стимулировал разработку и выпуск новой техники;
- приводил к уравнительной системе оплаты труда;
- не побуждал к экономии материальных и энергетических ресурсов;
- не способствовал росту производительности труда.

Как только в 1992 г. были «освобождены» оптовые и розничные цены на продукцию и товары, они стремительно «поползли» вверх, «перегоняя» друг друга. Особенно это характерно для необходимого социального набора, установленного Федеральным законом от 21 июня 1996 г. «О порядке установления долговой стоимости единицы номинала целевого долгового обязательства Российской Федерации». Необходимо отметить «загадочность» формулировки закона для обманутого трудового народа России с 1 января 1992 г., по которому будут восстанавливаться сбережения населения. Расчеты произведены в условиях города Санкт-Петербурга.

Результаты расчетов необходимого социального набора в ценах 1991 г. и 1996 г. приведем в [таблице](#).

Как видно, цены на продукты питания и необходимый социальный набор в I полугодии 1996 г. увеличились в 7,7 тыс. раз по сравнению с 1991 г. А если посмотреть динамику цен на продукты питания в наборе, то они увеличились в следующих пределах:

- на мясо-молочные продукты в 5—8 тыс. раз;
- на овощные продукты в 7—10 тыс. раз;
- на хлебо-мучные продукты в 9—13 тыс. раз.

В целом стоимость необходимого социального набора в ценах 1996 г. увеличилась в 7,6 тыс. раз по сравнению с 1991 г., а среднемесячный доход одного работающего увеличился в 3,1 тыс. раз и одного пенсионера соответственно в 2,6 тыс. раз.

То есть, темпы роста стоимости необходимого социального набора в 2,5 раза опережают темпы дохода на одного работающего и 2,9 раза соответствуют на одного пенсионера. Следовательно, в 1996 г. покупательская способность россиян снизилась ориентировочно в 2,7 раза по сравнению с 1991 г.

Кроме того, необходимо отметить, что за пятилетний период резко возрос удельный вес затрат на необходимый социальный набор в доходе работающего с 11,5 до 28,1% и в доходе пенсионера с 25,3 до 73,8%.

В этот период российское народное хозяйство работало более эффективно по производству

продуктов питания, товаров народного потребления, других услуг населению и экономика еще была сбалансирована между отраслями. Цены на продукты из набора были почти «мизерными».

Причины «изобилия» в 1996 г. на прилавках магазинов продуктов питания и товаров (свыше 60% импортных) образовались из-за высоких (28,1% и 73,8%) вышеуказанных затрат в доходах населения, то есть рыночные цены на продукты из набора сложились настолько «высокими», что многим россиянам указанные продукты стали недоступным.

При полной остановке промышленности по производству ТНП, при значительном сокращении сельскохозяйственной продукции, а также при полной разбалансированности экономики парадокс недоступности привел к *МНИМОМУ ИЗОБИЛИЮ*.

Из вышеприведенного анализа динамики роста цен на продукты, товары и услуги из необходимого социального набора можно сделать следующие выводы:

- динамика роста цен в 2,7 раза опережает динамику роста доходов россиян;
- сложившиеся цены в 1996 г. привели в некоторых категориях граждан, особенно пенсионеров, к недоступности многих продуктов и товаров;
- разрыв в темпах динамики роста стоимости необходимого социального набора и доходов населения приводит к замедлению товарного оборота и как следствие к застою производства;
- из динамики роста стоимости необходимого социального набора (7,6 тыс. раз) видно, что занижен размер (1,0 тыс. раз) предварительной компенсации вкладов отдельных граждан России, в соответствии с Указом Президента РФ от 16 мая 1996 г.

Для такой социально-экономической ситуации можно сформулировать следующие предложения.

В соответствии с динамикой роста стоимости необходимого социального набора установить размер:

- предварительной компенсации вкладов отдельных граждан России;
- средний размер пенсии и ее индексации;
- индексации заработной платы;
- индексации минимальной зарплаты.

Реализация вышеуказанных предложений по каждому субъекту России позволит, во-первых, снять социально-экономическую напряженность в обществе, во-вторых, внедрить обоснованность и системность в механизм социальной защиты населения в современных условиях по каждому субъекту России, в-третьих, ускорить оборачиваемость товарного оборота и, как следствие, резко повысить объем производства, и наконец, уменьшить армию безработных.

Таблица 1

**Проект дополнений в Конституцию Российской Федерации
по закреплению основ правовой защиты военнослужащих**

ТЕКСТ ИЗМЕНЯЕМОЙ СТАТЬИ (ЧАСТИ СТАТЬИ)	ПОПРАВКА, ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ	ТЕКСТ СТАТЬИ (ЧАСТИ СТАТЬИ) С ВНЕСЕННЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ
Ст. 59. ч. 2.2. Гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с Федеральным законом.	Закрепить в данной части статьи гарантии правовой и социальной защиты военнослужащих и членов их семей в период прохождения военной службы. Финансирование осуществлять из средств федерального бюджета.	2. Гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с Федеральным законом. Военнослужащие обладают правами и свободами человека и гражданина с некоторыми ограничениями, установленными федеральными конституционными законами и федеральными законами. Российская Федерация гарантирует военнослужащим и членам их семей правовую и социальную защиту, компенсации и льготы за тяготы и лишения военной службы. Порядок особых гарантий правовой и социальной защиты военнослужащих и членов их семей определяется Федеральным законодательством.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Согласно главе 9 Конституции Российской Федерации предложения о поправках и пересмотре положений Конституции Российской Федерации могут вносить Президент Российской Федерации, Совет Федерации, Государственная Дума, Правительство Российской Федерации, законодательные органы субъектов Российской Федерации, а также группа численностью не менее одной пятой членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы.

2. Предлагаемые дополнения вносятся в статьи главы 2 Конституции Российской Федерации, которая не может быть пересмотрена Федеральным Собранием. Изменения в данную главу вносятся после принятия предложения о пересмотре положений данной главы тремя пятими голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, путем созыва Конституционного Собрания, которое либо подтверждает неизменность Конституции Российской Федерации, либо разрабатывает проект новой Конституции Российской Федерации. Данный проект принимается Конституционным Собранием двумя третями голосов от общего числа его членов или выносится на всенародное голосование.

[[НАЗАД](#)]

Таблица 1

ТИП САМОЛЕТА	Боевые самолеты	Учебно-боевые самолеты
F-16*	80	-
F-4E	183	20
F-16	77	39
F-104G и S	24	-
RF-4E	39	-
RF-5A	24	-
NF-5A	72	54**

* Носители ядерного оружия.

** Вместе с F-5B, NF-5A и NF-5B.

[[НАЗАД](#)]

Операции Правительства РФ с кредитными ресурсами МВФ на 01.01.97 г.

Таблица 1

млрд. долл.

МЕХАНИЗМ КРЕДИТОВАНИЯ	Задолженность на 01.01.96	Использовано в 1996 г.	Погашено в 1996 г.	Прочие изменения*	Задолженность на 01.01.97
Резервный кредит, 1992 г.	1,1	0,0	0,5	-0,1	0,5
Кредит системной трансформации	3,2	0,0	0,0	-0,1	3,1
Резервный кредит, 1995— 1996 гг.	5,3	1,1	0,0	-0,2	6,2
Расширенное кредитование, 1996 г.	0,0	2,7	0,0	0,0	2,7
ВСЕГО	9,6	3,8	0,5	-0,3	12,5

* В результате изменения курса SDR к доллару США.

[[НАЗАД](#)]

Таблица 1

**Географическая структура иностранных прямых инвестиций
в РК в 1962—1995 гг.***

млн. долл., %

СТРАНА/ РЕГИОН	Годы				
	1962— 1992	1993	1994	1995	1962— 1995
Америка, в том числе США	3122,4 / 30,7 2918,5 / 28,7	343,8 / 32,9 340,7 / 32,6	323,4 / 26,4 310,9 / 23,6	665,9 / 34,3 644,9 / 33,2	4455,5 / 30,8 4215,0 / 29,1
Азия, в том числе Япония	4531,0 / 44,6 4179,8 / 41,1	4531,0 / 44,6 4179,8 / 41,1	569,1 / 43,2 428,4 / 32,5	790,4 / 40,7 417,8 / 21,5	6282,1 / 43,4 5311,9 / 36,7
Европа	2336,4 / 23,0	307,4 / 29,4	406,7 / 30,9	475,5 / 24,5	3526,0 / 24,4
Прочие	174,5 / 1,7	1,5 / 0,1	17,3 / 1,3	9,5 / 0,5	202,8 / 1,4
ИТОГО	10164,3 / 100,0	1044,3 / 100,0	1316,5 / 100,0	1941,3 / 100,0	14466,4 / 100,0

* Статистика Министерства финансов и экономики (МФЭ) РК.

[[НАЗАД](#)]

Таблица 2

Приток инвестиций США в Республику Корея в 90-е годы *

годы	Количество проектов	Вложения, млн. долл.	Изменения по сравнению с предыдущим годом, %
1990	84	317	-0,6
1991	86	296	-6,6
1992	70	379	28,0
1993	68	341	-10,0
1994	115	311	-8,8
1995	161	645	107,4

[\[НАЗАД \]](#)

Таблица 3

Отраслевая структура инвестиций из США в 90-е годы *

СФЕРЫ ВЛОЖЕНИЙ	Количество проектов	Вложения, млн. долл.	Доля, %
Промышленность обрабатывающая, <i>в том числе:</i>	379	3100	71,9
химическая	97	900	20,9
электроника и электротехника	190	723	16,8
транспортное машиностроение	50	475	11,0
Сфера услуг, <i>в том числе:</i>	531	1072	26,3
финансы	32	301	7,0
торговля	239	201	4,7
Сельскохозяйственное производство	13	10	0,2
Промышленность добывающая	2	0,4	0,01

* Korea-U.S. Economic Council, INC.

[[НАЗАД](#)]

Таблица 4

**Динамика и географическое распределение
южнокорейских прямых инвестиций за границей, 1962—1995 гг.***

млн. долл./ %

СТРАНА/ РЕГИОН	Годы				
	1962— 1992	1993	1994	1995	1962— 1995
Америка, в том числе США	2111,3 / 40,5 1669,0 / 32,0	390,0 / 31,0 384,0 / 30,5	573,0 / 24,9 531,0 / 23,0	545,9 / 17,8 534,0 / 17,5	3620,2 / 30,6 3118,0 / 26,3
Азия, в том числе Япония	1676,2 / 32,1 72,0 / 1,4	484,8 / 38,5 6,0 / 0,5	1080,3 / 46,9 58,0 / 2,5	1640,7 / 53,6 105,0 / 3,4	4882,0 / 41,2 241,0 / 2,0
Европа	483,3 / 8,4	189,6 / 15,0	427,8 / 18,6	611,2 / 20,0	1666,9 / 14,1
Прочие	991,2 / 19,0	195,6 / 15,5	223,9 / 9,7	261,2 / 8,5	1671,9 / 14,1

* Статистика Министерства финансов и экономики (МФЭ) РК.

[[НАЗАД](#)]

Таблица 5

**Южнокорейские инвестиции в США:
динамика в 90-е годы ***

годы	Количество проектов	Вложения, млн. долл.	Изменения по сравнению с предыдущим годом, %
1990	80	343	103,3
1991	79	391	14,2
1992	63	347	-11,3
1993	54	384	9,4
1994	127	531	39,8
1995	126	534	0,6

* Статистика Korea-U.S. Economic Council, INC

[[НАЗАД](#)]

Таблица 6

**Отраслевая структура притока южнокорейских
инвестиций в США в 90-е годы ***

СФЕРЫ ВЛОЖЕНИЙ	Количество проектов	Вложения, млн. долл.	Доля, %
Сфера услуг,	510	2208	63,2
в том числе:	312	1532	43,8
торговля	27	85	2,4
строительство			
Промышленность обрабатывающая	229	1238	35,4
Рыболовство	8	21	0,6
Промышленность добывающая	6	29	0,8

* Korea-U.S. Economic Council, INC.

[\[НАЗАД \]](#)

Таблица 1

**ЭКСПОРТ
ОРУЖИЯ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ
СССР (РОССИЕЙ) И США**

млрд. долл.

ГОДЫ	СССР (Россия)	США
1985	16,0	10,1
1986	18,8	11,6
1987	20,2	13,4
1988	19,8	12,2
1989	21,8	11,9
1990	16,3	10,8
1991	7,1	11,7
1992	2,3	10,3
1993	2,5	10,1
1994	1,7	13,5
1995	3,07	9,5
1996	3,3	7,5
1997	4,5	—

* Источник: «Известия», 24 декабря 1996 г.

[[НАЗАД](#)]

Таблица 2

ВЕДУЩИЕ ЭКСПОРТЕРЫ ОБЫЧНЫХ ВООРУЖЕНИЙ
млрд. долл.

СТРАНЫ	МЕСТО	ГОДЫ		
		1995	1996	1992—1996
США	1	10,972	10,228	61,686
Россия	2	3,505	4,512	15,471
Франция	3	0,785	2,101	6,467
Великобритания	4	1,568	1,773	7,302
Германия	5	1,549	1,464	8,715
Китай	6	0,949	0,573	4,357
Нидерланды	7	0,430	0,450	2,189
Швеция	15	0,174	0,274	0,670
Белоруссия	22	0,024	0,190	0,239
Украина	12	0,193	0,185	0,931

Источник: «Известия», 1 июля 1997 г.

[[НАЗАД](#)]

Таблица 3

ПРОГНОЗНЫЕ ПАРАМЕТРЫ РЫНКА МАКРОТЕХНОЛОГИЙ
млрд. долл.

ТЕХНОЛОГИИ	ГОДЫ		
	1996	2010	2015
Авиационные	4,0	18—22	28
Космические	0,9	4	8
Ядерные	0,6	6	10
Судостроение	0,4	4	10
Автомобилестроение	0,2	2	6—8
Транспортное машиностроение	0,6	4	8—12
Химическое машиностроение	0,6	3	8—10
Новые материалы	7	12	14—18
Добыча и переработка нефти	6,4	8	14—22
Добыча и транспортировка газа	0,6	7	21—28
Энергетическое машиностроение	0,5	4	12—14
Станкостроение и промышленное оборудование	0,1	3	8—10
Микро- и радиоэлектронные	0,05	4	7—9
Компьютерные и информационные	0,05	4,6	7,8
Коммуникации и связь	0,2	3,8	12
Биотехнологии	0,4	6	10
ВСЕГО	22,6	94—98	144—180

Источник: "Известия", 30 декабря 1997 г.

Таблица 1

ПОКАЗАТЕЛИ	Стоимость на одного человека в ценах		1996 г. к 1991 г., раз
	1991 г.	1 полугодие 1996 г.	
Продукты питания, руб.	24,7	191 000	7733
Квартирные услуги и квартплата, руб.	5,9	29 000	4915
Транспортные расходы в черте города, руб.	1,1	22 000	20 000
Социальный набор в целом, руб.	31,7	242 000	7634
Средняя месячная зарплата одного работающего, руб.	275	860 000	3127
Среднемесячный доход одного пенсионера, руб.	125	328 000	2624
Удельный вес затрат на продукты питания в зарплате одного работающего, %	9	22,2	-
Удельный вес затрат на социальный набор в зарплате одного работающего, %	11,5	28,1	-
Удельный вес затрат на продукты питания в доходе одного пенсионера, %	19,8	52,8	-
Удельный вес затрат на социальный набор в доходе одного пенсионера, %	25,3	73,8	-

[[НАЗАД](#)]